

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

FORENSIC EXAMINATION

№2 (54)

ВОЛГОГРАД — 2018

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА № 2 (54) 2018

ISSN 1813-4327

Судебная экспертиза. Выпуск 2 (54) 2018 : научно-практический журнал. — Волгоград : ВА МВД России, 2018. — 136 с.

Учредитель и издатель — Волгоградская академия МВД России

Журнал основан в 2004 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Аннотации статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 3 ноября 2011 г. Регистрационный номер — **ПИ № ФС77-47195**

Сайт журнала: www.va-mvd.ru/sudek/

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — **46462**

При перепечатке или ином воспроизведении материалов журнала «Судебная экспертиза» ссылка на источник обязательна

© Волгоградская академия МВД России, 2018

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА «СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА»

Главный редактор — *Третьяков Владимир Иванович*, начальник Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Заместитель главного редактора — *Шведова Наталья Николаевна*, доцент кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности¹ Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Члены редакционного совета

1. *Аверьянова Татьяна Витальевна*, профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

2. *Анчабадзе Нугзари Акакиевич*, профессор кафедры исследования документов УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

3. *Аубакирова Анна Александровна*, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, доктор юридических наук, доцент.

4. *Барина Ольга Александровна*, старший преподаватель кафедры криминалистической техники УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь).

5. *Бобовкин Михаил Викторович*, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

6. *Бочарова Ольга Станиславовна*, доцент кафедры криминалистических экспертиз Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

7. *Вехов Виталий Борисович*, профессор кафедры юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана, доктор юридических наук, профессор.

8. *Волынский Александр Фомич*, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

9. *Еремин Сергей Германович*, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел² Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

10. *Зайцева Елена Александровна*, профессор кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России, заслуженный работник высшей школы, доктор юридических наук, профессор.

11. *Кокин Андрей Васильевич*, профессор кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

¹ Далее — «УНК ЭКД».

² Далее — «УНК по ПС в ОВД».

12. *Колотушкин Сергей Михайлович*, главный научный сотрудник научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор.

13. *Кондаков Александр Владимирович*, начальник кафедры трасологии и баллистики УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

14. *Кошманов Петр Михайлович*, начальник УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

15. *Курин Алексей Александрович*, начальник кафедры криминалистической техники УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, кандидат технических наук, доцент.

16. *Латышов Игорь Владимирович*, профессор кафедры криминалистических экспертиз и исследований Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

17. *Лобачева Галина Константиновна*, профессор кафедры криминалистической техники УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, доктор химических наук, профессор.

18. *Майлис Надежда Павловна*, профессор кафедры трасологии и оружейведения учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

19. *Матвейчев Юрий Анатольевич*, заместитель начальника Могилевского института МВД Республики Беларусь по научной работе, кандидат юридических наук, доцент.

20. *Моисеева Татьяна Федоровна*, заведующая кафедрой судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

21. *Россинская Елена Рафаиловна*, директор Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

22. *Рубис Александр Сергеевич*, профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

23. *Ручкин Виталий Анатольевич*, профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

24. *Сейтенов Калиолла Кабаевич*, директор научно-исследовательского института судебной экспертизы Казахского гуманитарно-юридического университета (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор.

25. *Смирнова Светлана Аркадьевна*, директор Российского федерального центра судебной экспертизы Минюста России, доктор юридических наук, профессор.

26. *Хрусталева Виталий Николаевич*, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II, доктор юридических наук, профессор.

27. *Чулахов Владислав Николаевич*, начальник кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

28. *Шакиров Каримжан Нурумович*, декан факультета международных отношений Казахского национального университета имени аль-Фараби (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

<i>Аминев Ф. Г.</i> Проблемные вопросы, возникающие при назначении новых родов и видов судебных экспертиз	7
<i>Дьяконова О. Г.</i> Самоотвод эксперта как обязанность и его регламентация в процессуальном законодательстве стран-участниц Евразийского экономического союза	15

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ И ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Ручкин В. А., Бобовкин М. В.</i> О комплексе исследований при проведении экспертиз оружия, боеприпасов и следов их применения	30
<i>Чулахов В. Н.</i> Скелетная схема папиллярного узора и возможности ее использования в дактилоскопических и дерматоглифических исследованиях	38
<i>Латышов И. В., Васильев В. А.</i> Некоторые особенности морфологии огнестрельных повреждений на объектах из ткани и материалах на тканевой основе	47
<i>Шведова Н. Н.</i> Фальсификация письменных доказательств: из опыта экспертных исследований документов	56
<i>Бардаченко А. Н., Смольяков П. П., Становая О. В.</i> О криминалистической оценке глушителей звука выстрела стрелкового огнестрельного оружия	66
<i>Данилкина В. М.</i> Возможности судебно-почерковедческой диагностики кратких записей	73
<i>Гераськин М. Ю., Дашко Л. В.</i> Некоторые аспекты криминалистического исследования самодельных зажигательных устройств	81
<i>Давыдов Е. В., Финогенов В. Ф.</i> Особенности производства судебно-портретных экспертиз по цифровым портретам и видеоизображениям на предварительной стадии исследования	90
<i>Анчабадзе Н. А., Мирошников А. С.</i> Современное состояние практики исследования цифровых фотографических изображений с признаками цифровой ретуши и монтажа при проведении судебно-портретной экспертизы	98
<i>Родивилин И. П., Родивилина В. А.</i> О практике производства судебных экспертиз порнографической продукции	106
<i>Букур А. И.</i> Об одном из способов переделки огнестрельного оружия ограниченного поражения и патронов к нему в целях нанесения летальных повреждений	116

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ И ОБМЕН ОПЫТОМ

<i>Кошманов П. М.</i> Пресс-релиз IV-й Международной научно-практической конференции «Судебная экспертиза: российский и международный опыт»	124

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ	128

CONTENTS

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF FORENSIC EXPERT ACTIVITIES AND THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN LEGAL PROCEEDINGS

<i>Aminev F. G.</i> Problematic issues arising from the appointment of new genera and species of legal expertise	7
<i>Dyakonova O. G.</i> Self-challenge to an expert as an obligation and its regulation in the procedural legislation of the countries of the Eurasian economic union	15

PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE OF FORENSIC EXAMINATIONS AND RESEARCH

<i>Ruchkin V. A., Bobovkin M. V.</i> Concerning the complex of studies when conducting examination of weapons, ammunition, and traces of their application	30
<i>Chulakhov V. N.</i> Possibilities of the papillary pattern skeletal scheme use in dactyloscopic and dermatoglyphic examinations	38
<i>Latyshov I. V., Vasilyev V. A.</i> Some specific features of firearm damage morphology on cloth and cloth based objects	47
<i>Shvedova N. N.</i> Falsification of written evidence: from the experience of expert examinations of documents	56
<i>Bardachenko A. N., Smoliakov P. P., Stanovaya O. V.</i> Concerning the forensic evaluation of suppressors for firearms	66
<i>Danilkina V. M.</i> About opportunities of diagnostic testing of short hand-written records	73
<i>Geraskin M. Y., Dashko L. V.</i> Features of the criminalistic examination of self-made incendiary devices	81
<i>Davydov E. V., Finogenov V. F.</i> Features of the production of forensic portrait expertis on digital portraits and video images at the preliminary stage of the study	90
<i>Anchabadze N. A., Miroshnikov A. S.</i> Modern state of the research practices of digital photographic images with signs of digital retouching and installation when carrying out it is judicial-portrait examination	98
<i>Rodivilin I. P., Rodivilina V. A.</i> To the question of judicial examinations pornographic production	106
<i>Bukur A. I.</i> One of remake methods of limited destruction firearms and it's cartridges to inflict lethal injures	116

SCIENTIFIC DISCUSSION AND EXPERIENCE EXCHANGE

<i>Koshmanov P. M.</i> IV International scientific-practical conference «Forensic examination: russian and international experience»	124

CONTACT INFORMATION	128

УДК 343.148

ББК 67.53

DOI 10.25724/VAMVD.ABCD

Ф. Г. Аминев,

профессор кафедры криминалистики Института права
Башкирского государственного университета,
директор Урало-Поволжского объединения судебных экспертов,
член Президиума Союза «Палата судебных экспертов
имени Ю. Г. Корухова (СУДЭКС)», доктор юридических наук, доцент

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ
НОВЫХ РОДОВ И ВИДОВ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ**

В статье рассмотрены проблемы назначения новых родов и видов судебных экспертиз. Показаны отдельные процессуальные, научно-методические, организационные проблемы подготовки объектов экспертного исследования. Рассмотрены возможности видеотехнических, дендрохронологических, нейминговых и других видов судебных экспертиз. На конкретных примерах показаны возможности решения вопросов, возникающих при расследовании преступлений, путем назначения комплексных экспертиз. Описаны признаки новых видов технической подделки подписи, способы их выявления. Проведен обзор различных подходов к решению проблем назначения судебных экспертиз.

Показаны актуальные вопросы деятельности экспертно-криминалистических подразделений правоохранительных органов при назначении и проведении новых видов судебных экспертиз. Изложены предложения по подготовке и назначению новых родов и видов судебных экспертиз. Показано, что задачами ученых и практических работников являются своевременное выявление, поиск и разработка путей решения проблем назначения новых родов и видов судебных экспертиз.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебно-экспертное подразделение, эксперт, экспертная методика, правовые экспертизы, полиграф, научно-методическое обоснование, экспертное исследование.

F. G. Aminev,

Professor of Department of criminology Institute of law Bashkir State University,
Director of the Ural-Volga Association of forensic experts,
Member of the Presidium of the Union «Chamber of judicial experts
n. a. Y. G. Korukhov (SUDEKS)», Doctor of Science (Law), Associate Professor

**PROBLEMATIC ISSUES ARISING FROM THE APPOINTMENT
OF NEW GENERA AND SPECIES OF LEGAL EXPERTISE**

The article deals with the problems of appointment of new genera and types of forensic examinations. Separate procedural, scientific-methodical, organizational problems of preparation of objects of expert research are shown. The possibilities of vid-

eo, dendrochronological, naming and other types of forensic examinations are considered. On concrete examples possibilities of the solution of the questions arising at investigation of crimes, by appointment of complex examinations are shown. Signs of new types of technical forgery of the signature, ways of their identification are described. The review of different approaches to solving the problems of appointment of forensic examinations is carried out.

Actual issues of activity of expert-criminalistic substitutions of law enforcement agencies at appointment and carrying out new types of judicial examination are shown. The proposals for the training and appointment of new genera and species of legal expertise. It is shown that the task of scientists and practitioners is the timely identification, search and development of ways to solve the problems of appointment of new genera and types of forensic examinations.

Key words: forensic examination, forensic experts, expert, expert methods, legal expertise, polygraph, methodological rationale, according to expert research.

* * *

Благодаря развитию науки и современных технологий, внедрению их достижений в практическую деятельность отмечаются постоянное совершенствование существующих и возникновение новых видов и родов судебных экспертиз. По ранее проводимым (уже ставшим традиционными) судебным экспертизам имеются разработанные методические рекомендации и учебно-методические пособия, помогающие следователю (суду) при назначении судебной экспертизы определенного вида (рода) правильно сформулировать вопросы, собрать и представить судебному эксперту объекты в полном объеме и грамотно провести другие мероприятия. Однако при назначении новых видов и родов судебных экспертиз (с использованием ранее не применявшихся методов; по новым, ранее не исследованным объектам; при решении новых экспертных задач; с применением нового оборудования и технологий и т. д.) возникает ряд проблем, которые требуют своего решения.

1. Наиболее распространенной проблемой при назначении новых видов и родов судебных экспертиз является незнание лицами, обладающими процессуальными полномочиями назначать судебные экспертизы, существования таких экспертиз. Например, до сих пор в ходе расследования незаконной рубки лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) следователи ограничиваются назначением традиционных трасологических, ботанических, лесотехнических экспертиз. Вместе с тем гораздо больший результат в расследовании данных преступлений дает назначение судебной дендрохронологической экспертизы, позволяющей определить не только возраст, морфофизиологическое состояние срубленных деревьев, но и установить место произрастания с точностью до выдела, делянки и конкретного пня срубленного растения. Выход в решении этой проблемы видится в ознакомлении следователей (судей) с новейшей справочной и методической литературой по судебным экспертизам [1; 2; 3 и др.].

Наглядным примером является ситуация с назначением и производством судебных портретных экспертиз по видеозаписи. Профессором А. М. Зининым и его учеником Н. Н. Ильиным разработана методика идентификации человека по видеоизображениям. Новым в этой методике стало то, что при проведении раздельного исследования суммируется видеоинформация в виде совокупности видеокадров, на которых отобразилось отождествляемое лицо (в одном или нескольких вариантах ракурса), и комплекса отдельно взятых признаков элементов внешнего облика человека из различных кадров одной записи, составляющие единый образ человека. Для иллюстрации сравнительного исследования экспертом показывается выборка изображений идентифицируемого человека, где на одном видеокадре будет отмечена одна часть признаков, а на другом — другая [4, с. 185].

2. В последние годы стало очевидно, что решить некоторые вопросы, возникающие перед следствием (судом), возможно лишь за счет проведения комплексных судебных экспертиз. Так, общеизвестно, что материалы видеозаписи становятся важнейшими объектами экспертного исследования дорожно-транспортных происшествий (ДТП). Информация, полученная самыми разными средствами видеозаписи (видеокамерами наружного наблюдения, видеорегистраторами, видеокамерами средств сотовой связи и т. п.), позволяет решать широкий круг вопросов, связанных с установлением обстоятельств ДТП [5, с. 39].

Между тем в ряде случаев решение вопросов автотехнической экспертизы по видеозаписи традиционными методами не представляется возможным из-за низкого качества видеоматериалов. Причины низкого качества видеозаписи известны:

- большая дистанция фиксации места ДТП;
- неудачный ракурс видеосъемки;
- невысокая разрешающая способность видеокамеры.

В таких случаях все равно следователи должны назначать судебные комплексные экспертизы с использованием автотехнических, фототехнических, геометрических и геодезических методов и ставить перед экспертами задачи по установлению:

- скорости автотранспортного средства;
- дистанции между объектами;
- взаиморасположения объектов.

Данные задачи в настоящее время решаются с применением геодезических методов определения угловых и линейных величин на местности (на основе снимков, полученных с помощью спутников, а также в результате работы на месте с использованием теодолита и лазерного дальномера).

Представляется предпочтительным проведение комплексной психолого-психиатрической экспертизы для определения уровня психического развития и состояния несовершеннолетнего [6, с. 110], особенно в случае наличия сведений о его отставании в психическом развитии.

3. В настоящее время появились возможности решения новых задач в рамках имеющихся родов и видов судебных экспертиз. Так, стало возможным ре-

шить диагностические задачи определения обликовых характеристик личности (региональная принадлежность, пол, возраст, эмоциональное состояние, уровень образования диктора) по фонограммам речи в ходе проведения судебной фоноскопической экспертизы [7, с. 50—51]. Поэтому в случаях, когда подозреваемый не задержан, следователи должны ставить на разрешение фоноскопической экспертизы диагностические вопросы, позволяющие установить обликовые характеристики личности, например: каков род деятельности, профессия, культурный и общеобразовательный уровень каждого из участников разговора, а также их эмоциональное состояние в момент переговоров по их речевым портретам? Какие языковые ресурсы были использованы для реализации замысла партнеров по коммуникации? И т. д.

Аналогичная ситуация наблюдается с выделением в составе судебной лингвистической экспертизы особого вида — нейминговой экспертизы. Соответственно, для ее назначения возникает необходимость формирования и навыков назначения. Для этого следователи должны быть знакомы с литературой по ономастике (науке о возникновении, употреблении имен собственных), знать о коммерческой номинации (нейминге), нейминговой экспертизе товарных знаков (знаков обслуживания) [8, с. 433—434]. Все это позволит следователям в условиях активного развития процесса построения информационного общества грамотно формулировать вопросы нейминговой экспертизы в рамках расследования уголовных дел, связанных с нарушением прав интеллектуальной собственности, авторских прав.

4. Серьезные вопросы вызывает назначение традиционных судебных экспертиз для решения вопросов по объектам исследований, полученным в результате применения преступниками новых методов и средств. Так, становится проблемным решение вопросов почерковедческих экспертиз, связанных с исследованием рукописных текстов с вероятным выполнением их с использованием аппаратов компьютерной имитации рукописных реквизитов — плоттеров [9, с. 56—57].

В настоящее время фирмы-производители:

— сконструировали плоттеры с любым комплектом пишущих узлов и пишущих приборов (шариковых ручек, перьевых ручек, ручек-роллеров и т. д.);

— разработали программы изменения угла наклона пишущего прибора для каждой буквы;

— составили компьютерные программы, позволяющие составить модель почерка конкретного лица с последующим воспроизведением;

— создали графическую базу данных из многочисленных вариантов букв.

Кроме того, современные плоттеры позволяют дифференцированно воспроизводить нажимные характеристики в двух осях координат одновременно, а также по-разному проявлять характеристики почерка при написании на материалах разной плотности и т. д.

Таким образом, следователям и экспертам необходимо при назначении всех почерковедческих экспертиз обращать особое внимание на решение вопроса, выполнен ли рукописный текст (подпись) с использованием технических средств

копирования (плоттера). И в его решении первостепенное значение имеет дифференциальная диагностика способа выполнения и применения технических средств путем использования оптической (световой) микроскопии увеличением от 90^{\times} до 2000^{\times} [10, с. 81—82].

5. Еще большей проблемой для следователей (судей) является назначение традиционных судебных экспертиз, выполняемых с использованием новых, ранее не применявшихся научно-технических средств. Так, является не до конца решенным вопрос о научной обоснованности методики определения давности создания объекта, содержащего целлюлозу, методом импульсной ЯМР-спектроскопии. Способ, на котором основана данная методика, запатентован О. И. Плетенем в США: 5 марта 2015 г. ему выдан патент № US 2015/0064427 A1. Федеральной службой по интеллектуальной собственности (Роспатент) принято решение от 21 ноября 2012 г. № 2011151705/28 (077631) о выдаче патента на изобретение [11, с. 145]. Данная методика широко используется на территории России, причем давность исполнения документа не ограничена (5, 10 и более лет), искусственное старение документа не создает помех для точного определения даты исполнения документа с точностью до 15 дней. Представляется, что для уверенного использования судебной экспертизы определения давности создания объекта, содержащего целлюлозу, методом импульсной ЯМР-спектроскопии необходимо провести его валидацию и подтверждение научной обоснованности научно-методическими советами судебно-экспертных организаций.

6. Увеличение объема информации, поступающей лицу, проводящему расследование, постоянно действующие процессы дифференциации и интеграции привели к ситуации, когда для извлечения из документа значимой для дела информации следователь (дознатель, суд) назначает судебную правовую экспертизу. Отметим, что ни в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, ни в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» запрет на заключение по правовым вопросам отсутствует. В постановлении лишь указано, что круг специальных знаний эксперта должен быть ограничен юридическими знаниями в области специального права и не связан с оценкой деяния, разрешение которой относится к компетенции органа, осуществляющего расследования.

По результатам анализа правоприменительной практики использования судебных правовых экспертиз в Республике Башкортостан можно утверждать, что такие экспертизы стали проводиться судебно-экспертными организациями с 2013 г. Например, экспертами ООО «Урало-Поволжское объединение судебных экспертов» в течение 2014—2015 гг. было проведено 7 судебных правовых экспертиз, назначенных Следственным управлением СК России по Республике Башкортостан и Главным следственным управлением МВД по Республике Башкортостан. Выводы в них не всегда были категорическими положительными.

В Москве в 2013 г. судебные правовые экспертизы были назначены и проведены по 17 уголовным делам [12, с. 446].

Судебный эксперт (по специальности «Юрист») рассматривает с точки зрения нормы права установленные или известные по материалам уголовного дела факты и делает вывод об их соответствии или несоответствии норме права, не вдаваясь в оценку субъективной стороны деяния, не решая вопрос об ответственности и мере наказания, в силу чего использование экспертом юридических норм служит только обоснованию выводов о фактах, но не реализации правовых санкций (например: имеются ли нарушения действующего законодательства в приказах руководства Министерства лесного хозяйства? И т. д.).

В настоящее время все чаще стали назначаться судебные экспертизы по тем направлениям научных знаний, которые ранее использовались только в оперативных целях: судебные экспертизы запаховых следов человека, психофизиологические экспертизы с применением полиграфа и др. И если первое из названных направлений получило серьезное научно-методическое обоснование (вплоть до утверждения паспортов экспертных методик запаховых экспертиз человека) и достаточную практику использования, то второму еще предстоит пройти процессуальный, научно-методический и организационный этапы признания юридическим сообществом. Кстати, организационные испытания этот вид судебной экспертизы выдержал: с 2017 г. в экспертно-криминалистические подразделения МВД России (где многие годы отвергалось само существование этой экспертизы) введены единицы экспертов-полиграфологов. И в научно-методическом отношении судебная психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа также получила достойное развитие в виде изданного в 2016 г. учебника для магистров «Основы полиграфологии» [13].

Таким образом, следователи должны быть готовы использовать возможности судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа. В некоторых случаях применение этого сложного вида судебной экспертизы оказывается очень эффективным: в ситуациях, когда у подразделений уголовного розыска, по борьбе с экономическими преступлениями, дознания и следствия отсутствует возможность получить необходимую для расследования преступления информацию, минуя конкретного человека; или получение необходимой информации возможно традиционными методами, но они могут потребовать несоизмеримые материальные затраты и т. д.

Вместе с тем серьезным препятствием для обоснованного вывода этого вида судебной экспертизы может явиться несоблюдение следующих требований:

- добровольное согласие проверяемого к проведению экспертизы;
- психофизиологическая готовность проверяемого;
- недопущение овладения проверяемым информацией (сведениями) об обстоятельствах события, изложенных в материалах дела (от потерпевших, свидетелей, защитников и т. д.). И если первые два требования достаточно легко выполняются путем тактического воздействия следователя и привлечения психолога, то решением последнего проблемного вопроса будет являться направление проверяемого на психофизиологическую экспертизу с применением полиграфа в первые пять суток с момента получения сообщения о преступлении

(потерпевших, свидетелей) либо с момента задержания (подозреваемого, обвиняемого).

Проблемные вопросы при назначении новых родов и видов судебных экспертиз не ограничиваются описанными выше, они появляются и будут появляться в дальнейшем по мере расширения практики их использования. Задачей ученых и практических работников является своевременное выявление, поиск и разработка путей их решения.

Список библиографических ссылок

1. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2016.

2. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: практ. пособие / под ред. Т. В. Аверьяновой, В. Ф. Статкуса. 2-е изд., перераб и доп. М.: Юрайт, 2015.

3. Аминев Ф. Г. Назначение судебных экспертиз при расследовании преступлений: учеб. пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013.

4. Ильин Н. Н. Особенности раздельного исследования при проведении портретной экспертизы по материалам видеозаписи // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 19—20 января 2017 г.). М.: Проспект, 2017. С. 183—186.

5. Колотушкин С. М. Комплексная автотехническая экспертиза по материалам видеозаписи дорожно-транспортного происшествия // Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 11 ноября 2016 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 39—44.

6. Бикметова Н. А. Назначение комплексной психолого-психиатрической экспертизы в отношении несовершеннолетнего // Актуальные проблемы криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 24—25 апреля 2014 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 108—111.

7. Лебедева А. К. О месте судебно-экспертного исследования обликовых характеристик личности по фонограммам речи в системе судебных экспертиз // Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 11 ноября 2016 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 49—53.

8. Соколова Т. П. Формирование специальных профессиональных компетенций у специалистов в сфере нейминговой экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 19—20 января 2017 г.). М.: Проспект, 2017. С. 431—436.

9. Бодров Н. Ф. Судебно-экспертное исследование записей, выполненных аппаратами имитации рукописных реквизитов // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 19—20 января 2017 г.). М.: Проспект, 2017. С. 56—59.

10. Шведова Н. Н. Оптическая микроскопия как метод исследования реквизитов: возможности и пределы применения // Судебная экспертиза. 2013. № 2 (46). С. 79—89.

11. Плетень О. И., Плетень П. О. Внедрение современной науки и техники в экспертную практику вневедомственных экспертов («Методика определения давности создания объекта, содержащего целлюлозу, методом импульсной ЯМР-спектроскопии») // Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 12—13 октября 2017 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 142—149.

12. Тимошенко А. А. Правовая экспертиза по уголовным делам: критерии разграничения с допустимыми исследованиями // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 19—20 января 2017 г.). М.: Проспект, 2017. С. 446—447.

13. Комиссарова Я. В. Основы полиграфологии: учебник для магистров. М.: Проспект, 2016.

References

1. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I. *Nastol'naya kniga sud'i: sudebnaya e`kspertiza*. M.: Prospekt, 2016.

2. *Prakticheskoe rukovodstvo po proizvodstvu sudebny`x e`kspertiz dlya e`kspertov i specialistov: prakt. posobie / pod red. T. V. Aver`yanovoj, V. F. Statkusa*. 2-e izd., pererab i dop. M.: Yurajt, 2015.

3. Aminev F. G. *Naznachenie sudebny`x e`kspertiz pri rassledovanii prestuplenij: ucheb. posobie*. Ufa: RICz BashGU, 2013.

4. Il'in N. N. *Osobennosti razdel'nogo issledovaniya pri provedenii portretnoj e`kspertizy` po materialam videozapisi // Teoriya i praktika sudebnoj e`kspertizy` v sovremenny`x usloviyax: materialy` VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 19—20 yanvarya 2017 g.)*. M.: Prospekt, 2017. S. 183—186.

5. Kolotushkin S. M. *Kompleksnaya avtotekhnicheskaya e`kspertiza po materialam videozapisi dorozhno-transportnogo proisshestviya // Aktual`ny`e problemy` sudebno-e`kspertnoj deyatel`nosti v ugovnom, grazhdanskom, arbitrazhnom processe i po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax: materialy` V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ufa, 11 noyabrya 2016 g.)*. Ufa: RICz BashGU, 2016. S. 39—44.

6. Bikmetova N. A. *Naznachenie kompleksnoj psixologo-psixiatricheskoy e`kspertizy` v otnoshenii nesovershennoletnego // Aktual`ny`e problemy` kriminalisticheskogo obespecheniya ugovnogo sudoproizvodstva v sovremenny`x usloviyax: materialy` Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ufa, 24—25 aprelya 2014 g.)*. Ufa: RICz BashGU, 2014. S. 108—111.

7. Lebedeva A. K. *O meste sudebnoe`kspertnogo issledovaniya oblikovy`x xarakteristik lichnosti po fonogrammam rechi v sisteme sudebny`x e`kspertiz // Aktual`ny`e problemy` sudebno-e`kspertnoj deyatel`nosti v ugovnom, grazhdanskom, arbitrazhnom processe i po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax: materialy` V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ufa, 11 noyabrya 2016 g.)*. Ufa: RICz BashGU, 2016. S. 49—53.

8. Sokolova T. P. Formirovanie special'ny'x professional'ny'x kompetencij u specialistov v sfere nejmingovoj e'kspertizy // Teoriya i praktika sudebnoj e'kspertizy v sovremenny'x usloviyax: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 19—20 yanvarya 2017 g.). M.: Prospekt, 2017. S. 431—436.

9. Bodrov N. F. Sudebnoe'kspertnoe issledovanie zapisej, vy'polnenny'x apparatami imitacii rukopisny'x rekvizitov // Teoriya i praktika sudebnoj e'kspertizy v sovremenny'x usloviyax: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 19—20 yanvarya 2017 g.). M.: Prospekt, 2017. S. 56—59.

10. Shvedova N. N. Opticheskaya mikroskopiya kak metod issledovaniya rekvizitov: vozmozhnosti i predely primeneniya // Sudebnaya e'kspertiza. 2013. № 2 (46). S. 79—89.

11. Pleten' O. I., Pleten' P. O. Vnedrenie sovremenny'x nauki i texniki v e'kspertnuyu praktiku vnevedomstvenny'x e'kspertov («Metodika opredeleniya davnosti sozdaniya ob'ekta, sodержashhego cellyulozu, metodom impul'snoj YaMR-spektroskopii») // Aktual'ny'e problemy sudebnoe'kspertnoj deyatel'nosti

v ugovolnom, grazhdanskom, arbitrazhnom processe i po delam ob administrativny'x pravonarusheniyax: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ufa, 12—13 oktyabrya 2017 g.). Ufa: RICz BashGU, 2016. S. 142—149.

12. Timoshenko A. A. Pravovaya e'kspertiza po ugovolny'm delam: kriterii razgraničeniya s dopustimy'mi issledovaniyami // Teoriya i praktika sudebnoj e'kspertizy v sovremenny'x usloviyax: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 19—20 yanvarya 2017 g.). M.: Prospekt, 2017. S. 446—447.

13. Komissarova Ya. V. Osnovy poligrafologii: uchebnik dlya magistrrov. M.: Prospekt, 2016.

© Аминев Ф. Г., 2018

УДК 343.1
ББК 67.410

DOI 10.25724/VAMVD.ACDE

О. Г. Дьяконова,
кандидат юридических наук, доцент

**САМООТВОД ЭКСПЕРТА КАК ОБЯЗАННОСТЬ И ЕГО РЕГЛАМЕНТАЦИЯ
В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
СТРАН-УЧАСТНИЦ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

Правовой статус эксперта закреплен в нормативных правовых актах, регулирующих судебную-экспертную деятельность и судопроизводство. Однако следует отметить отсутствие единообразия и непоследовательность в его регулировании, что не способствует надлежащему осуществлению экспертом своих функций. Анализируя процессуальное законодательство стран-участниц Евразийского экономического союза в части регулирования правового статуса эксперта,

автор акцентирует внимание на заявлении об устранении эксперта от участия в деле.

Процессуальное законодательство стран-участниц ЕАЭС даже внутри отдельного государства несогласованно регламентирует самоотвод эксперта: различаются как формулировка такого заявления (право или обязанность эксперта), так и обстоятельства, при наличии которых должен быть заявлен самоотвод. В статье исследуются как общие, так и специальные основания (обстоятельства) для самоотвода эксперта. Самоотвод эксперта, по мнению автора, должен регламентироваться как обязанность эксперта при наличии определенных обстоятельств, препятствующих его участию в деле. Данная обязанность эксперта корреспондирует праву заинтересованных участников процесса заявить эксперту отвод. Подводя итог, автор формулирует основания для самоотвода эксперта и заявления эксперту отвода с точки зрения профессиональной этики, а также с учетом компетентностного и функционального подходов.

Ключевые слова: эксперт, процесс, судопроизводство, самоотвод, отвод эксперта, судебная экспертиза.

O. G. Dyakonova,

Candidate of Science (Law), Associate Professor

**SELF-CHALLENGE TO AN EXPERT AS AN OBLIGATION
AND ITS REGULATION IN THE PROCEDURAL LEGISLATION
OF THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION**

The legal status of the expert is fixed in normative legal acts regulating forensic activity and legal proceedings. However, it should be noted the lack of uniformity and inconsistency in its regulation, which does not contribute to the proper implementation of the expert's functions. Analyzing the procedural legislation of the countries of the Eurasian economic Union in terms of regulation of the legal status of the expert, the author focuses on the application for removal to the expert on participation in the case.

The procedural legislation of the countries of the EEU, even within the individual state, does not regulate the expert's self-challenge: the formulation of such an application (the right or obligation of the expert) and the circumstances in which there should be a self-challenge are different. Both general and special grounds (circumstances) are investigated for self-challenge of the expert. This expert's duty corresponds to the right of the interested participants of the process to declare the challenge to an expert. According to the author the expert's self-challenge should be regulated as an expert's duty in the presence of certain circumstances that prevent participation in the case. Summary, the author formulates the grounds for the expert's self-challenge (the statement to the challenge of expert) from the point of view of ethics, and also taking into account the competence and functional approaches.

Key words: expert, process, proceedings, self-challenge, challenge to an expert, forensic examination.

* * *

Анализ процессуального законодательства стран-участниц Евразийского экономического союза (ЕАЭС) показывает, что обязанность эксперта заявить самоотвод предусмотрена, за исключением некоторых кодексов [1—3], всеми нормативными правовыми актами, в которых установлена возможность участия судебного эксперта в производстве по делу. Несмотря на это, основания для самоотвода/отвода эксперта разнятся. Прежде всего, отметим, что не во всех кодексах заявление самоотвода является обязанностью эксперта. Так, например, согласно п. 5 ч. 4 ст. 319 Кодекса о нарушениях Кыргызской Республики (КР) [4] эксперт вправе «заявлять самоотвод, в случае если он является родственником привлекаемого к ответственности лица или потерпевшего, а также личной заинтересованности в разрешении дела».

Заявление эксперта о самоотводе при наличии оснований представляется именно его обязанностью, которой корреспондирует право других участников процесса заявить отвод.

Однако существуют и другие точки зрения. По мнению Е. А. Зайцевой, «заявление экспертом самоотвода при наличии к тому оснований может, в зависимости от ситуации, толковаться как право и как обязанность... Чтобы в дальнейшем при обнаружении информации о заинтересованности и зависимости эксперта не были признаны юридически ничтожными результаты его деятельности, эксперт обязан устраниваться от участия в деле. Что касается некомпетентности эксперта, то вопрос с самоотводом решается неоднозначно. Формально имея допуск (сертификат, свидетельство) на право производства экспертиз определенного рода, эксперт по субъективным причинам может чувствовать себя некомпетентным в этих вопросах (например, ему приходилось проводить такую экспертизу один раз в жизни и длительное время больше не заниматься подобными исследованиями). И здесь он уже вправе заявить самоотвод, так как документальных свидетельств его некомпетентности нет, а основания для устранения его от участия в деле кроются в его самокритичном настрое, субъективной оценке глубины и основательности собственных познаний. Отсутствие официальных документов о подготовке эксперта в той или иной области экспертных познаний влечет обязанность эксперта заявить самоотвод о своей некомпетентности еще до дачи заключения» [5, с. 248]. Представляется, что эксперт в любом случае, когда он не осознает себя компетентным в решении определенных вопросов, обязан заявить самоотвод, а не компенсировать свою некомпетентность попытками привлечь к производству экспертизы других экспертов или пользоваться помощью специалиста.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) [2] установлено, что **эксперт обязан самоустраниться от участия в производстве по уголовному делу при наличии оснований для отвода, предусмотренных ст. 62 и 70 УПК РФ**. Поэтому в рамках настоящей статьи мы предпри-

мом анализ обстоятельств, которые позиционируются отраслевым законодательством

в странах-участницах ЕАЭС как **основания для отвода эксперта**. Помимо общих оснований для отвода, которые практически во всех кодексах определены как та или иная заинтересованность и адресованы, прежде всего, судьям, по ч. 2 ст. 70 УПК РФ эксперт подлежит отводу в случаях: если он находился или находится в служебной или иной зависимости от сторон или их представителей, если обнаружится его некомпетентность.

Одним из важнейших оснований для отвода эксперта следует считать отсутствие компетентности, поскольку именно специальные знания в соответствующей сфере делают эксперта столь ценным участником процесса. Однако это основание также закреплено далеко не во всех кодексах, что уже отмечалось в научной литературе [7, с. 13]. Применение именно этого основания самоотвода эксперта косвенно связано с соблюдением экспертом норм профессиональной этики, пониманием им собственной роли в судопроизводстве, а также осознанием им ответственности за принятое решение.

По основанию «если он находился или находится в служебной или иной зависимости от сторон или их представителей» эксперт обязан также заявить самоотвод в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 21 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ [8], ч. 1 ст. 18 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РФ [9], ч. 2 ст. 33 Кодекса административного судопроизводства (КАС) РФ [10], п. 4 ч. 1 ст. 97 УПК Республики Армения (РА) [11], ч. 1 ст. 23 ГПК РА [12], п. 2 ч. 1 ст. 85 УПК Республики Беларусь (РБ) [13], ст. 105 ГПК РБ [14], ст. 35 Хозяйственного процессуального кодекса (ХПК) РБ [15], ч. 1 ст. 5.2 Процессуально-исполнительного кодекса РБ об административных правонарушениях [16], п. 3 ч. 1 ст. 75 УПК КР [17], ч. 1 ст. 21 ГПК КР [18], п. 2 ч. 1 ст. 93 УПК Республики Казахстан (РК) [19], п. 1 ч. 2 ст. 39 ГПК РК [20].

В статье 762 Кодекса об административных правонарушениях (КоАП) РК [21] основание заинтересованности экспертов изложено несколько иначе: «Состоят в родственных отношениях с лицом, привлекаемым к административной ответственности, потерпевшим, их представителями, защитником, представителем, прокурором, судьей, должностным лицом, в производстве которых находится данное дело» (ч. 2 ст. 762 КоАП РК). В отраслевом законодательстве, регулирующем исполнительное производство, а также привлечение эксперта при осуществлении налогового и таможенного контроля, только в ст. 34 Закона КР об исполнительном производстве [22] содержится подобное основание.

Основание для самоотвода эксперта в случае, когда он является близким родственником или родственником любого из участников процесса, установлено во всех нормативных правовых актах, которыми предусмотрено его участие в процессе. Однако, полагаем, имеется необходимость в расширении такого основания — следует включить в него лиц, с которыми эксперт ранее находился или находится сейчас в личных отношениях позитивного (например, дружеских) или негативного (неприятности) характера. Возможно, следует конкретизировать данное основание для отвода и установить, что эксперт обязан заявить самоот-

вод, если является близким родственником, родственником кого-либо из участников процесса, а также находился или находится с участником процесса в личных отношениях.

По сути данное основание выступает проявлением заинтересованности и должно повлечь последствия, если эксперт не заявит самоотвод. Следует согласиться с мнением А. Р. Белкина, что «в случае, если заинтересованность эксперта обнаруживается уже после окончания производства экспертизы, его заключение должно быть признано недопустимым доказательством» и предложить внести дополнения в ст. 57 УПК РФ: «2¹. В случае установления факта заинтересованности эксперта в исходе уголовного дела эксперт подлежит отводу в порядке статьи 70 настоящего Кодекса. Если указанный факт обнаруживается после окончания производства экспертизы, заключение эксперта и его последующие показания признаются недопустимыми доказательствами в порядке статьи 75 настоящего Кодекса» [23, с. 141].

В АПК РФ установлено общее основание для отвода арбитражного судьи, распространяемое и на эксперта: «Делал публичные заявления или давал оценку по существу рассматриваемого дела» (п. 7 ч. 1 ст. 21 АПК РФ). Большинство авторов, комментируя данное положение, указывают на публикации судьи в СМИ, опубликования статей, интервью, выступление перед аудиторией, где давалась оценка рассматриваемому делу, включая оценку доказательств и обстоятельств дела, предрешение исхода дела и пр. [24], публичные заявления, сделанные на лекциях, пресс-конференциях и при иных публичных выступлениях, к которым не относится вынесение решения [25]. По мнению авторов комментария к АПК РФ под редакцией профессора В. В. Яркова, «такая позиция законодателя представляется правильной и своевременной, поскольку в последнее время участились случаи воздействия на суд путем организации различных митингов, публикаций в печати, провоцирующих судью на ответные заявления. Вместе с тем согласно п. 1 ст. 6 Кодекса судейской этики, утвержденного VI Всероссийским съездом судей 2 декабря 2004 г., судья не вправе делать публичные заявления, комментировать судебные решения, выступать в прессе по существу дел, находящихся в производстве суда, до вступления в законную силу принятых по ним постановлений, следовательно, обязан воздерживаться от высказывания любых оценок и выводов по существу рассматриваемого дела» [26].

Подобное положение имеется в п. 4 ч. 1 ст. 20 Административно-процессуального кодекса КР [27]: «Если он в любой форме высказывал свою позицию вне судебного рассмотрения о возможном результате дела, связанного со спором, до вынесения его на обсуждение судебного состава (либо делал открытое заявление)», а также установлено в КАС РА посредством отсылочной нормы к Судебному кодексу РА [28]. В ГПК РА и УПК РА приведены основания для отвода судьи, распространяющиеся и на эксперта, но в КАС РА [16] такие основания отсутствуют, где в ст. 13 КАС РА указано, что на отношения, связанные с самоотводом судьи, распространяются соответствующие нормы ГПК РА и Судебного кодекса РА.

В статье 90 Судебного кодекса РА установлены правила надлежащего поведения судьи при действии по должности, а также особенности заявления им самоотвода. В пункте 11 ч. 3 ст. 90 Судебного кодекса РА установлена обязанность судьи «избегать публичного выражения мнения о рассматриваемом или ожидаемом в каком-либо суде деле, в том числе, если это может являться вмешательством в рассмотрение дела. Судья обязан требовать аналогичного поведения также от аппарата суда и других лиц, находящихся под руководством или контролем судьи. Настоящий пункт не запрещает судье делать публичные заявления, связанные с его служебными обязанностями, или ставить в известность общественность о процедуре рассмотрения дел в суде. Настоящий пункт не применяется в случае, когда судья выступает по делу в качестве стороны». А пункт 12 ч. 3 ст. 90 Судебного кодекса РА запрещает судье разглашать и использовать вне рамок осуществления судебной власти сведения, ставшие известными ему в связи с исполнением служебных обязанностей, если законом не предусмотрено иное.

В статье 35 ХПК РБ установлены дополнительные, помимо общих, основания для отвода эксперта и специалиста: их служебная или иная зависимость от лиц, участвующих в деле, или их представителей в момент рассмотрения дела или в прошлом либо проведение ими проверки, материалы которой послужили основанием или поводом для обращения в суд, рассматривающий экономические дела, либо используются при рассмотрении этого дела. Аналогичные основания для отвода эксперта предусмотрены в ч. 1 ст. 21 ГПК КР, абз. 2 ч. 1 ст. 23 АПК РФ.

А. В. Хмелева, обращая внимание на служебную зависимость экспертов подразделений Следственного комитета России, пишет: «Не вызывает сомнения, что сотрудники отделов или управлений (каким является эксперт отдела криминалистики или самостоятельного экспертного подразделения в территориальном следственном управлении) находятся в служебной зависимости от стороны обвинения (кем в соответствии с п. 47 ст. 5 УПК РФ является в том числе руководитель следственного органа). Конечно, следует иметь в виду, что эксперт и в этих случаях составляет заключение от своего имени, предупреждается следователем об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, постановление о назначении судебной экспертизы следователем направляется непосредственно эксперту» [29]. При этом она отмечает, что «неизвестны случаи признания судом заключения эксперта недопустимым доказательством по вышеуказанному основанию, но определенная проблематичность данной ситуации просматривается, на что было обращено внимание органами прокуратуры» [29].

Одним из дискуссионных оснований для заявления самоотвода (отвода) эксперта является предыдущее его участие в деле в качестве эксперта, а также «если он производил ревизию или проверку, результаты которой послужили основанием для обращения в суд либо используются при рассмотрении данного дела» (абз. 2 ч. 1 ст. 23 АПК РФ, п. 5 ч. 1 ст. 97 УПК РА, п. 2 ч. 1 ст. 23 ГПК РА,

п. 2 ч. 1 ст. 85 УПК РБ, ст. 105 ГПК РБ, ст. 35 ХПК РБ, п. 4 ч. 1 ст. 75 УПК КР, абз. 2 ч. 1 ст. 21 ГПК КР, п. 3 ч. 1 ст. 93 УПК РК, п. 2 ч. 1 ст. 39 ГПК РК).

Можно отметить противоречивость подобных установлений. Так, согласно пункту 4 ч. 1 ст. 75 УПК КР эксперт не может принимать участие по делу, если он проводил по нему ревизию, но при этом в ч. 2 ст. 75 УПК КР установлено, что участие эксперта в данном деле в качестве специалиста в области судебной медицины при наружном осмотре трупа не является основанием для отвода эксперта, также как и участие эксперта в осмотре места происшествия не является основанием для отвода. Противоречие усматривается в том, что в перечисленных случаях эксперт участвовал в качестве специалиста либо проводил исследование (ревизию) в досудебном порядке, а не в начатом уже производстве по делу, о чем закон не упоминает. Законодатель необоснованно разделяет объекты экспертного исследования, которые различны исходя из применяемых для их изучения областей специальных знаний, но тождественны с точки зрения законодательного регулирования порядка обращения с ними. Для целей судопроизводства малозначимо, что именно представляет собой объект экспертного исследования — живое лицо или вещественное доказательство, важно, какие сведения, имеющие значение для дела, данный объект в себе несет.

Только на первый взгляд представляется, что объединение указанных оснований в одно нелогично. При подробном рассмотрении деятельности, обозначенной в законе как «ревизия», «проверка», выявляются признаки исследования, более того, во многих видах экспертиз используются результаты предыдущих ревизий и проверок. Например, при осуществлении налоговой проверки привлекается специалист, который помогает налоговому органу установить, совершало ли лицо, в отношении которого был составлен акт налоговой проверки, нарушение законодательства о налогах и сборах, предварительно изучая предоставленные материалы. В дальнейшем при возникновении необходимости в получении заключения эксперта в рамках экономической экспертизы те же материалы передаются эксперту в качестве объектов исследования. Работа эксперта, ранее изучавшего материалы, будет эффективнее, нежели эксперта, который проводит исследование «с нуля». С одной стороны, специалист, привлеченный для оказания помощи при проведении налоговой проверки, вполне может в последующем скрыть факт ошибочно выявленного нарушения. С другой стороны, у лица, в отношении которого проводится налоговая проверка, есть право присутствовать при проведении процессуальных действий, подготовке экспертизы и ее проведении, а кроме того, обратиться за консультацией к другому специалисту. Поэтому нецелесообразно устанавливать такое основание для отвода.

Рассматриваемое основание ранее было предусмотрено п. 3 «а» ст. 67 УПК РСФСР, но считаем полезным сохранять его в действующем законодательстве. С учетом возможностей участников процесса, предоставляемых им законом в целях обеспечения состязательности, полагаем вполне возможным преодолеть негативные последствия участия специалиста, который производил ревизию или проверку, в дальнейшем в качестве эксперта. Кроме того, существует

такое основание для отвода эксперта, как *его заинтересованность в исходе дела*, которое, являясь практически универсальным, вполне может быть применимо и в случае, когда выявляется ошибочность выводов первично проведенного в рамках проверки исследования.

Считаем, что если при последующем привлечении к участию в деле после проведения ревизии или проверки эксперт утрачивает беспристрастность и обнаруживается его заинтересованность, то вполне достаточно применить общие основания для его отвода, установленные практически всеми процессуальными кодексами. Отметим, что в отраслевом законодательстве, регулирующем налоговую, таможенную деятельность и исполнительное производство, рассматриваемое основание отсутствует. При этом во многих кодексах отмечается, что участие эксперта в деле в качестве эксперта не является основанием для отвода в отличие от предыдущего участия эксперта в деле как специалиста. Так, в пункте 5 ч. 1 ст. 93 УПК РК указано основание отвода эксперта: «Если он участвовал в деле в качестве специалиста, за исключением случаев участия врача-специалиста в области судебной медицины в осмотре трупа человека», что также напоминает существовавшее ранее положение п. 3 «а» ст. 67 УПК РСФСР.

В части 2 ст. 93 УПК РК установлено, что «в производстве экспертизы живого лица, а также трупа в качестве эксперта не может участвовать врач, который до назначения экспертизы оказывал соответствующему лицу медицинскую помощь». При этом в ч. 3 ст. 93 УПК РК указывается, что «предыдущее участие лица в данном деле в качестве эксперта не является обстоятельством, исключаящим поручение ему производства экспертизы по делу, кроме случаев, когда она назначается повторно после экспертизы, проведенной с его участием». Данное положение на первый взгляд выглядит противоречиво, однако речь идет о предыдущем участии эксперта, привлеченного в соответствующем порядке для участия в процессе и проведении экспертизы, а основание ч. 2 ст. 93 УПК РК установлено в отношении врача, который осуществлял свою медицинскую деятельность до начала судопроизводства.

Возникает вопрос: в чем принципиальное различие между этими субъектами, за исключением процессуального оформления? Ведь эксперт, проводивший экспертизу, вполне может допустить определенную неточность или ошибку, и в последующем, при проведении дополнительного исследования попытаться скрыть этот недостаток. Возможно, подобное действие повлияет на результат, но может и не иметь последствий.

Названное положение сформулировано без учета особенностей проведения экспертизы в отношении живого лица. Например, судебно-психиатрическая экспертиза проводится только в комиссионном составе, а участие того врача, который оказывал медицинскую помощь подэкспертному, облегчает собирание анамнеза, и он, как правило, выступает врачом-докладчиком при производстве экспертизы. Если же речь идет о так называемой корпоративной этике, то непонятно, каким образом рассматриваемое положение закона помешает коллегам не допущенного к участию в судебной экспертизе сведущего лица ее применить.

Не следует также забывать о возможности заявить отвод эксперту на основании его предполагаемой заинтересованности в деле с учетом взаимоотношений с бывшим пациентом.

Часть 3 ст. 39 ГПК РК, ч. 3 ст. 762 КоАП РК также содержат положение: «Предыдущее участие лица в деле в качестве эксперта является обстоятельством, исключающим поручение ему производства экспертизы в случаях, когда она назначается повторно после проведенной с его участием экспертизы». Подобное установление имеется в ч. 2 ст. 88 УПК РА. В российском и белорусском процессуальном законодательстве положения, указывающие на назначение повторной экспертизы другому эксперту, содержатся в нормах тех статей, где раскрываются основания и порядок назначения дополнительной и повторной экспертиз. Приведенные положения представляются оправданными ввиду наличия оснований для назначения повторной экспертизы.

Имеются и другие мнения, фактически предлагающие расширить основание о предыдущем участии в деле в качестве эксперта. Так, М. В. Горский предлагает рассматривать основания для отвода эксперта в ч. 2 ст. 70 УПК РФ в сочетании с ст. 18 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ФЗ о ГСЭД), где в абз. 3 указано, что в производстве судебной экспертизы в отношении живого лица не может участвовать врач, который до ее назначения оказывал указанному лицу медицинскую помощь, отмечая, что указанное ограничение действует при проведении судебно-психиатрической экспертизы. В качестве вывода М. В. Горский предлагает закрепить данное обстоятельство в ст. 70 УПК РФ [30, с. 47]. А. В. Хмелева также полагает необходимым внести дополнение в ст. 70 УПК РФ об установлении основания для отвода эксперта — судебного медика или психиатра, которое содержится в ст. 18 ФЗ о ГСЭД [31], обосновывая это обеспечением объективности последующей экспертизы [29].

Трудно согласиться с таким предложением, учитывая сказанное и следующие обстоятельства. Во-первых, п. 1 ч. 2 ст. 70 УПК РФ содержит положение, по которому «предыдущее его участие в производстве по уголовному делу в качестве эксперта или специалиста не является основанием для отвода».

Во-вторых, наличие положения п. 1 ч. 2 ст. 70 УПК РФ объясняется в том числе целесообразностью экономии времени и финансовых затрат, поскольку специалист или эксперт, изучивший объект ранее, имеет о нем представление и способен помочь следователю или суду в обеспечении надлежащей подготовки к назначению судебной экспертизы (от правильного определения ее вида, формулирования вопросов, решения вопроса о комиссионном характере и пр.). Но не совсем ясно, в чем принципиальное различие врача, который оказывал медицинскую помощь человеку, обследовав его при этом, и специалиста, осматривавшего объект будущей экспертизы, которую ему и поручили производить. Как уже отмечалось, в случае возникновения подозрения об ошибочности лечения, приведшего к негативным последствиям, вполне может быть заявлен отвод по основанию личной заинтересованности сведущего лица в деле.

В-третьих, некоторые ученые полагают, что такой врач не будет беспристрастным, его действия могут быть направлены на сокрытие возможных предыдущих ошибок в лечении, а доверительные отношения с пациентом, желание помочь могут привести к недостоверному решению при производстве экспертизы [32, с. 90]. Сокрытие ошибок вполне осуществимо, например при проведении судебно-медицинской экспертизы трупа: в ее производстве мог участвовать как врач, оказывавший медицинскую помощь пациенту (п. 3 «а» ст. 67 УПК РСФСР не считал это основанием для отвода), так и другой эксперт, имеющий специальные знания в области судебной медицины. Вопрос возникает только в отношении проведения судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертиз, причем вторая, как уже отмечалось, всегда производится только в комиссионном составе. Бывший лечащий врач мог бы выступать в качестве члена комиссии и выражать свое мнение, основанное на контакте с пациентом и проведенных медицинских исследованиях. Если рассматривать данный вопрос с точки зрения ответственности эксперта, то не следует забывать об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, а также о профессиональной этике эксперта, в связи с чем его действия неминуемо отразились бы на возможности в дальнейшем заниматься экспертной деятельностью.

В-четвертых, обоснование необходимости введения данной нормы отсутствием объективности в целом укладывается в уже существующее положение законодательства, предусматривающее отвод эксперта ввиду его личной заинтересованности в исходе дела.

В-пятых, заключение эксперта не обладает преимуществом перед другими доказательствами, потому что также должно быть подвергнуто оценке, а не принято «на веру». Правильно проведенная оценка заключения вполне способна выявить возможные недостатки в проведенном исследовании, включая необъективность в связи с участием в нем врача, который оказывал помощь пациенту.

Полагаем, что положение п. 1 ч. 2 ст. 70 УПК РФ явилось «пробным шаром», пришедшим на смену норме п. 3 и п. 3 «а» ст. 67 УПК РСФСР, где эксперт не мог принимать участия в производстве по делу: если он производил по данному делу ревизию, материалы которой послужили основанием к возбуждению уголовного дела; а также если он участвовал в деле в качестве специалиста, за исключением случая участия врача — специалиста в области судебной медицины, в наружном осмотре трупа. Предложение некоторых ученых о закреплении в УПК РФ нормы, аналогичной ст. 18 ФЗ о ГСЭД о запрете участия в производстве экспертизы врача, который до ее назначения оказывал лицу медицинскую помощь, видится шагом назад в законодательном регулировании оснований для отвода эксперта.

Представляется, что в отношении эксперта (также как и специалиста) должна быть установлена обязанность заявить самоотвод, корреспондирующая праву заинтересованных участников процесса и лиц (органов), ведущих процесс, заявить эксперту отвод по следующим основаниям, если эксперт:

- 1) выступал или выступает в качестве участника судопроизводства. Не является основанием для отвода: а) предыдущее участие эксперта в качестве специалиста или эксперта; б) предыдущее участие специалиста в качестве специалиста или эксперта;
- 2) является близким родственником, родственником кого-либо из участников процесса, а также находился или находится с участником процесса в личных отношениях;
- 3) имеет личную заинтересованность в исходе дела;
- 4) находится или ранее находился в служебной или иной зависимости от любого из участников процесса;
- 5) является некомпетентным в области знаний, по которой требуется участие эксперта;
- 6) делал публичные заявления или давал оценку по существу рассматриваемого дела.

Список библиографических ссылок

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 октября 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
2. Кодекс Республики Армения об административных правонарушениях от 6 декабря 1985 г. № 355-11. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1392&lang=arm&enc=utf8> (дата обращения: 31.03.2018).
3. Кодекс административного судопроизводства Республики Армения от 28 декабря 2013 г. P-139. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=3140&lang=rus> (дата обращения: 31.03.2018).
4. Кодекс Кыргызской Республики о нарушениях от 13 апреля 2017 г. № 58. URL: http://online.adviser.kg/Document/?link_id=1005670246 (дата обращения: 31.03.2018).
5. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 537 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
7. Россинская Е. Р. Правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности как часть системы судебной экспертологии // Судебная экспертиза. 2016. № 1 (45). С. 8—15.
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
10. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. ЗР-248. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus> (дата обращения: 31.03.2018).
12. Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения от 7 августа 1998 г. ЗР-247. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1918&lang=rus> (дата обращения: 31.03.2018).
13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3. URL: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900295#load_text_none_2_1 (дата обращения: 31.03.2018).
14. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-3. URL: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900238#load_text_none_1_2 (дата обращения: 31.03.2018).
15. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. № 219-3. URL: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9800219#load_text_none_3_1 (дата обращения: 31.03.2018).
16. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г. № 194-3. URL: http://etalonline.by/?type=text®num=НК0600194#load_text_none_1_1 (дата обращения: 31.03.2018).
17. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30 июня 1999 г. № 62. URL: http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30241915 (дата обращения: 31.03.2018).
18. Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 25 января 2017 г. № 14. URL: http://online.adviser.kg/Document/?link_id=1005532153 (дата обращения: 31.03.2018).
19. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 31.03.2018).
20. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377-V. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053 (дата обращения: 31.03.2018).
21. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399 (дата обращения: 31.03.2018).
22. О статусе судебных исполнителей и об исполнительном производстве: закон Кыргызской Республики от 28 января 2017 г. № 15. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/994> (дата обращения: 31.03.2018).
23. Белкин А. Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? В 2 т. Т. 1. Общая часть. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт. 287 с.
24. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / Т. К. Андреева [и др.]; под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2013. 958 с.
25. Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации / О. В. Абознова [и др.]; отв. ред. И. В. Решетникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. 492 с.

26. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Абсалямов [и др.]; под ред. В. В. Яркова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 1152 с.

27. Административно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 25 января 2017 г. № 13. URL: http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=38800804&mode=all (дата обращения: 31.03.2018).

28. Судебный кодекс Республики Армения от 21 февраля 2007 г. ЗР-135. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2966&lang=rus> (дата обращения: 31.03.2018).

29. Хмелева А. В. К вопросу о совершенствовании законодательства в области назначения и производства судебных экспертиз // Эксперт-криминалист. 2015. № 4. С. 16—18.

30. Горский М. В. Правовой институт отвода эксперта как средство предотвращения экспертных ошибок // Ошибки судебной экспертизы: причины, выявление, предупреждение: материалы круглого стола (МГЮА, Москва, 26 января 2012 г.). Москва: Проспект, 2012. С. 45—47.

31. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (в ред. от 8 марта 2015 г.) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

32. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ». М.: ООО «ТК Велби», 2002. 192 с.

References

1. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah: feder. zakon ot 30 oktyabrya 2001 g. № 195-FZ // SZ RF. 2002. № 1. St. 1.

2. Kodeks Respubliki Armeniya ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 6 dekabrya 1985 g. № 355-11. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1392&lang=arm&enc=utf8> (data obrashcheniya: 31.03.2018).

3. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Respubliki Armeniya ot 28 dekabrya 2013 g. R-139. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=3140&lang=rus> (data obrashcheniya: 31.03.2018).

4. Kodeks Kyrgyzskoj Respubliki o narusheniyah ot 13 aprelya 2017 g. № 58. URL: http://online.adviser.kg/Document/?link_id=1005670246 (data obrashcheniya: 31.03.2018).

5. Zajceva E. A. Konceptiya razvitiya instituta sudebnoj ehkspertizy v uslo-viyah sostyazatel'nogo ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2008. 537 s.

6. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 18 dek-abrya 2001 g. № 174-FZ // SZ RF. 2001. № 52 (ch. I). St. 4921.

7. Rossinskaya E. R. Pravovoe obespechenie sudebno-ehkspertnoj deyatel'nosti kak chast' sistemy sudebnoj ehkspertologii // Sudebnaya ehkspertiza. 2016. № 1 (45). S. 8—15.

8. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 24 iyulya 2002 g. № 95-FZ // SZ RF. 2002. № 30. St. 3012.
9. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 14 noyabrya 2002 g. № 138-FZ // SZ RF. 2002. № 46. St. 4532.
10. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 8 marta 2015 g. № 21-FZ // SZ RF. 2015. № 10. St. 1391.
11. Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Armeniya ot 1 sentyabrya 1998 g. ZR-248. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1450&lang=rus> (data obrashcheniya: 31.03.2018).
12. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Respubliki Armeniya ot 7 avgusta 1998 g. ZR-247. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1918&lang=rus> (data obrashcheniya: 31.03.2018).
13. Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Belarus' ot 16 iyulya 1999 g. № 295-Z. URL: http://etalonline.by/?type=text&num=HK9900295#load_text_none_2_1 (data obrashcheniya: 31.03.2018).
14. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Respubliki Belarus' ot 11 yanvarya 1999 g. № 238-Z. URL: http://etalonline.by/?type=text&num=HK9900238#load_text_none_1_2 (data obrashcheniya: 31.03.2018).
15. Hozyajstvennyj processual'nyj kodeks Respubliki Belarus' ot 15 dekabrya 1998 g. № 219-Z. URL: http://etalonline.by/?type=text&num=HK9800219#load_text_none_3_1 (data obrashcheniya: 31.03.2018).
16. Processual'no-ispolnitel'nyj kodeks Respubliki Belarus' ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 20 dekabrya 2006 g. № 194-Z. URL: http://eta-lonline.by/?type=text&num=Hk0600194#load_text_none_1_1 (data obrashcheniya: 31.03.2018).
17. Ugolovno-processual'nyj kodeks Kyrgyzskoj Respubliki ot 30 iyunya 1999 g. № 62. URL: http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30241915 (data obrashcheniya: 31.03.2018).
18. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Kyrgyzskoj Respubliki ot 25 yanvarya 2017 g. № 14. URL: http://online.adviser.kg/Document/?link_id=1005532153 (data obrashcheniya: 31.03.2018).
19. Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 4 iyulya 2014 g. № 231-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (data obrashcheniya: 31.03.2018).
20. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 31 oktyabrya 2015 g. № 377-V. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053 (data obrashcheniya: 31.03.2018).
21. Kodeks Respubliki Kazahstan ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 5 iyulya 2014 g. № 235-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399 (data obrashcheniya: 31.03.2018).
22. O statuse sudebnyh ispolnitelej i ob ispolnitel'nom proizvodstve: zakon Kyrgyzskoj Respubliki ot 28 yanvarya 2017 g. № 15. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/994> (data obrashcheniya: 31.03.2018).
23. Belkin A. R. UPK RF: otmenit' nel'zya popravit'? V 2 t. T. 1. Obshchaya chast'. 2-e izd., ispr.i dop. M.: YUrajt. 287 s.

24. Postatejnyj kommentarij k Arbitrazhnomu processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / T. K. Andreeva [i dr.]; pod red. P. V. Krashennikova. M.: Statut, 2013. 958 s.

25. Praktika primeneniya Arbitrazhnogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii / O. V. Aboznova [i dr.]; otv. red. I. V. Reshetnikova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: YUrajt, 2012. 492 s.

26. Kommentarij k Arbitrazhnomu processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / A. V. Absalyamov [i dr.]; pod red. V. V. Yarkova. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Infotropik Media, 2011. 1152 s.

27. Administrativno-processual'nyj kodeks Kyrgyzskoj Respubliki ot 25 yanvarya 2017 g. № 13. URL: http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=38800804&mode=all (data obrashcheniya: 31.03.2018).

28. Sudebnyj kodeks Respubliki Armeniya ot 21 fevralya 2007 g. ZR-135. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2966&lang=rus> (data obrashcheniya: 31.03.2018).

29. Hmeleva A. V. K voprosu o sovershenstvovanii zakonodatel'stva v oblasti naznacheniya i proizvodstva sudebnyh ehkspertiz // Ehkspert-kriminalist. 2015. № 4. S. 16—18.

30. Gorskij M. V. Pravovoj institut otvoda ehksperta kak sredstvo predotvrashcheniya ehkspertnyh oshibok // Oshibki sudebnoj ehkspertizy: prichiny, vyavlenie, preduprezhdenie: materialy kruglogo stola (MGYUA, Moskva, 26 yanvarya 2012 g.). Moskva: Prospekt, 2012. S. 45—47.

31. O gosudarstvennoj sudebno-ehkspertnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 31 maya 2001 g. № 73-FZ (v red. ot 8 marta 2015 g.) // SZ RF. 2001. № 23. St. 2291.

32. Kommentarij k Federal'nomu zakonu «O gosudarstvennoj sudebno-ehkspertnoj deyatel'nosti v RF». M.: OOO «TK Velbi», 2002. 192 s.

© Дьяконова О. Г., 2018

УДК 343.983.22
ББК 67.521.4

DOI 10.25724/VAMVD.ADEF

В. А. Ручкин,

профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

М. В. Бобовкин,

профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор

**О КОМПЛЕКСЕ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЭКСПЕРТИЗ ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ
И СЛЕДОВ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ**

В статье отмечается, что комплексные экспертные исследования значительно расширяют возможности судебной экспертизы и имеют устойчивую тенденцию к росту в общей массе исследований. Авторы подчеркивают, что проблема комплексности исследований в судебной экспертизе до сих пор не получила среди ученых-криминалистов однозначного решения. Наибольшие споры вызывают критерии разграничения различных форм комплексного экспертного исследования. На практике комплексную судебную экспертизу обычно смешивают с комплексом исследований, проводимых в рамках одной экспертизы с участием экспертов разных специальностей.

Авторами предлагаются отличительные критерии этих близких друг к другу форм комплексного экспертного исследования. Указывается, что в настоящее время остаются не до конца урегулированными и, соответственно, нечетко прописанными в законе ряд названных авторами организационных аспектов комплексных исследований. В связи с этим ими формулируются предложения по законодательному урегулированию такой формы комплексного экспертного исследования как комплекс исследований в рамках одной экспертизы, а также более детальной регламентации в законе правового статуса ведущего эксперта (эксперта-интегратора) как организатора деятельности и руководителя комиссии экспертов. В статье приводятся наиболее типичные для экспертной практики борьбы с «вооруженной» преступностью виды комплексных экспертных исследований оружия, боеприпасов и следов их применения.

Ключевые слова: комплекс исследований, комплексная экспертиза, эксперт, оружие, боеприпасы, критерии.

V. A. Ruchkin,

Professor at the Department of Expert Criminalistic Activity Fundamentals of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Professor;

M. V. Bobovkin,

Professor at the Department of Document Examination of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Interior of Russia n. a. V. Y. Kikot, Doctor of of Juridical Sciences, Professor

**CONCERNING THE COMPLEX
OF STUDIES WHEN CONDUCTING EXAMINATION
OF WEAPONS, AMMUNITION, AND TRACES OF THEIR APPLICATION**

The authors point out that comprehensive expert studies significantly expand possibilities of forensic examination and steadily tend to increase in the total number of studies. The authors emphasize that the problem of comprehensiveness of studies in forensic examination still has not been unambiguously resolved among forensic scientists. The criteria of distinguishing various forms of comprehensive expert studies stir up heated debate. In practice, comprehensive forensic examination is generally mixed with the complex of studies conducted within the framework of the same examination with participation of experts specializing in different fields.

The authors propose distinctive criteria for these similar forms of comprehensive expert studies. They point out that, at the present time, some organizational aspects of comprehensive studies mentioned by the authors still remain unsettled and, consequently, are not clearly enshrined in law. Therefore, they formulate proposals on the legislative regulation of such a form of comprehensive expert studies as the complex of studies within the framework of the same examination as well as on the more detailed legislative regulation of the legal status of a senior expert (integrating expert) as an activity organizer and head of the experts' committee. The article focuses on the types of comprehensive expert studies of weapons, ammunition, and traces of their application which are considered to be the most typical for expert practice of „armed“ crime prevention.

Key words: complex of studies, comprehensive examination, expert, weapons, ammunition, criteria.

* * *

На современном этапе развития науки комплексный подход к изучению различных процессов, явлений характерен не только для судебной экспертизы, но и многих других отраслей знания, которые сейчас нельзя представить без проведения комплексных исследований. Из всех тенденций развития научного зна-

ния на возникновение и распространение комплексных исследований объектов судебной экспертизы наиболее серьезное влияние оказывает интеграция научного знания. Объединение знаний специалистов различного профиля существенно расширяет границы познания исследуемых объектов, открывает новые перспективы развития экспертизы. Так, Т. В. Толстухина справедливо отмечает: «В этой связи на передний план выдвигается задача синтеза наук, служащих базой для развития комплексных специальных экспертных познаний в рамках создания общей теории и совершенствования практики судебной экспертизы» [1, с. 4].

Комплексные экспертные исследования значительно расширяют возможности судебной экспертизы, в частности предполагают привлечение новых методов, обеспечивающих требуемую точность исследований, позволяют отвечать на ранее неразрешимые вопросы и, прежде всего, относящиеся к смежным отраслям знаний. Анализ практики показывает, что при экспертном изучении ряда объектов «извлечь» из них требуемую информацию зачастую удается лишь путем объединения знаний, опыта и усилий экспертов разных специальностей, для чего и приходится проводить комплекс исследований, к примеру, в рамках той или иной криминалистической экспертизы оружия, боеприпасов и следов их применения.

Комплексные экспертные исследования как одно из перспективных направлений расширения возможностей судебной экспертизы в последние годы имеют устойчивую тенденцию к росту в общей массе судебно-экспертных исследований. В большей степени это касается сложносоставных объектов, таких как оружие и боеприпасы.

Проблема комплексности исследований в судебной экспертизе, несмотря на их большую востребованность в судебно-следственной практике, к сожалению, до сих пор не получила среди ученых-криминалистов однозначного решения. По этому поводу М. Н. Ростов совершенно верно отметил, что «длительное время многие аспекты проблемы комплексности в судебной экспертизе остаются спорными лишь в силу неупорядоченности терминологии — различного содержания, вкладываемого в понятия, связанные с комплексностью» [2, с. 17].

На наш взгляд, наибольшие споры вызывают критерии разграничения различных форм комплексного экспертного исследования. Так, существующее законодательное определение комплексной судебной экспертизы не позволяет четко отграничить ее от других форм комплексного экспертного исследования и, что важно, от таких, в производстве которых могут участвовать эксперты разных специальностей. В частности, на практике комплексную судебную экспертизу обычно смешивают с комплексом исследований, проводимых в рамках одной экспертизы. Еще одним подтверждением тому служит анализ имеющейся литературы по изучаемой проблематике.

На наш взгляд, комплексную судебную экспертизу как одну из важнейших форм комплексного экспертного исследования должны характеризовать следующие отличительные критерии:

1. Наличие общего предмета исследования, т. е. определенных «пограничных» фактов.

2. Одновременное совместное участие в производстве экспертизы экспертов разных специальностей либо одного эксперта, обладающего разнопрофильными знаниями.

3. Применение при производстве экспертизы специальных знаний из смежных областей.

4. Формулирование экспертами общего вывода по итогам лишь одновременного совместного исследования.

Представляется, что одним из важнейших критериев отграничения комплексной экспертизы от других форм комплексных экспертных исследований является наличие именно общего предмета исследования, а не объекта. При производстве комплексной экспертизы объекты исследования могут быть как общими, так и разными. Участвующие в ее проведении эксперты решают вопросы, относящиеся к единому для них предмету исследования.

Другой отличительный признак комплексной экспертизы — участие в ней экспертов разных специальностей, причем их участие в ее производстве должно быть одновременным и совместным. В связи с этим следует заметить, что согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» комплексная судебная экспертиза может выполняться и одним экспертом, обладающим разнопрофильными знаниями [3].

Существенные разногласия в теории и практике криминалистики и судебной экспертизы вызывает характер специальных знаний, применяемых при производстве комплексной судебной экспертизы. Большинство авторов сходится во мнении, что при ее проведении используются специальные знания *из смежных областей*. Эта позиция нам представляется наиболее предпочтительной. Действительно, смежность знаний, используемых в комплексной экспертизе, выступает необходимым условием ее проведения.

Одним из существенных признаков комплексной экспертизы является наличие *общего вывода*, формулируемого по итогам одновременного совместного исследования. При этом еще раз подчеркиваем, что *общий вывод невозможен* без одновременного совместного участия в производстве экспертизы экспертов разных специальностей, использующих специальные знания из смежных областей.

Ранее отмечалось, что комплексная судебная экспертиза имеет много общего с комплексом исследований, проводимых в рамках одной экспертизы (из-за чего их часто путают). Однако, наряду с общими для них признаками, у этих двух форм комплексного экспертного исследования есть и существенные различия. По нашему мнению, для комплекса исследований, проводимых в рамках одной экспертизы, специфичным является наличие *одного и того же объекта* исследования (обычно вещественного доказательства, которое может представлять собой сложную материальную систему, состоящую из ряда составных частей), изучение которого осуществляется *разными методами* с последующим *суммированием собранной информации* в целях получения более полной кар-

тины об исследуемом объекте, т. е. максимально возможного объема информации о нем. Сближает же две названные формы комплексного экспертного исследования *совместное участие в них экспертов разных специальностей* и формулирование по итогам исследования *общего вывода*. При этом в отличие от комплексной экспертизы здесь совместное участие экспертов разных специальностей, на наш взгляд, может быть *не обязательно одновременным*, а в качестве участвующих в исследовании экспертов обычно выступают *эксперты-методники*. При этом из числа проводивших исследование экспертов обязательно выделяется эксперт-интегратор. Его роль в организации комплексного экспертного исследования и, прежде всего, совместного обсуждения хода и результатов исследований и формулирования общего вывода трудно переоценить. Однако при всей важности организационных вопросов комплексных исследований до сих пор остаются не до конца урегулированными и, соответственно, нечетко прописанными в законе [4; 5] следующие аспекты:

1) подробные правила организации работы комиссии экспертов из разных судебно-экспертных учреждений;

2) условия и порядок назначения (либо выбора) ведущего эксперта (эксперта-интегратора) как организатора и руководителя деятельностью комиссии экспертов;

3) правовой статус ведущего эксперта (эксперта-интегратора) с определением его функций, прав и обязанностей.

Очевидно, что в настоящее время законодательная регламентация комплексных экспертных исследований решена не полностью. Во-первых, законодатель предусмотрел в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (ст. 201) и Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73 (ст. 23) проведение таких исследований лишь применительно к комплексной судебной экспертизе. Во-вторых, он детально не прописал условия и порядок ее назначения, организации, производства и формулирования общего вывода (что особенно важно для межведомственной комплексной экспертизы), а также возможных субъектов комплексной экспертизы и, прежде всего, ведущего эксперта с указанием его правового статуса и функции. Представляется, что в названных нормативных правовых источниках должна найти законодательную регламентацию и такая форма комплексных экспертных исследований, как комплекс исследований в рамках одной экспертизы с участием экспертов разных специальностей. При этом с учетом отмеченной нами ранее специфики этих двух форм комплексного экспертного исследования в соответствующих статьях закона целесообразно прописать условия и порядок назначения (либо выбора) ведущего эксперта (эксперта-интегратора) в качестве организатора и руководителя комиссии экспертов, а также его правовой статус и функции.

В судебно-следственной и экспертной практике борьбы с вооруженной преступностью используются разные формы комплексного экспертного исследования оружия и следов его применения. Анализ частоты их проведения свидетельствует, что самой распространенной является комплексная экспертиза.

Следующая по распространенности форма комплексного экспертного исследования — комплекс исследований в рамках одной экспертизы с участием экс-

пертов разных специальностей (экспертов-методников). Как уже отмечалось, эту форму комплексного исследования характеризуют совокупность разных методов, применяемых в процессе проведения одного вида экспертизы (например, судебно-баллистической) различными экспертами в отношении одного и того же объекта, обычно представляющего собой сложносоставную систему, а также формулирование общего вывода путем синтеза ведущим экспертом (экспертом-интегратором) суммы частных выводов.

Типичным примером названной формы комплексного экспертного исследования оружия и следов его применения служит комплексное исследование патронов к стрелковому оружию, в процессе которого конструкцию патрона, способ снаряжения, судебно-баллистические характеристики изучает эксперт-баллист, а отдельные компоненты снаряжения патрона (гильзу, снаряд, порох, капсюль и его инициирующий состав) — эксперты других специальностей: физики, химики, материаловеды. Затем отдельные результаты названного исследования синтезируются (обычно экспертом-баллистом) и формулируется общий вывод (как правило, об источнике происхождения компонентов снаряжения патрона).

Комплекс исследований может проводиться и в отношении других сложносоставных объектов криминалистической экспертизы оружия и следов его применения: стрелкового, метательного и холодного оружия; пораженных преград со следами выстрела или взрыва и т. п. Обычно он проводится для установления общего источника происхождения представленных на исследование частей оружия либо двух и более экземпляров оружия.

Следует признать положительной практикой широкого использования комплекса исследований, проводимых в рамках судебно-баллистической экспертизы, в отношении следов выстрела на пораженной преграде, оружии и стрелявшем. Такое комплексное исследование с участием баллиста, химика и физика позволяет дать более точный ответ об огнестрельном характере повреждения; расположении входного и выходного повреждений; дистанции выстрела; конструкции пули, нанесшей повреждение; типе пороха, использовавшегося для снаряжения патрона; наличии продуктов выстрела на стрелявшем и топографии их отложения; модели применявшегося оружия и др.

Комплекс исследований целесообразно проводить также в рамках экспертизы холодного (метательного) оружия, судебно-баллистической и взрывотехнической экспертиз с участием опытного трасолога, специализирующегося в области механоскопии, для изучения следов производственных механизмов на оружии в целях установления: способа его изготовления; примененных для этого инструментов, оборудования; профессиональных навыков изготовителя. В ряде случаев здесь нельзя обойтись лишь специальными знаниями эксперта-криминалиста и требуется помощь специалистов, сведущих в технологии производства соответствующего вида (модели) оружия, т. е. специалистов-технологов. Такие ситуации зачастую возникают при судебно-баллистическом исследовании огнестрельного оружия заводской сборки [6].

Очень часто комплекс исследований имеет место при производстве взрывотехнической экспертизы боеприпасов — взрывных устройств, особенно самодельного изготовления. Практика показывает, что при изготовлении самодельных взрывных устройств используется широкий ассортимент самых различных материалов, веществ и изделий: металлы, пластмассы, стекло, изделия кабельной промышленности, компоненты и элементы радиоаппаратуры, детали часовых механизмов, химические источники тока, фрагменты взрывных устройств промышленного изготовления, самодельные взрывные устройства и т. п. [7; 8, с. 34—38; 9, с. 83—85]. Это обстоятельство требует от эксперта-взрывотехника комплекса знаний в различных областях науки и техники, что, конечно же, не всегда возможно. Поэтому, чтобы получить информацию об общем источнике происхождения элементов обнаруженного или взорванного самодельного взрывного устройства и изъятых у различных лиц аналогичных элементов таких устройств, установить способ их производства, использованное оборудование, квалификацию (навыки) изготовителя, необходимо с участием ряда экспертов различных специальностей провести комплекс исследований в рамках взрывотехнической экспертизы. Общий вывод по результатам частных выводов здесь синтезирует эксперт-взрывотехник, выступающий в качестве ведущего эксперта.

Представляется, что сформулированные нами критерии разграничения различных форм комплексных экспертных исследований, значение которых в современных условиях постоянно возрастает, а также предложения по законодательному урегулированию такой формы комплексного экспертного исследования, как комплекс исследований в рамках одной экспертизы, и более детальной регламентации в законе правового статуса ведущего эксперта (эксперта-интегратора) в качестве организатора и руководителя деятельностью комиссии экспертов, несомненно, будут способствовать повышению эффективности борьбы с преступностью в целом и вооруженной в частности.

Список библиографических ссылок

1. Толстухина Т. В. Современные тенденции развития судебной экспертизы на основе информационных технологий: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.
2. Ростов М. Н. Комплексность в научной и практической деятельности // Актуальные вопросы судебно-экспертного исследования материалов, веществ и изделий: сб. науч. тр. М.: ВНИИСЭ, 1983.
3. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Латышов И. В. Теоретические и методические основы криминалистического исследования огнестрельного оружия заводской сборки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1997.
7. Основы криминалистического исследования самодельных взрывных устройств / Ю. М. Дильдин [и др.]. М.: ЭКЦ МВД СССР, 1991.
8. Особенности осмотра места происшествия, связанного со взрывами и обнаружением взрывных устройств / В. Т. Контемиров [и др.]. Волгоград: ВА МВД России, 2000. С. 34—38.
9. Ручкин В. А., Гераськин М. Ю. Комплексное экспертное исследование самодельных взрывных устройств и их фрагментов, изымаемых с мест криминальных взрывов // Экспертиза на службе следствия: тезисы докл. науч.-практ. конф. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. С. 83—85.

References

1. Tolstuhina T. V. Sovremennye tendencii razvitiya sudebnoj ehkspertizy na osnove informacionnyh tekhnologij: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 1999.
2. Rostov M. N. Kompleksnost' v nauchnoj i prakticheskoj deyatel'nosti // Aktual'nye voprosy sudebno-ehkspertnogo issledovaniya materialov, veshchestv i izdelij: sb. nauch. tr. M.: VNIISEH, 1983.
3. О судебно-экспертной деятельности по уголовным делам: постановление Plenuma Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Латышов И. В. Теоретические и методические основы криминалистического исследования огнестрельного оружия заводской сборки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1997.
7. Основы криминалистического исследования самодельных взрывных устройств / Ю. М. Дильдин [и др.]. М.: ЭКЦ МВД СССР, 1991.
8. Особенности осмотра места происшествия, связанного со взрывами и обнаружением взрывных устройств / В. Т. Контемиров [и др.]. Волгоград: ВА МВД России, 2000. С. 34—38.
9. Ручкин В. А., Гераськин М. Ю. Комплексное экспертное исследование самодельных взрывных устройств и их фрагментов, изымаемых с мест криминальных взрывов // Экспертиза на службе следствия: тезисы докл. науч.-практ. конф. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. С. 83—85.

* * *

УДК 343.982.34

ББК 67.521.3

DOI 10.25724/VAMVD.AEFG

В. Н. Чулахов,

начальник кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент

СКЕЛЕТНАЯ СХЕМА ПАПИЛЛЯРНОГО УЗОРА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКИХ И ДЕРМАТОГЛИФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Статья посвящена способам формализованной обработки папиллярных узоров пальцев рук. Дается описание новой сравнительной характеристики папиллярного узора — скелетной схемы узора, которая представляет собой систему изображения взаимосвязи его основных элементов в виде графических линий.

Графическое преобразование изображения папиллярного узора в скелетную схему предполагает ряд последовательных этапов: получение оттисков пальцев рук на листе бумаги, сканирование полученных оттисков и ввод их изображений на монитор компьютера; выделение в зависимости от типа папиллярного узора его характерных параметров (дельт и условных линий, исходящих из рукавов дельт и разграничивающих папиллярные потоки в узоре, а также линии сгиба между ногтевой и средней фалангами пальца); формирование с помощью компьютерной программы CorelDRAW ребер скелета узора путем графического выделения условных линий; проведение скелетизации узора, заключающейся в группировке всех выведенных линий (ребер) в общий рисунок (скелет) и отделении в таком виде от отпечатка. Указываются особенности построения скелетных схем для каждого типа папиллярного узора.

Способ направлен на решение задачи, которая больше характерна для дерматоглифики, — установление схожести (подобия) или отличия узоров по строению папиллярного рисунка. Способ может использоваться как дополнительный исследовательский метод в криминалистической и судебно-медицинской экспертно-диагностической практике, например при установлении личности неопознанных трупов, кровного родства между людьми, диагностике отдельных психофизических свойств личности и т. д. Также с помощью данного способа можно решать классификационные задачи в дактилоскопии и дерматоглифике.

Ключевые слова: криминалистическая диагностика, дактилоскопия, дерматоглифика, папиллярный узор, формализация папиллярного узора, скелетная схема, скелетизация папиллярного узора.

V. N. Chulakhov,

Head of the Chair of Technical and Forensic provision expert research
of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination
of the Moscow University of the Ministry of Interior of Russia n. a. V. Y. Kikot,
Doctor of Science (Law), Associate Professor

POSSIBILITIES OF THE PAPILLARY PATTERN SKELETAL SCHEME USE IN DACTYLOSCOPIC AND DERMATOGLYPHIC EXAMINATIONS

The article is dedicated to a papillary fingerprints methods of formalized processing. A new description of comparative characteristic of a papillary pattern is given, as a skeleton pattern scheme, which is a system for depicting the interrelation of its main elements in the form of graphic lines.

Graphic transformation of the papillary pattern image into the skeletonic scheme involves a several of successive steps. They are: receiving fingerprints on a paper sheet, scanning received prints and inputting their images on a computer monitor; the papillary pattern selection depending of its characteristic parameters: deltas and conditional lines emanating from the sleeves of delta and differentiating papillary flows in the pattern, as well as bend lines between the final and middle part of the finger; forming a skeleton ribs by graphic selection of conditional lines using computer program CorelDRAW; skeletonization of the pattern, consisting in a grouping of all lines (ribs) into a common pattern (skelet) and separating in this form from a trace. The features of skeleton schemes construction are showing for each type of papillary pattern.

The method is directed to solve more characteristic of dermatoglyphics problem — to establish similarity or difference of tracery in the structure of papillary pattern. This way can be used as an additional research method in criminalist and forensic scientist expert diagnostic practice, for example, in establishing the identity of unidentified corpses, blood relationship between people, diagnosis of individual psychophysical properties of personality, etc. Using this method also it is possible to solve classification problems in dactyloscopy and dermatoglyphic.

Key words: forensic diagnostics, dactyloscopy, dermatoglyphic, papillary pattern, papillary pattern formalization, skeletonic scheme, papillary pattern skeletonization.

* * *

В экспертной криминалистической практике нередко возникают задачи определения свойств и состояний тех или иных объектов по их отображениям. В настоящее время эти и другие подобные задачи сформировали диагностический потенциал установления различных свойств личности посредством дерматоглифического анализа следов пальцев рук.

Дерматоглифика изучает морфологические особенности поверхностного слоя кожи рук в целях возможного установления черт характера, физических способностей и других психофизиологических свойств человека, находящихся в корреляционной связи со строением папиллярных узоров. Основой для дерматоглифических исследований является анализ рисунков папиллярных узоров и других морфологических особенностей кожи.

Со времен первых дерматоглифических исследований Уильяма Гершеля и Френсиса Гальтона разработано большое количество различных способов и методов обработки папиллярных узоров — от простых описательных до сложных математических. Традиционно дерматоглифическое исследование проводится на основе визуального определения и сравнения набора дерматоглифических параметров папиллярного узора, куда входят его тип, ориентация и локализация отдельных элементов, гребневой счет. При этом в узоре выявляют наличие, количество и местонахождение дельт, расположение дельт относительно друг друга (выше, ниже, на одной линии), строение центра папиллярного узора, количество папиллярных линий между дельтой и центром узора. На основе этих данных составляется представление об узоре для последующего анализа. К примеру, данный метод положен в основу классификации папиллярных узоров на типы и виды в дактилоскопии [1; 2].

По мере развития современной науки и техники, особенно в связи с появлением современных информационных технологий, включающих компьютерную обработку графической информации, возникают возможности совершенствования старых и создания новых способов и методов дерматоглифического исследования. Так, до настоящего времени для характеристики и анализа папиллярного узора не применялся такой параметр, как скелетная схема папиллярного узора, представляющая собой систему изображения взаимосвязи его основных элементов в виде графических линий [3].

Графическое преобразование изображения папиллярного узора в скелетную схему предполагает ряд последовательных этапов:

- 1) получение оттисков пальцев рук на листе бумаги способом горизонтальной прокатки с помощью типографской краски;
- 2) сканирование полученных оттисков и ввод их изображений на монитор компьютера в увеличенном виде;
- 3) выделение в зависимости от типа папиллярного узора его характерных параметров: дельт и условных линий, исходящих из рукавов дельт и разграничивающих потоки папиллярных линий в узоре, а также линии сгиба между ногтевой и средней фалангами пальца;
- 4) формирование с помощью компьютерной программы CoreIDRAW ребер скелета узора путем графического выделения условных линий цветом, контрастирующим с цветом папиллярных линий (например, красным);
- 5) проведение скелетизации узора, заключающейся в группировке всех выведенных линий (ребер) в общий рисунок (скелет) и отделении в таком виде от отпе-

чатка. Каждому типу папиллярного узора в построении его скелетной схемы присущи свои особенности.

Для дугового узора сначала на отпечатке визуально определяют условную линию, разграничивающую верхний и нижний потоки папиллярных линий, а также условную линию, ограничивающую замкнутый поток (если имеется). Затем на увеличенном сканированном изображении узора, выведенном на экран монитора, эти линии с помощью компьютерной программы CorelDRAW выводят, например, красным цветом толщиной в одно значение от левого до правого края отпечатка узора. Сверху и снизу от линии, разделяющей верхний и нижний потоки папиллярных линий, дополнительно определяют и выделяют графически тем же цветом по одной папиллярной линии. В случае сложности и неопределенности центра узора дополнительно вырисовывают основные узорообразующие папиллярные линии. Аналогичным образом выделяют линию сгиба между ногтевой и средней фалангами пальца — основание узора. В конце все выведенные линии (ребра скелета) сгруппировывают в общее изображение и в таком виде отделяют от отпечатка, получая скелет узора (рис. 1).

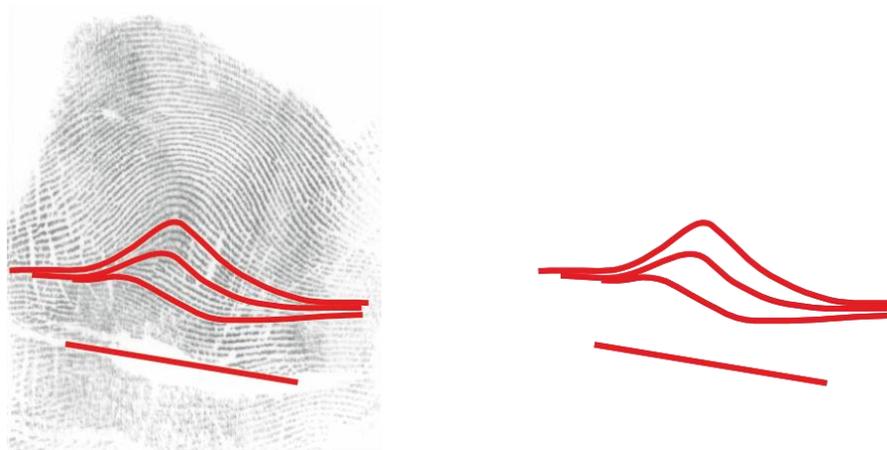

Рис. 1. Формирование ребер скелета дугового папиллярного узора и его скелетизация

Для петлевого узора на отпечатке сначала визуально определяют дельту узора и условные линии, исходящие из ее рукавов и разграничивающие верхний, нижний и внутренний потоки папиллярных линий, а также условную линию, ограничивающую замкнутый поток (если имеется). Затем на увеличенном сканированном изображении узора, выведенном на экран монитора, эти линии с помощью компьютерной программы CorelDRAW выводят красным цветом толщиной в одно значение от центра дельты до левого и правого краев отпечатка узора. Во внутреннем потоке папиллярных линий дополнительно линией красного цвета выводят первичную петлю. В случае сложности центра узора вырисовывают основные узорообразующие папиллярные линии. Аналогичным обра-

зом выделяют линию сгиба между ногтевой и средней фалангами пальца. На заключительном этапе все выведенные линии (ребра скелета) сгруппировывают в общее изображение и в таком виде отделяют от отпечатка, получая скелет узора (рис. 2).

Рис. 2. Формирование ребер скелета петлевого папиллярного узора и его скелетизация

Для завиткового узора сначала на отпечатке визуально определяют дельты узора и условные линии, исходящие из рукавов дельт и разграничивающие верхний, нижний и внутренние потоки папиллярных линий, а также условные линии, ограничивающие замкнутые потоки (если имеются). Затем на увеличенном сканированном изображении узора, выведенном на экран монитора, эти линии с помощью компьютерной программы CoreIDRAW выводят красным цветом толщиной в одно значение от центров дельт до левого и правого краев отпечатка узора, а также до центра узора. В случае сложности центра узора дополнительно вырисовывают основные узоробразующие папиллярные линии. Кроме того, выделяют линию сгиба между ногтевой и средней фалангами пальца, являющуюся основанием узора. В заключение все выведенные линии (ребра скелета) сгруппировывают в общее изображение и в таком виде отделяют от отпечатка, получая скелет узора (рис. 3).

На дактилоскопической карте сначала вырисовывают скелетные схемы всех папиллярных узоров пальцев рук, формируя ребра скелетов, затем полученные рисунки сгруппировывают и отделяют от отпечатков, проводя тем самым скелетизацию узоров. Отдельно для правой и левой рук полученные скелеты узоров выравнивают по их основаниям (линиям сгиба между ногтевыми и средними фалангами пальцев) на одной линии.

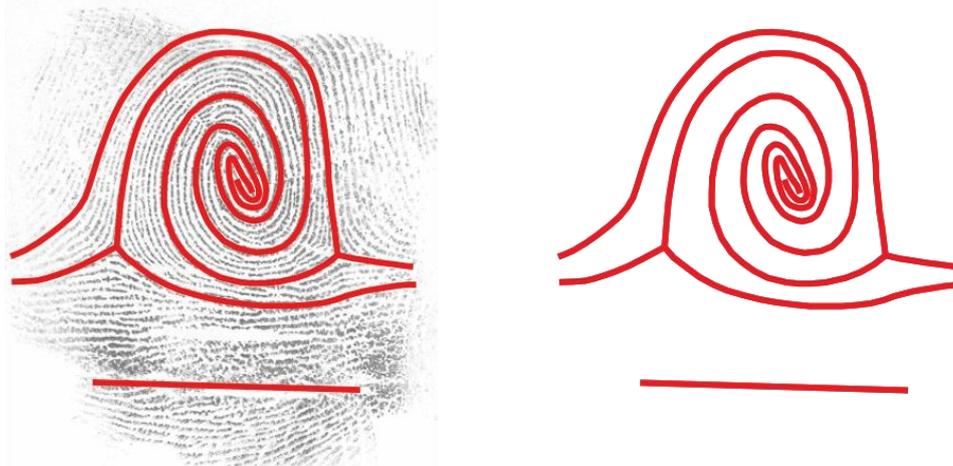

Рис. 3. Формирование ребер скелета завиткового папиллярного узора и его скелетизация

Если имеющиеся до этого автоматизированные способы обработки папиллярных узоров были в основном направлены на решение задач детализации и кодирования особенностей узора для его последующей идентификации, то новый способ принципиально отличается тем, что он ориентирован на решение другой задачи, которая больше характерна для дерматоглифики, — установления схожести (подобия) или отличия узоров по строению папиллярного рисунка.

У нового способа имеются следующие достоинства:

- 1) простота построения скелетной схемы папиллярного узора;
- 2) наглядность сравнения скелетных схем;
- 3) несмотря на то что в узоре для составления скелетной схемы выделяют только общие признаки папиллярного строения (например, условные линии разделения папиллярных потоков и др.), получаемый схематический рисунок обладает определенной степенью индивидуальности, так как он вырисовывается на конкретном папиллярном узоре и в нем напрямую отражаются основные структурные особенности узора;
- 4) способ позволяет выделить новые дополнительные признаки для анализа строения папиллярного узора: высоту внутреннего папиллярного потока, соотношение высоты и ширины внутреннего папиллярного потока, расстояние от нижнего рукава дельты до сгибающейся линии, степень кривизны потоков папиллярных линий, структурные особенности центральной части узора и др.

Простота и эффективность сравнительного исследования отпечатков пальцевых папиллярных узоров посредством их скелетных схем иллюстрируется следующим примером. У гражданина А. 1946 года рождения и гражданина С. 1998 года рождения, имеющих друг с другом родственные связи, были получе-

ны отпечатки пальцев рук, для папиллярных узоров которых рассмотренным способом были построены скелетные схемы (рис. 4, 5).

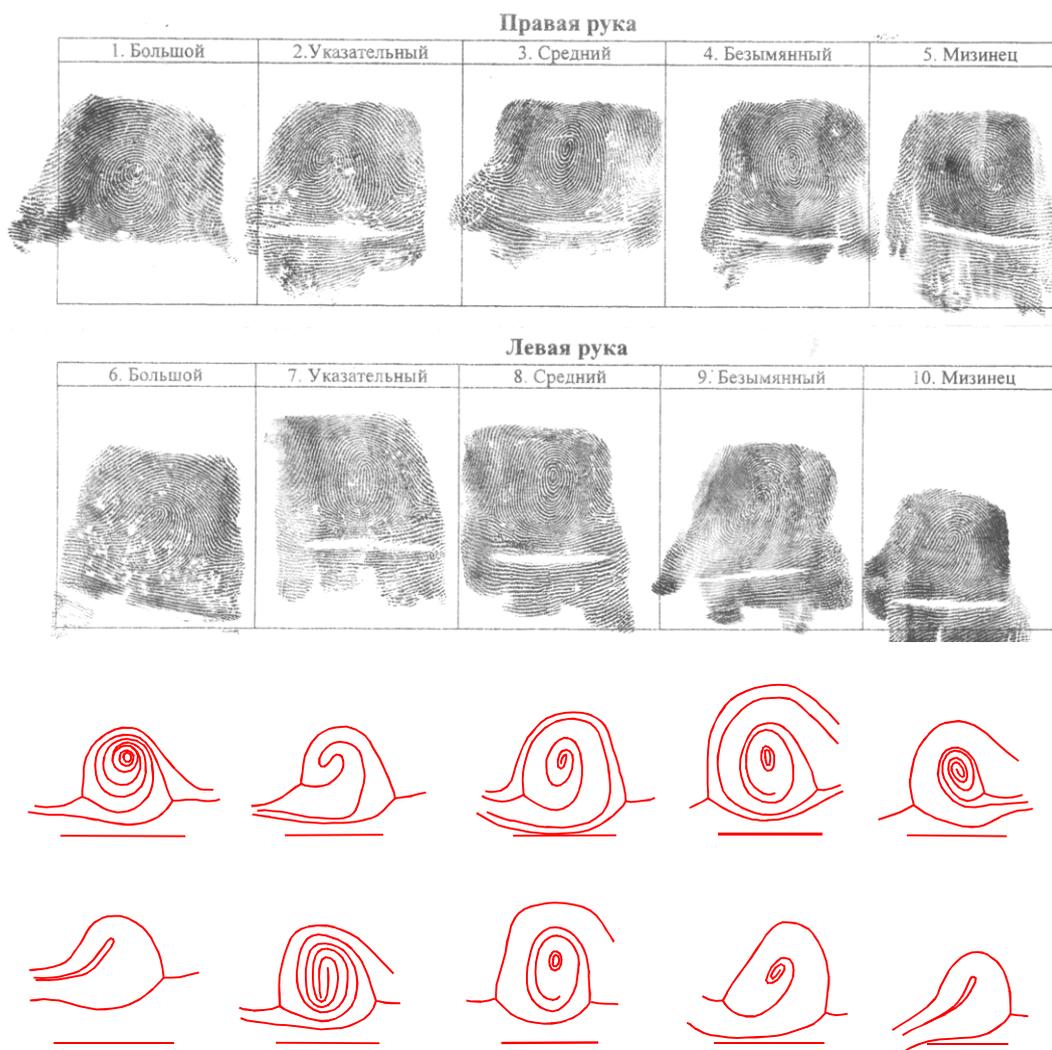

Рис. 4. Отпечатки папиллярных узоров пальцев рук гражданина А. и их скелетные схемы

В результате визуального сравнения полученных скелетов папиллярных узоров с дактилоскопических карт гражданина А. и гражданина С. между скелетными схемами узоров больших, указательных, средних и безымянных пальцев правых рук и скелетными схемами узоров указательных, средних, безымянных пальцев и мизинцев левых рук хорошо заметно сходство по следующим признакам, что в совокупности подтверждает их общее генетическое происхождение

(для удобства сравнения скелетные схемы узоров приводятся для одноименных рук вместе, см. рис. 6, 7):

- наличие и расположение дельт;
- расположение, направление, конфигурация линий разделения папиллярных потоков;
- соотношение высоты и ширины внутреннего линейного рисунка;
- форма и конфигурация центрального линейного рисунка.

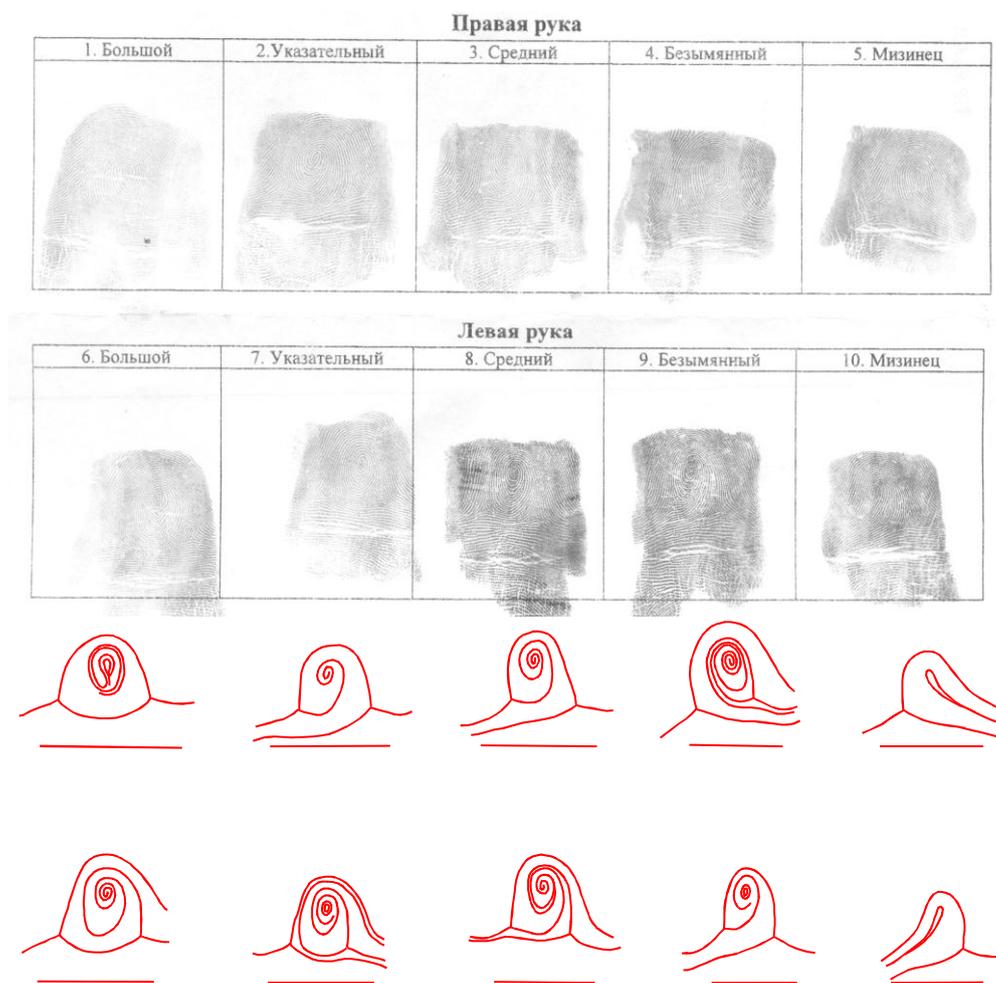

Рис. 5. Отпечатки папиллярных узоров пальцев рук гражданина С. и их скелетные схемы

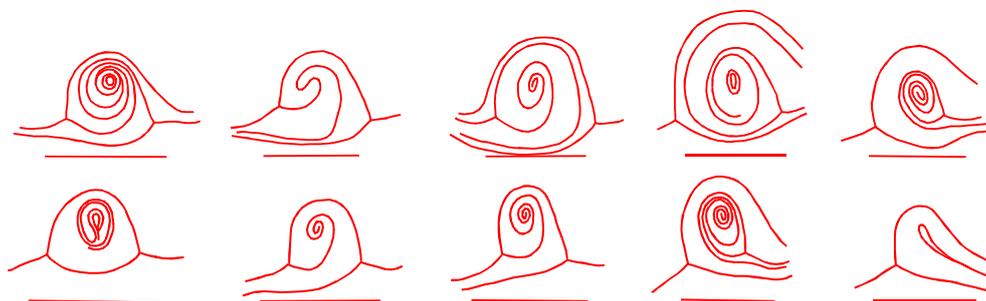

Рис. 6. Скелетные схемы папиллярных узоров пальцев
правых рук гражданина А. (вверху) и гражданина С. (внизу)

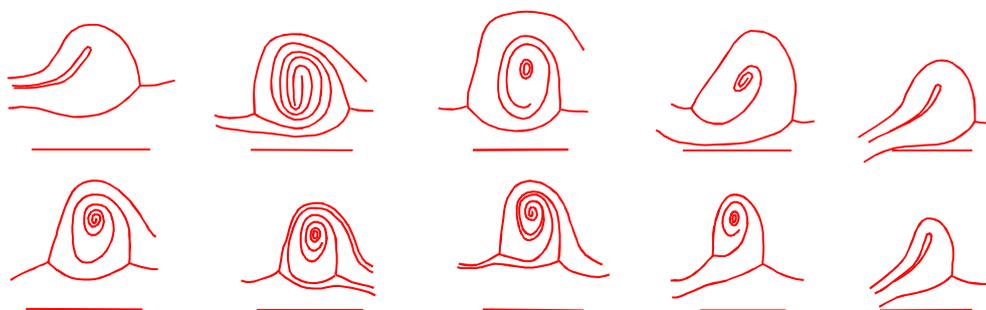

Рис. 7. Скелетные схемы папиллярных узоров пальцев
левых рук гражданина А. (вверху) и гражданина С. (внизу)

У способа составления скелетной схемы папиллярного пальцевого узора имеется несколько направлений практического применения. Он может использоваться как дополнительный исследовательский метод в криминалистической и судебно-медицинской экспертно-диагностической практике, например при установлении личности неопознанных трупов, кровного родства между людьми, диагностике отдельных психофизических свойств личности и т. д. С помощью данного способа можно также решать классификационные задачи в дактилоскопии и дерматоглифике.

Список библиографических ссылок

1. Руководство по дактилоскопической регистрации. М.: ГНИЦУИ МВД СССР, 1982.
2. Самищенко С. С. Современная дактилоскопия: проблемы и тенденции развития. М.: Академия управления МВД России, 2002.
3. Чулахов В. Н. Способ формирования представления (шаблона) папиллярного узора: патент на изобретение № 2449362 С1(RU), МПК G06K9/46/. № 2010134300/08 заявл. 16.08.10, опубл. 27.04.12.

References

1. Rukovodstvo po daktiloskopicheskoj registracii. M.: GNICUI MVD SSSR, 1982.
2. Samishchenko S. S. Sovremennaya daktiloskopiya: problemy i tendencii razvitiya. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2002.
3. Chulahov V. N. Sposob formirovaniya predstavleniya (shablona) papillyarnogo uzora: patent na izobretenie № 2449362 S1(RU), MPK G06K9/46/. № 2010134300/08 zayavl. 16.08.10, opubl. 27.04.12.

© Чулахов В. Н., 2018

* * *

УДК 343.983.22
ББК 67.521.4

DOI 10.25724/VAMVD.AFGH

И. В. Латышов,

профессор кафедры криминалистических экспертиз и исследований
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент;

В. А. Васильев,

доцент кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России, кандидат химических наук

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОРФОЛОГИИ ОГНЕСТРЕЛЬНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ НА ОБЪЕКТАХ ИЗ ТКАНИ И МАТЕРИАЛАХ НА ТКАНЕВОЙ ОСНОВЕ

На основе результатов экспериментального исследования выявлены особенности морфологии огнестрельных повреждений на различных видах ткани и материалах на тканевой основе, образованных при стрельбе из стрелкового огнестрельного оружия. Отмечено, что морфологию повреждений определяют конструктивные и баллистические характеристики оружия и патронов, дистанция выстрела, а также свойства материала преграды — ткани.

Общей закономерностью механизма образования повреждений на ткани является приоритетная деструкция материала от механического действия пули и газопороховой струи по направлениям его наименьшего сопротивления — нитям основы и утка. Выявленные особенности морфологии огнестрельных повреждений отражают частные случаи действия этой закономерности на различных видах ткани, иллюстрируют влияние свойств материала на проявление формы, размеров входных отверстий, пояска обтирания, «минуса» материала, картину деструкции ткани в окружности повреждения.

В целях уточнения признаков морфологии огнестрельных повреждений внесено предложение о дифференциации дистанций действия газопороховой струи на объекты из ткани с выделением: зоны значительного действия газопороховой струи; зоны выраженного действия газопороховой струи; зоны ослабленного действия газопороховой струи. При прочих равных условиях (модель оружия и образец патрона, вид ткани) морфология повреждений, образованных в условиях выраженного или ослабленного действия газопороховой струи на преграду, разнится. Это касается размеров входных отверстий и «минуса» материалов. Они незначительно больше на дистанциях стрельбы 3—5 см, чем при стрельбе с дистанции 20—30 см. Различие следов можно объяснить тем, что на расстоянии 3—5 см от преграды газопороховая струя обладает достаточной энергией для того, чтобы воздействовать на структуру образуемого пулей входного отверстия. При этом тело струи воздействует на края входного отверстия, раздвигает их и совместно с пулей вышибает часть материала преграды мишени.

Ключевые слова: стрелковое огнестрельное оружие, явление выстрела, пуля, ткань, механизм образования повреждения, морфология, газопороховая струя, нити основы и утка.

I. V. Latyshov,

Professor of the Department of forensics and investigations,
Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior
of Russia, Doctor of Science (Law), Associate Professor;

V. A. Vasilyev,

Associate Professor of the Department of Traceology and Ballistics
of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistics Activities
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Chemistry)

**SOME SPECIFIC FEATURES OF FIREARM DAMAGE MORPHOLOGY
ON CLOTH AND CLOTH BASED OBJECTS**

Experimental research results made it possible to identify specific features of firearm damage morphology on various types of cloth and cloth based materials, formed when shooting from small arms. It was noted that damage morphology depends upon design and ballistic characteristics of weapons and cartridges, shooting range, as well as properties of barrier material, i. e. cloth.

The general law behind the mechanism of damage formation on cloth is priority destruction of material from mechanical impact of bullet and gas & gunpowder jet along directions of least resistance — warp yarns and filling yarns. The identified specific features of firearm morphology damage reflect particular cases of the law effect on different types of cloth, demonstrate the impact of material properties on manifestation of the form, dimensions of inlet openings, rub-down band, material „minus“, cloth destruction picture in the damage circumference.

To specify the signs of firearm damage morphology it was proposed to differentiate distances of gas & gun powder jet effective range on objects out of cloth, pointing out: zones of significant impact of gas & gunpowder jet; zones of expressed impact of gas & gunpowder jet; zones of weakened impact of gas & gunpowder jet. With the rest of conditions remaining the same (weapon model, cartridge, cloth type), the morphology of damage, inflicted by expressed or weakened effect of gas & gunpowder jet on barrier, is different. This goes for dimensions of inlet openings and material „minus“. They are slightly larger at shooting range of 3—5 cm, than at shooting range of 20—30 cm. The difference in traces can be explained by the fact that at 3—5 cm distance from the barrier, the gas & gunpowder jet has enough energy to have impact on the structure of opening, created by a bullet. The jet body affects the inlet opening edges, expanding them and knocks out a part of target barrier material.

Key words: small firearms, shot phenomenon, bullet, cloth, damage formation mechanism, morphology, gas & gunpowder jet, warp yarns and filling yarn.

* * *

Ткани широко распространены при изготовлении предметов одежды — сорочек, платьев, брюк, костюмов и др. В случаях производства выстрелов на них образуются огнестрельные повреждения, морфологию которых определяет в числе прочих факторов и вид материала. Данный аспект изучен криминалистикой [1, с. 55; 2, с. 137 и др.] и судебной медициной [3, с. 28 и др.] в рамках выявленных закономерностей явления выстрела, механизма образования огнестрельных повреждений.

Морфологию входного огнестрельного отверстия на мишенях из ткани в общих чертах характеризуют: форма повреждения (при стрельбе по нормали — округлая, ромбическая и др.); размеры входного отверстия, пояска обтирания, «минуса» (дефекта) материала; истончение и «метелкообразный» характер краев поврежденных нитей, направленных внутрь повреждения (по ходу движения пули (снаряда)). Кроме того, огнестрельное повреждение часто отображается в виде входного отверстия четырехугольной формы вследствие вышибания пулей части материала преграды по направлениям его наименьшего сопротивления — линиям основы и утка ткани [4, с. 284].

Следует сказать, что на указанной особенности морфологии огнестрельных повреждений в судебной баллистике особого акцента не сделано, однако характер ее проявления на различных видах ткани может существенно варьироваться. В совокупности с некоторыми условиями образования повреждений это может осложнить определение огнестрельного характера повреждения, его дифференциацию от колотых и колото-резаных повреждений, отдельных случаев механического разрыва ткани.

Примером служит образование огнестрельных повреждений на тканях темного цвета, когда отложение дополнительных следов выстрела маскировано цветом следовоспринимающей поверхности.

В связи с перечисленным необходимо уточнить сведения о морфологии огнестрельных повреждений, образованных на различных видах ткани, влиянии механического действия газопороховой струи на морфологию входных пулевых отверстий. Логично полагать, что разные виды ткани обладают своими характерными свойствами (прочность, эластичность и пр.), что делает возможным проявление особенностей морфологии образуемых на них огнестрельных повреждений. С учетом этого в работе решалась задача выявления характерных особенностей морфологии огнестрельных повреждений на ткани либо материалах на тканевой основе, образованных при стрельбе из стрелкового огнестрельного оружия.

Представленное исследование основано на результатах проведенной авторами экспериментальной стрельбы. В качестве мишеней использовались лоскуты бязи, кашемира, искусственной кожи, джинсы, стретча, плащевки и атласа размером 30х30 см, закрепленные на кусках гофрированного картона.

Огнестрельные повреждения изучались путем визуального осмотра, исследования с помощью микроскопа МСП-1 (увеличение до 30^x), а также осмотра в ИК- и УФ-зонах спектра. Подчеркнем, что большинство используемых в эксперименте мишеней изготовлено из тканей черного и темно-серого цветов.

Выстрелы велись с близких дистанций — 3, 5, 20 и 30 см из 9-мм пистолета Макарова (ПМ) и 5,45-мм автомата Калашникова АК-74М.

Выбор дистанций обусловлен необходимостью выяснения влияния механического действия газопороховой струи на отображение морфологических характеристик входных огнестрельных отверстий. При этом как для ПМ, так и АК-74М дистанции 3 и 5 см являются зоной выраженного механического воздействия газопороховой струи, а 20 и 30 см — расстоянием, когда газопороховая струя значительно слабее и не оказывает существенного механического действия на материал повреждаемой при выстреле ткани.

С указанных дистанций проведено по три выстрела в каждый из видов материала мишеней.

Анализ полученного в эксперименте материала позволяет говорить о следующих особенностях морфологии огнестрельных повреждений:

1. На мишенях из плащевой ткани при стрельбе из пистолета Макарова структура повреждения характеризуется наличием собственно входного отверстия с выраженной четырехугольной формой и кольцеобразной зоны притирания снаряда (пояска обтирания). Проем полученных повреждений экранирован поврежденными нитями ткани, которые в проекции входного отверстия разрежены. Материал мишени в прилегающей к краям повреждения зоне незначительно вытянут и уплотнен сдвигом нитей (рис. 1). Дефект («минус» материала) незначительный и при расправлении свободных краев поврежденных нитей не превышает 1х2 мм.

В случаях стрельбы из АК-74М тенденция образования повреждения четырехугольной формы сохраняется, хотя и не столь явно (рис. 2). При этом «минус» материала существенно больше, чем у повреждений, причиненных при стрельбе из ПМ.

Рис. 1. Огнестрельное повреждение на мишени из плащевой ткани, образованное при стрельбе из ПМ с дистанции 30 см

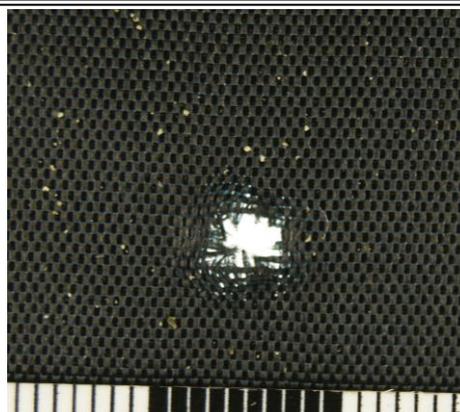

Рис. 2. Огнестрельное повреждение на мишени из плащевой ткани, образованное при стрельбе из АК-74М с дистанции 30 см

2. На мишенях из атласа в случаях стрельбы из ПМ образуется входное повреждение щелевидной формы, стороны которого направлены вдоль нитей утка ткани. «Минус» материала выражен слабо и не превышает по высоте 1,5 мм. В окружности входного отверстия материал атласа истерт и незначительно загрязнен в результате контакта с головной частью пули (рис. 3).

Огнестрельное повреждение, образованное пулей патрона АК-74М, особых отличительных признаков не имеет, за исключением хорошо различимого «минуса» материала размером 2х2 мм с относительно ровной линией краев входного отверстия (рис. 4).

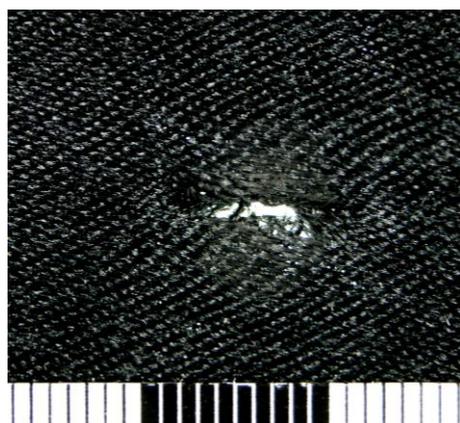

Рис. 3. Огнестрельное повреждение на мишени из атласа, образованное при стрельбе из ПМ с дистанции 30 см

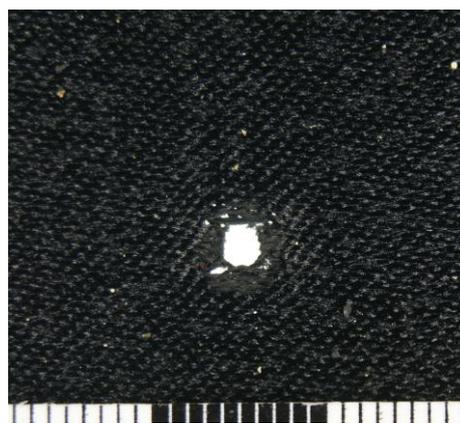

Рис. 4. Огнестрельное повреждение на мишени из атласа, образованное при стрельбе из АК-74М с дистанции 30 см

3. Особенностью морфологии огнестрельных повреждений на мишенях из кашемира можно считать зубчатый контур краев поврежденных нитей входного отверстия. Свободные края нитей вытянуты и истончены, ориентированы к центру входного отверстия. «Минус» материала в структуре образуемых повреждений при стрельбе из ПМ значительный, размерами до 3х3 мм (рис. 5), а при стрельбе из АК-74М — небольшой, размерами до 1х1 мм (рис. 6).

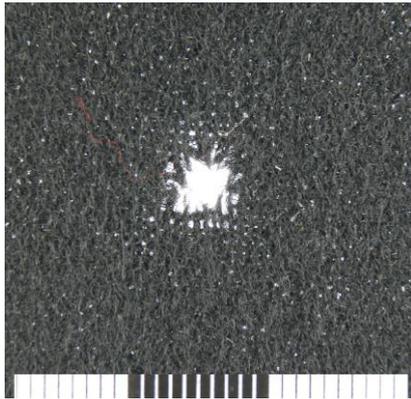

Рис. 5. Огнестрельное повреждение на мишени из кашемира, образованное при стрельбе из ПМ с дистанции 30 см

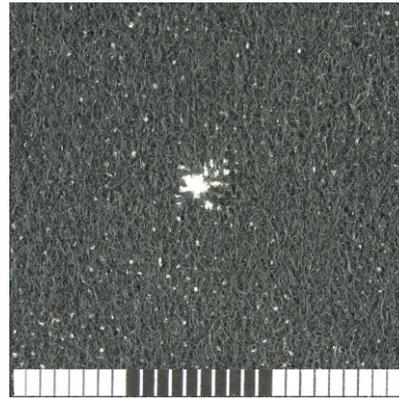

Рис. 6. Огнестрельное повреждение на мишени из кашемира, образованное при стрельбе из АК-74М с дистанции 30 см

4. В случаях стрельбы в мишени из искусственной кожи установлено, что наличие в ее структуре тканевой основы не оказывает особого влияния на деформацию материала, перфорируемого пулей. Морфологию повреждений в большей степени определяют признаки, характерные для морфологии входных отверстий на однослойных полимерных материалах, натуральной коже и др. Вместе с тем выступающие в просвет повреждений нити дополняют общую картину морфологии признаками огнестрельных повреждений на ткани (рис. 7).

5. Ввиду наличия эластичных нитей утка в ткани стретч, использованной для изготовления мишени (в зависимости от вида ткани стретч в ее составе могут быть эластичными как нити утка, так и нити основы вместе с нитями утка), морфологию огнестрельных повреждений определяли следующие особенности. Прежде всего, образованные при выстреле повреждения характеризует широкая зона истирания пули о края входного отверстия, что визуально дает вид пологого кратера. «Минус» материала незначительный, размером до 1х1 мм. В зоне истирания пули на повреждении хорошо выражена структура поврежденных нитей утка, контрастирующих с темным цветом материала (рис. 8).

Рис. 7. Огнестрельное повреждение на мишени из искусственной кожи, образованное при стрельбе из ПМ с дистанции 20 см

Рис. 8. Огнестрельное повреждение на ткани стретч, образованное при стрельбе из ПМ с дистанции 30 см

6. На мишенях из джинсовой ткани образование огнестрельных повреждений, возникающих в результате выстрелов как из пистолета Макарова, так и автомата АК-74М, согласуется с выявленными ранее закономерностями приоритетного разрушения ткани по ряду менее прочных в ее переплетении нитей утка, что определяет форму входных отверстий в виде песочных часов, неправильного четырехугольника. Соответственно, разрушенная перемычка в проеме входного отверстия образуется нитями основы (рис. 9—10).

Рис. 9. Огнестрельное повреждение на мишени из джинсовой ткани, образованное при стрельбе из ПМ с дистанции 20 см

Рис. 10. Огнестрельное повреждение на мишени из джинсовой ткани, образованное при стрельбе из АК-74М с дистанции 20 см

Сравнением экспериментальных повреждений, образованных в условиях выраженного и ослабленного действия газопороховой струи на преграду, установлено различие признаков их морфологии, прежде всего размеров входных отверстий и «минуса» материалов. Они незначительно больше на дистанциях стрельбы 3—5 см, чем при стрельбе с 20—30 см. В качестве примера можно привести экспериментальные огнестрельные повреждения, образованные при стрельбе по мишеням из плащевой ткани из автомата АК-74М (рис. 11—12).

Различие следов можно объяснить тем, что на расстоянии 3—5 см от преграды газопороховая струя обладает достаточной энергией, для того чтобы воздействовать на структуру образуемого пулей входного отверстия (касается видов используемых в эксперименте тканей и моделей стрелкового оружия). При этом тело струи воздействует на края входного отверстия, раздвигает их, а также совместно с пулей вышибает часть материала преграды мишени.

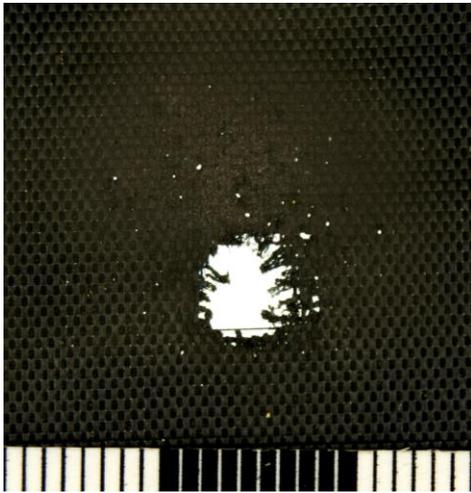

Рис. 11. Огнестрельное повреждение на мишени из плащевой ткани, образованное при стрельбе из АК-74М с дистанции 3 см

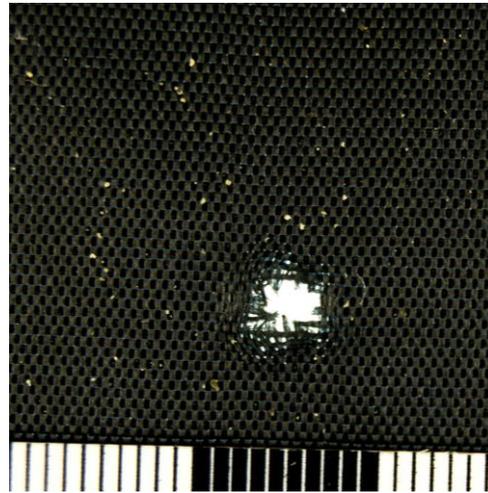

Рис. 12. Огнестрельное повреждение на мишени из плащевой ткани, образованное при стрельбе из АК-74М с дистанции 30 см

С учетом сказанного есть основания ставить вопрос о целесообразности разграничения дистанций действия газопороховой струи на объекты из ткани: 1 — зону значительного действия газопороховой струи; 2 — зону выраженного действия; 3 — зону ослабленного действия. При этом в первой зоне энергия газопороховой струи достаточна для разрушения ткани воздействием газообразного тела. В результате деструкции материала возникает входное отверстие в виде множественного лоскутного разрыва, крестообразно-лоскутного, Т-, Г-образного или линейного разрыва. Границей действия этой зоны в отношении каждого вида ткани могут служить дистанции отображения надрывов краев входных отверстий, а также исходящих от них небольших линейных разрывов.

Зону выраженного действия газопороховой струи характеризует образование повреждения действием пули и пороховых газов. В механизме образования огнестрельного повреждения приоритетным является действие пули, играющей главную роль в формировании морфологии входных отверстий. Тело газопороховой струи оказывает дополнительное воздействие на края входного отверстия, увеличивая его в размерах и вышибая дополнительное количество материала ткани.

В зоне ослабленного действия газопороховой струи ее энергии недостаточно не только для деструкции, но и деформации структуры образованного пулей повреждения. Целесообразность выделения этой зоны определяют общие условия образования следов выстрела, при которых отложение на преграде дополнительных следов выстрела является следствием переноса их на объект преимущественно в составе газопороховой струи.

Данный подход создаст условия для объективной оценки экспертом признаков морфологии огнестрельного повреждения при решении задачи определения дистанции выстрела.

Подводя итоги проведенного исследования, можем сделать вывод, что морфологию огнестрельных повреждений на ткани определяют конструктивные и баллистические характеристики оружия и патронов, дистанция выстрела, а также свойства материала преграды — ткани.

Общей закономерностью механизма образования повреждений на ткани является приоритетная деструкция материала от механического действия пули и газопороховой струи по направлениям его наименьшего сопротивления — нитям основы и утка. Это приводит в основном к образованию входных отверстий прямоугольной, квадратной формы, а также повреждений в виде неправильного четырехугольника.

В рамках действия общей закономерности образования огнестрельных повреждений на ткани выявленные особенности морфологии характеризуют частные случаи механизма их проявления на различных видах ткани, иллюстрируют влияние свойств материала на проявление формы, размеров входных отверстий, пояска обтирания, «минуса» материала, картину деструкции ткани в окружности повреждения.

С учетом зависимости проявления морфологии огнестрельных повреждений от свойств поражаемого при выстреле объекта из ткани эксперту важно выполнить в полном объеме все требования экспертных методик исследования при решении вопросов определения огнестрельного характера повреждений на одежде, диаметра образовавшей повреждение пули (снаряда), дистанции выстрела и других обстоятельств выстрела. Игнорирование отдельных методов исследования или признаков повреждений, особенно в случаях маскирования следов выстрела цветом ткани предмета одежды, может стать причиной ошибочных выводов эксперта об огнестрельном характере повреждения, виде и диаметре образовавшего повреждение снаряда, дистанции выстрела.

Список библиографических ссылок

1. Аханов В. С. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения: учебник для вузов МВД СССР / отв. ред. Р. С. Белкин. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979.
2. Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза: учебник / под общ. ред. А. Г. Егорова. Саратов: СЮИ МВД России, 1998.
3. Ципковский В. П. Описание огнестрельных повреждений одежды (краткое практическое пособие для судебно-медицинских экспертов, врачей-экспертов, студентов медицинских и юридических институтов). Винница: Винниц. гос. мед. ин-т, 1958.
4. Кустанович С. Д. Исследование повреждений одежды в судебно-медицинской практике. М.: Медицина, 1965.

References

1. Ahanov V. S. Kriminalisticheskaya ehkspertiza oruzhiya i sledov ego primeneniya: uchebnik dlya vuzov MVD SSSR / otv. red. R. S. Belkin. Volgograd: VSSH MVD SSSR, 1979.
2. Sudebnaya ballistika i sudebno-ballisticheskaya ehkspertiza: uchebnik / pod obshch. red. A. G. Egorova. Saratov: SYUI MVD Rossii, 1998.
3. Cipkovskij V. P. Opisanie ognestrel'nyh povrezhdenij odezhdy (kratkoe prakticheskoe posobie dlya sudebno-medicinskih ehkspertov, vrachej-ehkspertov, studentov medicinskih i yuridicheskikh institutov). Vinnica: Vinnic. gos. med. in-t, 1958.
4. Kustanovich S. D. Issledovanie povrezhdenij odezhdy v sudebno-medicinskoj praktike. M.: Medicina, 1965.

© Латышов И. В., Васильев В. А., 2018

* * *

УДК 343.982.4
ББК 67.521.5

DOI 10.25724/VAMVD.AGHI

Н. Н. Шведова,

доцент кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ПИСЬМЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ИЗ ОПЫТА ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДОКУМЕНТОВ

Статья посвящена одному из аспектов актуальной проблемы фальсификации письменных доказательств в условиях современного состязательного судопроизводства. Подчеркивается, что реализация конституционного принципа со-

ствязательности и равноправия сторон в суде, дающего право каждой стороне представлять доказательства, нередко сочетается с таким деянием, как фальсификация письменных доказательств, что подтверждается официальной статистикой.

В статье на конкретных примерах из судебной и экспертной практики рассмотрены возможности технико-криминалистической экспертизы документов в целях установления фактов и обстоятельств, связанных с фальсификацией письменных доказательств в судопроизводстве. Автором проанализированы различные литературные источники и выделены основные приемы фальсификации письменных доказательств: выполнение подписей или записей от имени лиц, уполномоченных заверять документы, иными лицами, внесение изменений в первоначальное содержание реквизитов документов путем дописки (допечатки) знаков или записей, замена листов в многостраничном документе, имитация подписей и оттисков удостоверительных печатных форм, воздействие на документ различных агрессивных сред. На основе собственного экспертного опыта, автор приходит к выводу, что распознавание квалифицированной подделки документов, которая чаще всего сопровождает фальсификацию письменных доказательств, возможно лишь посредством назначения и проведения судебных экспертиз.

Ключевые слова: фальсификация письменных доказательств, технико-криминалистическая экспертиза документов, реквизит документа, дописка, оттиски печатей, установление давности выполнения реквизитов документов.

N. N. Shvedova,

Associate Professor, Chair of Expert-Criminalistic Activity Fundamentals,
Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activity,
Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Law), Associate Professor

FALSIFICATION OF WRITTEN EVIDENCE: FROM THE EXPERIENCE OF EXPERT EXAMINATIONS OF DOCUMENTS

The article focuses on one of the aspects of the relevant problem of falsification of written evidence in conditions of present-day adversarial proceedings. The author emphasizes that implementation of the constitutional principle of adversariality and equality of parties before the court providing each party with the right to present evidence is often accompanied by such an action as falsification of written evidence. It is confirmed by official statistics.

Through the particular examples from court and expert practice, the article represents possibilities of forensic technical examination of documents in order to establish facts and circumstances related to falsification of written evidence in legal proceedings. The author analyzes different literature sources and distinguishes main techniques of falsification of written evidence: making signatures or notes on behalf of

individuals authorized to authenticate documents by other individuals, amending the initial content of document attributes by additional writing (typing) of signs or notes, replacing sheets in a multipage document, imitating signatures and impressions of authenticating printing forms, and exerting influence on a document by various aggressive environments. On the basis of her own expert experience, the author comes to the conclusion that it is possible to identify a qualified forgery of documents, which is mostly accompanied by falsification of written evidence, only by means of assigning and conducting forensic examinations.

Key words: falsification of written evidence, forensic technical examination of documents, document attribute, adscript, seal impressions, establishing a period of time when document attributes were fulfilled.

* * *

Принцип состязательности судопроизводства, провозглашенный ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации, предполагает равноправие сторон в представлении доказательств сторонами в различных формах судопроизводства (ст. 9 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ), ст. 35 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ), ст. 274 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ)), однако зачастую стороны используют данное право для достижения незаконных целей. В настоящее время фальсификация доказательств считается достаточно распространенным явлением, и, по мнению некоторых исследователей, только в процедуре рассмотрения арбитражными судами в порядке ст. 161 АПК РФ заявлений о фальсификации доказательств более половины оспариваемых письменных доказательств признаются недостоверными [1]. Опубликованные материалы судебной практики по уголовным и гражданским делам также свидетельствуют о многочисленных случаях представления сторонами сфальсифицированных доказательств [2].

Обзор научных публикаций [3; 4; 5], посвященных данной проблематике, а также практики производства судебных экспертиз в государственных и негосударственных судебно-экспертных организациях свидетельствует, что в целях фальсификации письменных доказательств могут использоваться такие приемы, как выполнение подписей (записей) от имени лиц, уполномоченных заверять документы, иными лицами; внесение изменений в первоначальное содержание реквизитов документов путем дописки (допечатки) отдельных знаков или фрагментов текстов; имитация подписей и оттисков удостоверительных печатных форм; воздействие на документ различных агрессивных сред.

Проиллюстрируем сказанное следующими примерами из личного экспертного опыта. Так, одной из сторон арбитражного спора в качестве доказательства о выполнении обязательств по договору был представлен документ — почтовая опись вложения, в которой имелись рукописные записи, подтверждающие данный факт (рис. 1). Другая сторона имела основания считать, что данный документ сфальсифицирован, так как располагала своим экземпляром указанного

документа, и на основании ст. 161 АПК РФ обратилась в суд с заявлением о фальсификации доказательства. В целях проверки обоснованности данного заявления судом было вынесено определение о назначении технико-криминалистической экспертизы документов, в соответствии с которым в распоряжение эксперта была предоставлен документ, вызвавший сомнение в подлинности, и поставлена задача определить, имеются ли изменения первоначального содержания в реквизитах данного документа [6].

ЭКЗЕМПЛЯР №1

ПОЧТА РОССИИ **ОПИСЬ** Ф 107

вложения в _____
 Кому ООО "НКС/С"
 Куда 115093 Зелёная ул. Большая Серпуховская д. 44 оф. 119

№ п/п	Наименование предметов	Количество предметов	Объявленная ценность, руб.
1	<u>Иск. № 1 от 25.03.13 на 1 листе</u>	1	
2	<u>Приостановка № 1 на 1 листе</u>	1	
3	<u>КС-2 № 301 от 26.01.13 № 2 - ШЕРВАН</u>	1	
4	<u>КС-3 № 3 от 26.01.13 № 1 листе</u>		

Общий итог предметов и объявленной ценности 1 рубль (цифрами)

Отправитель [подпись] (подпись)

Проверил _____ (должность, подпись почтового работника)

Исправления не допускаются

Рис. 1. Изображение документа, представленного на экспертизу, в отраженном видимом свете

Для выявления признаков материального подлога при исследовании документа экспертом был применен комплекс методов, позволивших установить факт внесения изменения первоначального содержания рукописных реквизитов документа путем дописки значительных по объему записей. Уже на стадии предварительного исследования при визуальном осмотре документа была выдвинута экспертная версия о том, что рукописные записи в строках почтовой описи выполнены не одним, а разными лицами. При дальнейшем исследовании и

сравнении способом сопоставления почерка, которыми выполнены записи в строках «Кому», «Куда», «1», «2», и почерка, которым выполнены записи в остальных строках документа, установлены существенные различающиеся общие и частные признаки, которые в совокупности стали достаточным основанием для вывода, подтверждающего первоначально выдвинутую версию. При помощи метода оптической микроскопии удалось установить различие в морфологии основных и дописанных штрихов (рис. 2), а метод люминесцентного анализа позволил выявить различную картину люминесценции в красной зоне спектра красящих веществ исследуемых штрихов, расположенных в разных строках документа (рис. 3).

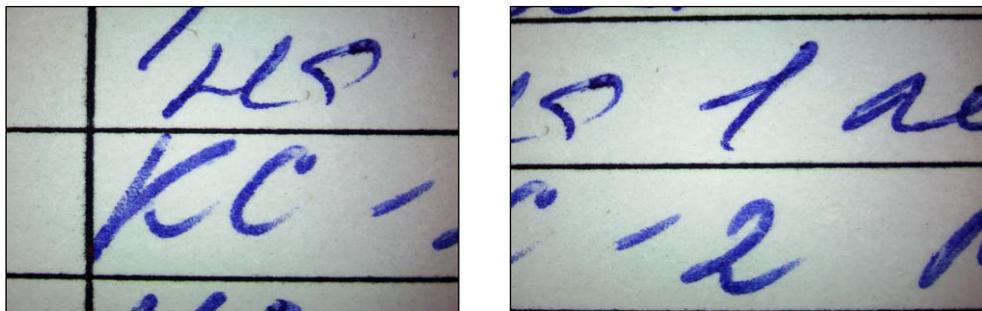

Рис. 2. Увеличенное изображение фрагментов рукописных записей в строках «2» и «3» (различие морфологических признаков штрихов первоначальных и дописанных записей)

Рис. 3. Изображение картины люминесценции в красной зоне спектра рукописных реквизитов документа, представленного на экспертизу (различие люминесцентных свойств первоначальных и дописанных записей)

Таким образом, эксперту удалось выявить совокупность признаков, свидетельствующих о внесении изменений в первоначальное содержание рукописных реквизитов представленной почтовой описи вложения путем дописывания записей, расположенных в строках «3», «4». Результаты экспертизы были учтены судом и способствовали принятию обоснованного судебного решения.

Другой случай из экспертной практики связан с исследованием документа, который также был представлен в качестве доказательства одной из сторон арбитражного спора, но изначально содержал сведения, не соответствующие действительности. Тем не менее для удостоверения таких сведений в документе была использована печать, принадлежащая второй стороне спора, которая отрицала факт оформления указанного документа и ходатайствовала перед судом о назначении судебной экспертизы в целях решения вопроса о выполнении оттиска печати, имеющегося в документе, печатью данной организации. Такая экспертиза была назначена, а в качестве исследуемых объектов эксперту были представлены оспариваемый документ и сравнительные образцы оттисков печати, принадлежащей одной из сторон — инициатору проведения экспертизы.

При визуальном осмотре исследуемого оттиска и изучении его содержания было установлено, что в штрихах наблюдались значительное количество непропечатанных фрагментов знаков, а также нечеткое отображение имеющихся текстов. Микроскопическое исследование штрихов оттиска позволило выявить специфические особенности распределения красящего вещества в штрихах, конфигурацию краев элементов знаков, а также иные морфологические признаки, характерные для фотополимерной технологии изготовления печатных форм.

При дальнейшем сравнении способом сопоставления исследуемого оттиска и образцов оттисков печати эксперт выявил совпадение по способу изготовления печати, общему виду и рисунку эмблемы и логотипа организации, отобразившимся в центре оттиска, а также различие по содержанию части текста, расположенного по окружности вдоль внешнего ободка печати. Различие заключалось в том, что буквенный текст «Краснооктябрьский р-н», имеющийся в оттиске подлинной печати (рис. 4), в исследуемом оттиске выглядел как сочетание цифр «0», «1», «2» и т. п. (рис. 5). Выявленное существенное различие в сравниваемых оттисках послужило безусловным основанием для категорического отрицательного вывода о тождестве [6].

Учитывая выявленные различия, а также тот факт, что исследуемый оттиск и сравнительные образцы были нанесены печатями, изготовленными с использованием фотополимера, эксперт высказал предположение, что для нанесения оттиска печати в сфальсифицированном документе, представленном на экспертизу, применялась печать, изготовленная по технологии «восстановления печати по оттиску» с использованием оттиска подлинной печати. Подобная технология достаточно часто применяется различными организациями, занимающимися изготовлением печатей и штампов для физических и юридических лиц, причем для этих целей нередко используется именно фотополимерный способ, что создает условия и возможности для фальсификации письменных доказательств.

Рис. 4. Оттиск печати
в оспариваемом документе,
представленном на экспертизу

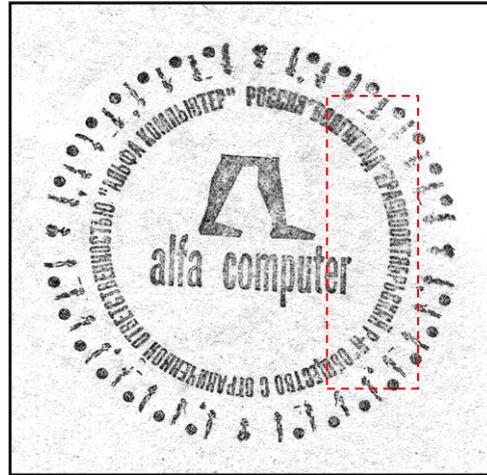

Рис. 5. Оттиск печати
организации, представленный
в качестве образца

Выявленные при производстве судебной экспертизы факты и обстоятельства, касающиеся способа изготовления печати и нанесения ее оттиска в документ, представленный в качестве доказательства одной из сторон, послужили основанием для принятия объективного судебного решения по арбитражному делу.

Отдельно хотелось бы остановиться на проблеме выявления фальсификаций доказательств, связанных с последствиями воздействия на документ и его реквизиты различных агрессивных сред. Об этом ранее уже упоминалось в некоторых литературных источниках [7; 8], тем не менее необходимо подчеркнуть, что любой письменный документ на бумажной подложке является объектом, легко изменяющим свои свойства под действием различных факторов. Даже в условиях обычного офисного хранения в документах происходят процессы «старения», приводящие к трансформации их свойств [9, с. 78—79].

Так, закономерности изменения некоторых характеристик материалов письма в течение определенного времени легли в основу ряда экспертных методик по установлению абсолютного возраста (давности) выполнения реквизитов документов, которые, несмотря на их несовершенство, чрезвычайно востребованы в современном состязательном судопроизводстве сторонами гражданских исков и арбитражных споров, а также при установлении обстоятельств расследуемого события по уголовным делам. Данные исследования проводятся как в государственных, так и негосударственных экспертных организациях с использованием, как правило, метода газовой хроматографии. Одним из условий применения данного метода и, следовательно, достоверности получаемых результатов является предварительное исследование штрихов реквизитов в целях определения признаков воздействия на них каких-либо агрессивных факторов, которые могут иметь случайное происхождение либо быть следствием умышленного «искусственного старения» документа как способа фальсификации письменного

доказательства. Для выяснения данного обстоятельства обычно проводятся микроскопическое исследование штрихов реквизитов документа и его подложки, а также изучение в отраженных ультрафиолетовых лучах и наблюдение картины люминесценции в красной зоне спектра.

Как показывает практика, среди документов, направляемых на экспертизу для решения вопроса о давности выполнения, преобладают такие, бланковые реквизиты которых выполнены электрофотографическим способом, а рукописные записи, подписи нанесены с использованием паст шариковых ручек, гелевых чернил и т. п. Нередко в таких документах наблюдаются специфические признаки, свидетельствующие о каком-либо воздействии на них в целях изменения свойств, что делает невозможным применение существующих методик установления давности хроматографическими методами (рис. 6—8).

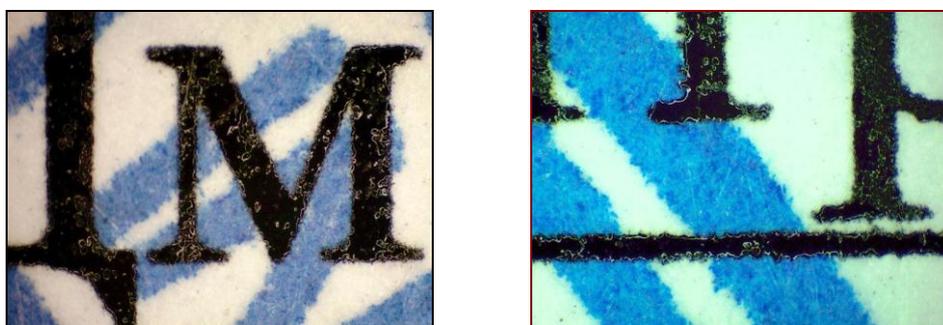

Рис. 6. Оплавление красящего вещества (тонера) в штрихах печатных текстов на страницах документов, представленных на экспертизу

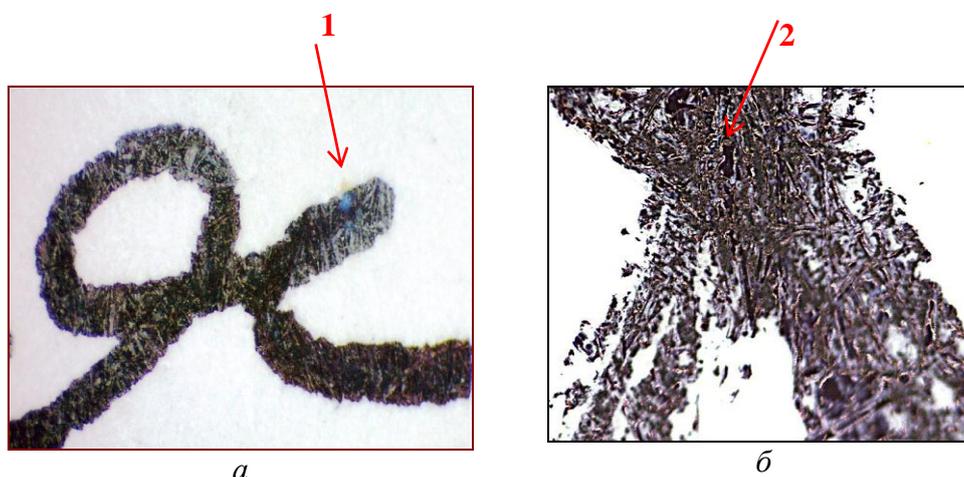

Рис. 7. Видоизменение морфологических признаков штрихов рукописных записей, выполненных чернилами гелевой ручки (а) и пастой шариковой ручки (б).

Наблюдаются уменьшение интенсивности окрашивания штрихов, появление участков с голубым оттенком (1), каплевидных участков с глянцевой поверхностью (2)

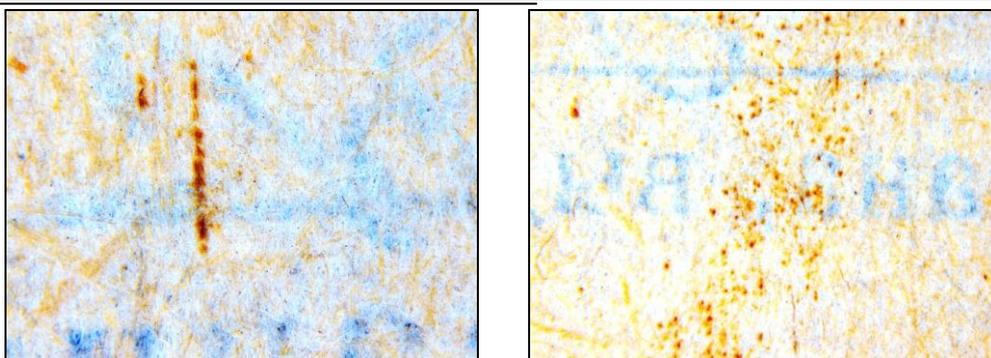

Рис. 8. Изменение цвета бумаги с оборотной стороны документа: появление пятен и полос светло-коричневого цвета, пожелтение отдельных волокон, «пробивание» штемпельной краски голубого цвета с лицевой на оборотную сторону документа

Рассмотренные нами примеры из экспертной практики исследования письменных доказательств свидетельствуют об актуальности затронутой проблемы, а также о роли и возможностях технико-криминалистической экспертизы документов в выявлении фактов фальсификации письменных доказательств. Безусловно, для дальнейшего изучения последствий агрессивного воздействия на материалы документов необходимо проведение глубокого экспериментального исследования с учетом всех возможных сочетаний факторов, красящих веществ и материалов подложки, что позволит выявить и определить характерные для каждой ситуации диагностические признаки, необходимые для решения поставленной перед экспертом задачи. Тем не менее полагаем, что изложенный в настоящей статье некоторый опыт таких экспертных исследований может быть полезен не только в практической судебно-экспертной деятельности, но и для использования в образовательном процессе при обучении экспертов по основным и дополнительным образовательным программам.

Список библиографических ссылок

1. Асташов С. В. Фальсификация доказательств по гражданскому делу (части 1 и 3 статьи 303 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
2. Подробнее об этом см.: <http://sudact.ru/regular/doc/sfzumphvx26p/>; <http://sudact.ru/regular/doc/yESumDPBFX65/>; <http://sudact.ru/regular/doc/8bRwDkXPoB/> (дата обращения: 20.03.2018).
3. Ершова Н. В. Способы проверки достоверности заявления о фальсификации (подложности) доказательства в гражданском судопроизводстве // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 9 (13). С. 63—73.
4. Третьяков В. И., Шведова Н. Н. Заключение эксперта по результатам исследования документов: примеры использования в судопроизводстве // Библиотека криминалиста. 2017. № 4 (33). С. 343—346.

5. Гармаев Ю. П., Ладоскин А. С. Проблемы выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 8—9. С. 210—214.

6. Архив негосударственной экспертной организации «Региональный экспертный центр «Альтернатива».

7. Торопова М. В., Фурлетов В. И. Исследование документов, подвергавшихся агрессивному воздействию (анализ признаков при исследовании пересекающихся штрихов) // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / редкол. Н. Н. Шведова. Волгоград: ВА МВД России, 2012. С. 147—151.

8. Торопова М. В. Возможности экспертного исследования документов, подвергавшихся агрессивному воздействию, с целью установления последовательности выполнения в них реквизитов // Фотография. Изображение. Документ. 2013. № 4 (4). С. 73—80.

9. Шведова Н. Н. Криминалистическое исследование документов: исторический очерк и современные проблемы: моногр. Волгоград: ВА МВД России, 2016.

References

1. Astashov S. V. Fal'sifikaciya dokazatel'stv po grazhdanskomu delu (chasti 1 i 3 stat'i 303 UK RF): problemy ugovovno-pravovoj reglamentacii i kvalifikacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2013.

2. Podrobnее ob ehtom sm.: <http://sudact.ru/regular/doc/sfzumphvx26p/>; <http://sudact.ru/regular/doc/yESumDPBFX65/>; <http://sudact.ru/regular/doc/8bRwDkXPoB/> (data obrashcheniya: 20.03.2018).

3. Ershova N. V. Sposoby proverki dostovernosti zayavleniya o fal'sifikacii (podlozhnosti) dokazatel'stva v grazhdanskom sudoproizvodstve // Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina. 2015. № 9 (13). S. 63—73.

4. Tret'yakov V. I., Shvedova N. N. Zaklyuchenie ehksperta po rezul'tatam issledovaniya dokumentov: primery ispol'zovaniya v sudoproizvodstve // Biblioteka kriminalista. 2017. № 4 (33). S. 343—346.

5. Garmaev YU. P., Ladoshkin A. S. Problemy vyyavleniya, raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij, svyazannyh s fal'sifikaciej dokazatel'stv v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstve // Gumanitarnye, social'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2016. № 8—9. S. 210—214.

6. Arhiv negosudarstvennoj ehkspertnoj organizacii «Regional'nyj ehkspertnyj centr «Al'ternativa».

7. Toropova M. V., Furletov V. I. Issledovanie dokumentov, podvergavshih-sya agressivnomu vozdejstviyu (analiz priznakov pri issledovanii peresekayushchihsya shtrihov) // Sudebnaya ehkspertiza: rossijskij i mezhdunarodnyj opyt: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / redkol. N. N. Shvedova. Volgograd: VA MVD Rossii, 2012. S. 147—151.

8. Toropova M. V. Vozmozhnosti ehkspertnogo issledovaniya dokumentov, podvergavshih-sya agressivnomu vozdejstviyu, s cel'yu ustanovleniya posledovatel'nosti

vypolneniya v nih rekvizitov // Fotografiya. Izobrazhenie. Dokument. 2013. № 4 (4). S. 73—80.

9. SHvedova N. N. Kriminalisticheskoe issledovanie dokumentov: istoricheskij ocherk i sovremennye problemy: monogr. Volgograd: VA MVD Rossii, 2016.

© Шведова Н. Н., 2018

* * *

УДК 343.983.22

ББК 67.521.4

DOI 10.25724/VAMVD.AHIJ

А. Н. Бардаченко,

заместитель начальника кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук;

П. П. Смольяков,

заведующий кафедрой философии, политологии и права Волгоградского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук, доцент;

О. В. Становая,

преподаватель кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ ГЛУШИТЕЛЕЙ ЗВУКА ВЫСТРЕЛА СТРЕЛКОВОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Для сокрытия преступлений, предусмотренных ст. 258 Уголовного кодекса Российской Федерации «Незаконная охота», зачастую преступники устанавливают на нарезное огнестрельное оружие различные дульные устройства, снижающие звук выстрела, тогда как их продажа и установка на гражданском и служебном оружии запрещена Федеральным законом от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии».

При производстве судебно-баллистических экспертиз вызывает затруднение криминалистическая оценка «саундмодераторов» («суппрессоров»). В статье приводятся конструктивные характеристики данных устройств. В результате сравнительного анализа авторы приходят к выводу, что «саундмодераторы» по конструкции и целевому назначению являются глушителями звука выстрела. Следовательно, их продажа и установка на оружие на территории Российской Федерации является незаконной.

Данная работа предназначена для экспертов-криминалистов, проводящих судебно-баллистические экспертизы, а также будет полезна курсантам и слушателям вузов МВД России при изучении дисциплины «Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза».

Ключевые слова: глушитель звука выстрела, огнестрельное оружие, «саунд-модератор», судебно-баллистическая экспертиза.

A. N. Bardachenko,

Deputy Head of the Chair of Traceology and Ballistics,
Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activity,
Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Law);

P. P. Smoliakov,

Head of the Chair of Philosophy, Political Science and Law,
Volgograd State Agricultural University, Candidate of Science (Law),
Associate Professor;

O. V. Stanovaya,

Lecturer of the Chair of Criminalistics,
Training and Scientific Complex of Preliminary Inquiry
in Law Enforcement Agencies, Volgograd Academy
of the Ministry of Interior of Russia

**CONCERNING THE FORENSIC EVALUATION
OF SUPPRESSORS FOR FIREARMS**

To cover up crimes stipulated by Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation «Illegal Hunting», criminals often attach to rifled firearms various muzzle devices reducing the sound intensity of a shot. However, according to the Federal Law No. 150-FZ of December 13, 1996 «On Weapons» it is prohibited to sell and attach them to civilian and service weapons.

When conducting forensic ballistic examination the forensic evaluation of sound moderators (suppressors) causes certain difficulties. The article represents design characteristics of these devices. As a result of the comparative analysis, the authors come to the conclusion that sound moderators by their design and designated purpose are considered to be suppressors. Therefore, it is illegal to sell and attach them to weapons in the territory of the Russian Federation.

This article is intended for forensic experts conducting forensic ballistic examinations as well as for cadets and trainees of higher education institutions of the Ministry of Interior of Russia studying Forensic Ballistics and Forensic Ballistic Examination.

Key words: suppressor, firearms, sound moderator, forensic ballistic examination.

* * *

Преступления, связанные с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования, в частности предусмотренные ст. 258 «Незаконная охота» Уголовного кодекса Российской Федерации, представляют повышенную опасность для общества. Ущерб от них исчисляется

не только сотнями тысяч рублей, но и выражается в невосполнимом уроне для живой природы — истреблении ценных диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации.

При совершении браконьерства преступники используют автоматическое оружие, укорачивают стволы и переделывают приклады, чтобы его можно было легко скрыть под одеждой, устраивают в лесу тайники, где прячут оружие и другие орудия браконьерства, применяют вставные нарезные стволы малых калибров в гладкоствольные ружья, усиливают пружины пневматического оружия, переделывают его под капсюль «Жевело» и малокалиберный патрон, используют приборы ночного видения и т. д.

Часто для сокрытия преступлений на нарезное огнестрельное оружие устанавливаются различные дульные устройства, снижающие звук выстрела, что затрудняет их обнаружение и изобличение.

Продажа и установка приспособлений для бесшумной стрельбы на гражданском и служебном оружии запрещена ст. 6 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150 «Об оружии». В соответствии со ст. 20.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях установка на гражданском или служебном оружии приспособления для бесшумной стрельбы влечет наложение административного штрафа в размере от 2 000 до 2 500 рублей с последующей его конфискацией.

Кроме того, согласно пп. «е» ч. 3 п. 7 постановления Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории РФ» поставщикам (продавцам) запрещается продавать на территории Российской Федерации приспособления для бесшумной стрельбы.

Как показывает анализ следственной практики, в последнее время стало изыматься нарезное охотничье огнестрельное оружие с установленными на него так называемыми саундмодераторами. Ежегодно увеличивается количество назначаемых судебно-баллистических экспертиз, объектами которых являются данные устройства. Их криминалистическое исследование вызывает определенные затруднения, что негативно влияет на правовую оценку. В результате у правонарушителей появляется возможность избежать ответственности за незаконную установку глушителя звука выстрела. Мотивируется это тем, что в Федеральном законе от 13 декабря 1996 г. № 150 «Об оружии» говорится о приспособлениях для бесшумной стрельбы, а «саундмодератор» якобы глушителем звука выстрела не считается.

Ввиду сказанного целью данной статьи стала попытка дать рассматриваемым устройствам криминалистическую оценку.

Согласно ГОСТ 28653-90 «Оружие стрелковое. Термины и определения» глушителем звука выстрела стрелкового оружия является дульное устройство стрелкового оружия, предназначенное для уменьшения силы звука при выстреле.

Источники возникновения звука при выстреле располагаются в следующей временной последовательности:

- воспламенение капсюльного состава;

- прорыв пороховых газов вокруг гильзы (газы выходят через казенную часть ствола или окно ствольной коробки);
- сжатие воздушной массы перед пулей и формирование воздушной ударной волны;
- прорыв пороховых газов вперед пули в момент ее движения по каналу ствола;
- высокоинтенсивное сжатие воздушной массы в момент появления пули у дульного среза;
- процесс генерирования воздушной ударной волны при превышении пулей скорости звука;
- истечение пороховых газов после вылета пули из ствола;
- последующие завихрения пороховых газов внутри системы;
- отражение от земли ударной волны, образующейся при выстреле [1, с. 34].

Установка глушителя звука выстрела позволяет значительно снизить уровень звука и нивелировать большинство названных источников его возникновения.

Устройства подавления звука снижают звук выстрела на 20—30 дБ — для винтовок калибра 7,62 мм, на 25—35 дБ — для оружия под промежуточный и пистолетный патрон, в среднем со 160—165 до 130—140 дБ, т. е. примерно до уровня громкости выстрела спортивной малокалиберной винтовки. Если глушитель ослабил звук на 20 дБ, то это означает, что громкость выстрела стала тише в 100 раз, на 30 дБ — в 1 000 раз. Дозвуковые патроны позволяют достигать лучшего результата, но обладают меньшей убойной и пробивной способностью [2].

После выстрела давление пороховых газов у дульного среза составляет приблизительно 200 атмосфер при температуре 1 000 °С. При истечении из глушителя с объемом, в 20 раз большим объема канала ствола, в результате компенсации за счет существующих внутри глушителя стандартных условий газы имеют давление, приблизительно равное 4 атмосферам при температуре 150 °С.

При стрельбе с глушителем звука выстрела обычного типа уровень звука выстрела определяется следующими факторами:

- длиной корпуса глушителя;
- объемом глушителя;
- допусками сквозных отверстий;
- теплопоглощающей способностью [3, с. 182—183].

По конструкции глушители звука выстрела подразделяются на следующие типы: расширительные, обтюраторные, механические и комбинированные.

Глушитель расширительного типа представляет собой полый цилиндр, внутренняя полость которого разделена перегородками (сепараторами) на несколько расширительных камер (рис. 1). Сепараторы могут располагаться как перпендикулярно, так и под определенным углом. Объем полости значительно превышает объем канала ствола, вследствие чего пороховые газы, расширяясь, теряют скорость и охлаждаются. Конструкции глушителей расширительного типа разнообразны и основаны на принципе завихрения, смещения, аккумуляции, отражения газов.

Глушитель obtюраторного типа — это полый цилиндр, в котором расположены эластичные пластины (obtюраторы) — в основном резиновые. В устройствах подавления звука выстрела механического типа пороховые газы тормозятся, взаимодействуя с подвижными деталями, сжимая при этом различные пружины, либо отсекаются механическим клапаном, закрывающим выходное отверстие в корпусе устройства сразу после пролета пули. Комбинированный глушитель сочетает в себе элементы конструкций разных рассмотренных типов [4, с. 68; 5, с. 25; 3, с. 190].

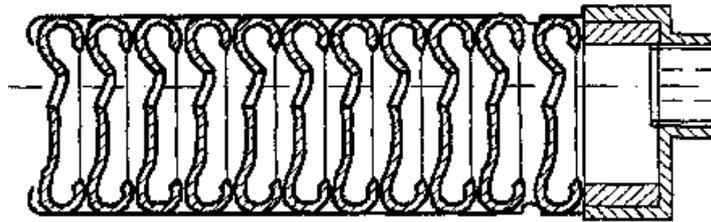

Рис. 1. Глушитель расширительного типа основанный на использовании принципа завихрения газов

В западных странах, таких как США, Финляндия, Германия, Швеция, распространена практика установки на нарезное охотничье огнестрельное оружие «саундмодераторов» и «суппрессоров», предназначенных для снижения звука выстрела. Законодательством данных стран не запрещена продажа и установка на оружие этих устройств. На рынок нашей страны такие устройства попадают в основном через интернет-магазины с территории Украины и европейских стран. Рассмотрим их конструкцию на примере «саундмодераторов» производства фирмы ASE UTRA (Финляндия), поступавших на судебно-баллистические исследования в экспертно-криминалистические подразделения России (рис. 2).

Корпус устройств серии S представляет собой полый цилиндр длиной 118 мм, 130 мм, 141 мм, 162 мм, 205 мм и диаметром 44,5 мм, весом 390—768 г. Они изготавливаются из нержавеющей стали путем литья, внутри расположены камеры, служащие для расширения, завихрения и, как следствие, охлаждения газов при выстреле (рис. 3). В зависимости от количества внутренних камер и размеров корпуса данные устройства подразделяется на четыре модели — SL5, SL6, SL7 и SL9, оптимизированные под различные калибры оружия: .223 Rem (5,56 мм), .243 Win (6,5 мм), .308 Win (7,62 мм), 0,338 Win (9,3 мм). Все модификации выпускаются с различными типами резьбы для крепления на ствол длинноствольного нарезного оружия: M14x1 (карабины Sauer 202 и 303); M15x1 (карабины Blaser R8); M18x1 (спортивно-охотничьи винтовки Blaser R8 Match). Степень подавления шума, заявленная производителем, составляет 25—35 дБ (при измерении на расстоянии 1 м от дульного среза оружия) [6; 7].

Рис. 2. «Саундмодераторы» Ase Ultra S серии моделей SL5, SL6, SL7

Рис. 3. Внутреннее устройство «саундмодераторов» серии Ase Ultra S

Для использования на малокалиберных винтовках калибра .22 LR (5,6 мм) предназначен «саундмодератор» Ase Ultra DUAL .22 LR. Его корпус имеет длину 140 мм, диаметр 28 мм, вес 105 г, изготовлен из стали, покрытой фосфатом магния матового черного цвета, для чистки он может разбираться. Габариты прибора позволяют стрелять из оружия с механическими прицельными приспособлениями либо с низко установленными оптическими прицелами, без перекрытия поля зрения. Внутри помещена стальная вставка с перегородками, образующими камеры (рис. 4). Устройство снижает уровень звука выстрела при стрельбе из винтовки на 30—35 дБ (при измерении на расстоянии 1 м от дульного среза оружия) [6].

Рис. 4. «Саундмодератор» Ase Ultra DUAL .22 LR в разобранном виде

Таким образом, результаты сравнения конструктивных особенностей (размера и формы корпуса, наличия сепараторов, образующих камеры) и функциональных свойств (подавление звука выстрела на 25—35 дБ) глушителей звука выстрела и «саундмодераторов» («суппрессоров») позволяют заключить, что последние являются глушителями звука выстрела. Этот факт следует учитывать при их судебно-баллистическом исследовании. Продажа и установка «саундмодераторов» («суппрессоров») на охотничье огнестрельное оружие на территории Российской Федерации являются незаконными. Полагаем, что правильная криминалистическая оценка данных устройств позволит ограничить их незаконный оборот.

Список библиографических ссылок

1. Мураховский В. И., Слуцкий Е. А. Оружие специального назначения. М.: Элакос, 1995. 208 с.
2. Перспективные конструкции глушителей звука выстрела стрелкового оружия / О. В. Пилипенко [и др.]. URL: <http://asturawsm.com/en/node/26> (дата обращения: 20.01.2017).
3. Кокин А. В. Теория и методические основы исследования нарезного огнестрельного оружия по следам на пулях. М.: Юрлитинформ, 2010. 352 с.
4. Ситников А. В. Криминалистическое исследование огнестрельного оружия, снабженного устройством подавления звука, и следов его применения: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: СЮИ МВД России, 2002. 155 с.
5. Стрелковое огнестрельное оружие и его следы на пулях, гильзах и преградах: часть общая: учеб. пособие / И. В. Латышов, И. И. Никитин, И. А. Чулков. Волгоград: ВА МВД России, 2011. 116 с.
6. ASE UTRA. URL: <http://www.aseutra.fi/> (дата обращения: 18.01.2017).
7. Саундмодератор Ase Utra S series SL5. URL: <http://izzabugra.com.ua/> (дата обращения: 18.01.2017).

References

1. Murahovskij V. I., Sluckij E. A. Oruzhie special'nogo naznacheniya. M.: ENIakos, 1995. 208 s.
2. Perspektivnye konstrukcii glushitelej zvuka vystrela strelkovogo oruzhiya / O. V. Pilipenko [i dr.]. URL: <http://asturawmsmd.com/en/node/26> (data obrashcheniya: 20.01.2017).
3. Kokin A. V. Teoriya i metodicheskie osnovy issledovaniya narezного огнестрел'nogo oruzhiya po sledam na pulyah. M.: YUritinform, 2010. 352 s.
4. Sitnikov A. V. Kriminalisticheskoe issledovanie ognestrel'nogo oruzhiya, snabzhenного ustrojstvom podavleniya zvuka, i sledov ego primeneniya: dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov: SYUI MVD Rossii, 2002. 155 s.
5. Strelkovoie ognestrel'noie oruzhie i ego sledy na pulyah, gil'zah i pregradah: chast' obshchaya: ucheb. posobie / I. V. Latyshov, I. I. Nikitin, I. A. SHulkov. Volgograd: VA MVD Rossii, 2011. 116 s.
6. ASE UTRA. URL: <http://www.aseutra.fi/> (data obrashcheniya: 18.01.2017).
7. Saundmoderator Ase Utra S series SL5. URL: <http://izzabugra.com.ua/> (data obrashcheniya: 18.01.2017).

© Бардаченко А. Н., Смольяков П. П., Становая О. В., 2018

УДК 343.982.4
ББК 67.521.5

DOI 10.25724/VAMVD.AIJK

В. М. Данилкина,

старший преподаватель кафедры криминалистики
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ КРАТКИХ ЗАПИСЕЙ

В статье рассматриваются актуальные вопросы диагностического исследования кратких рукописных записей, а также сложности, с которыми сталкиваются эксперты-почерковеды при исследовании малоинформативных рукописных записей.

Автор статьи обращает внимание, что количественные закономерности, связанные с показателями разной частоты проявления (повторяемости) частных признаков почерка, хорошо зарекомендовавшие себя при исследовании сходных буквенных текстов, распространяются в отдельных экспертных ситуациях и на краткие сходные записи разных лиц буквенного состава, соответственно

могут быть успешно использованы для их дифференциации. При этом отдельные разновидности этих закономерностей характеризуются индивидуальными или групповыми показателями количественного соотношения совпадающих и различающихся признаков почерка, их качественным своеобразием, что позволяет решать отдельные классификационно-диагностические экспертные задачи.

На основе проведенного автором экспериментального исследования репрезентативного почеркового материала были определены количественные параметры уровня аномального сходства кратких буквенных записей разных лиц, характерные для влияния специальных сходствообразующих факторов: половых, возрастных, психологических, профессиональных, генетических и семейных, а также обусловленных необычными условиями письма. Это позволило установить сводные пороговые показатели уровней естественного (нормального) и аномального сходства кратких записей разных лиц.

В статье приводятся примеры, каким образом полученные количественные закономерности позволят расширить современные возможности судебного почерковедения в решении сложных классификационно-диагностических экспертных задач, направленных на проверку следственных (судебных) и иных версий о возможной причастности различных лиц к выполнению спорных кратких буквенных записей.

Ключевые слова: судебно-почерковедческая экспертиза, сходные почерки, сходствообразующие факторы, краткие рукописные записи, закономерности количественного распределения частных признаков почерка, диагностические исследования почерка.

V. M. Danilkina,

Senior lecturer of the Chair of Criminalistics

of the Moscow University of the Ministry of Interior of Russia n. a. V. Y. Kikot,

Candidate of Science (Law)

ABOUT OPPORTUNITIES OF DIAGNOSTIC TESTING OF SHORT HAND-WRITTEN RECORDS

In article topical issues of diagnostic testing of short hand-written records and also difficulties which handwriting experts at a research of less informative hand-written records face are considered.

The author of article pay attention that the quantitative regularities connected with indicators of different frequency of manifestation (repeatability) of private signs of handwriting, which have well proved at a research of similar alphabetic texts extend in separate expert situations and to short similar records of different faces of alphabetic structure, can be respectively successfully used for their differentiation. At the same time separate kinds of these regularities are characterized by individual or group indicators of a quantitative ratio of the coinciding and differing signs of handwriting, their qualitative originality that allows to solve separate classification and diagnostic expert problems.

On the basis of the pilot study of representative handwriting material conducted by the author the quantitative parameters of level of abnormal similarity of short alphabetic records of different persons characteristic of influence of special similar factors have been determined: sexual, age, psychological, professional, genetic and family and also caused by unusual conditions of the letter. It has allowed to establish summary threshold indicators of levels of natural (normal) and abnormal similarity of short records of different persons.

In article examples how the received quantitative regularities will allow to expand modern opportunities of a judicial studying of handwriting in the solution of the difficult classification and diagnostic expert tasks directed to verification of investigative (judicial) and other versions about possible participation of various persons in performance of disputable short alphabetic records are given.

Key words: judicial handwriting examination, similar handwriting, similar factors, short hand-written records, regularities of quantitative distribution of private signs of handwriting, diagnostic research of handwriting.

* * *

Достигнутый в настоящее время высокий научно-методический уровень судебно-почерковедческой экспертизы обеспечивает эффективное решение широкого круга идентификационных и диагностических вопросов, интересующих органы дознания, следствия и суд. Однако до сих пор на практике серьезные сложности вызывает решение диагностических задач при экспертном исследовании малоинформативных рукописных записей — текстов малого объема, подписей и кратких записей, выступающих объектами каждого пятого судебно-почерковедческого исследования. Так, например, имеются отдельные научные пробелы в части исследования кратких записей, выполненных сходными почерками, что приводит к многочисленным экспертным затруднениям и ошибкам. В частности, остаются недостаточно разработанными в теоретическом и методическом аспектах вопросы установления сходства почерков разных лиц (факта, уровня и вида), их дифференциации в ходе криминалистических исследований. Прежде всего это относится к экспертному изучению кратких рукописных записей.

Главным образом, указанные недостатки объясняются тем, что лежащий в основе почерка письменно-двигательный функционально-динамический комплекс (далее — ФДК) навыков человека имеет чрезвычайно сложную психофизиологическую и анатомическую структуру, которая в определенной степени обладает естественным (нормальным) сходством с аналогичными структурами других лиц. Кроме того, на сходство разных почерков влияет целая система иных объективных и субъективных факторов. Некоторые из них вызывают аномальное превышение уровня естественного сходства и нуждаются в научном анализе в целях разработки теоретических и экспериментальных основ ре-

шения соответствующих диагностических и идентификационных экспертных задач.

Результаты анализа судебно-экспертной практики позволили автору провести классификацию сходных почерков разных лиц по двум основаниям: степени сходства и разнообразию особенных сходствообразующих факторов. В соответствии с первым критерием различаются сходные почерки, характеризующиеся минимальным, средним и максимальным превышением уровня естественного сходства. По второму критерию дифференцируются сходные почерки, обусловленные влиянием на механизм формирования и реализации письменно-двигательных ФДК разных лиц отдельных категорий особенных сходствообразующих факторов, вызывающих превышение уровня естественного сходства почерков.

Система факторов, влияющих на образование сходных почерков разных лиц, включает:

1) сходствообразующие факторы общего характера, влияющие на образование естественного (нормального) сходства почерков разных лиц, — единство анатомической и психофизиологической основы формирования письменно-двигательного ФДК (в норме), правил гигиены письма, норм прописи и методики обучения письму, системы пишущих приборов и т. д.;

2) сходствообразующие факторы особенного характера, воздействующие на превышение естественного сходства почерков разных лиц, — преднамеренное и непреднамеренное подражание почерку лиц из семейного и иного ближнего окружения обучающихся письму; близость полового, возрастного, психологического, генетического признаков в структуре письменно-двигательной функциональной системы; единство корпоративных правил или обычаев письма, свойственные отдельным профессиональным группам, и др.

Изучение теоретических основ судебного почерковедения [1—11] и проведенные экспериментальные исследования кратких записей, выполненных сходными почерками различного вида, позволили автору прийти к следующим выводам:

1. Широко известные в судебном почерковедении количественные закономерности, связанные с показателями разной частоты проявления (повторяемости) частных признаков почерка, хорошо зарекомендовавшие себя при исследовании сходных буквенных текстов, распространяются в отдельных экспертных ситуациях, при условии повторяемости одноименных букв, и на краткие сходные записи разных лиц. Соответственно, эффективность дифференциации этих объектов в ходе криминалистических изысканий может быть увеличена комплексным применением традиционной методики и определенного количественного метода. В качестве последнего допустимо использование метода вероятностной оценки различий частных признаков при проведении судебно-почерковедческих экспертиз либо его специальной модификации.

2. Влияние на механизм письма общих сходствообразующих факторов обеспечивает уровень естественного (нормального) сходства кратких буквенных записей разных лиц, что в целом характерно и для иных категорий рукописей.

Показатели этого уровня определяются количественным соотношением совпадающих и различающихся признаков почерка и могут быть успешно использованы для решения соответствующих классификационно-диагностических экспертных задач.

3. Дополнительное влияние на механизм письма специальных сходствообразующих факторов обеспечивает превышение уровня естественного (нормального) сходства кратких записей разных лиц. При этом отдельные разновидности этих воздействий характеризуются индивидуальными или групповыми показателями количественного соотношения совпадающих и различающихся признаков почерка, их качественным своеобразием, что позволяет решать соответствующие узкопрофильные классификационно-диагностические экспертные задачи. Для подтверждения этих теоретических суждений было проведено экспериментальное исследование, при котором автором использовался опытный материал (семь подмассивов рукописей), отвечающий качественным и количественным требованиям репрезентативности.

Первый подмассив (6 000 рукописей) составили пять выборок по 50 комплексов опытных рукописей, выполненных при обычных условиях письма лицами, не имеющими генетической (родственной) и семейной связи между собой, без учета полового, возрастного, психологического и профессионального факторов (на иллюстрации — PsE). Второй подмассив (500 рукописей) — выполненные лицами мужского и женского пола (PsA1); третий подмассив (750 рукописей) — выполненные лицами трех разных возрастных категорий (PsA2); четвертый подмассив (1 500 рукописей) — выполненные лицами с различной типологией характера и темперамента (PsA3); пятый подмассив (1 000 рукописей) — выполненные лицами одной профессии: врачами и учителями начальных классов (PsA4); шестой подмассив (750 рукописей) — выполненные лицами, имеющими близкую генетическую и (или) семейную связь между собой (PsA5); седьмой подмассив (500 рукописей) — выполненные в необычных условиях письма, связанных с влиянием внешних и внутренних сбивающих факторов (PsA6).

Содержащиеся в экспериментальных подмассивах рукописей краткие записи, выполненные аналогичным буквенным составом, последовательно анализировались и сравнивались с использованием текстовой разработки частных признаков почерка. В результате данного исследования были установлены совпадения и различия частных признаков почерка в кратких записях разных лиц определенного буквенного состава, целевого назначения и объема. После каждого акта сравнения устанавливалась доля совпадений в процентном отношении к общему числу выявленных частных признаков почерка по формуле:

$$Ps = As / An \times 100 \%,$$

где Ps — доля совпадений в общем числе выявленных частных признаков почерка;

As — общее число выявленных совпадающих частных признаков почерка;

An — общее число выявленных частных признаков почерка.

В результате экспериментального исследования были установлены закономерности количественного распределения частных признаков почерка в кратких записях, выполненных сходными почерками:

1) количественные параметры экспертных ситуаций, связанных с различиями в частоте проявления (повторяемости) совпадающих частных признаков почерка в кратких буквенных записях разных лиц;

2) количественные параметры уровня естественного (нормального) сходства кратких буквенных записей разных лиц, характерные для влияния общих сходствообразующих факторов;

3) количественные параметры уровня аномального сходства кратких буквенных записей разных лиц, характерные для влияния специальных сходствообразующих факторов: половых, возрастных, психологических, профессиональных, генетических и семейных, необычных условий письма;

4) сводные пороговые показатели уровней естественного (нормального) и аномального сходства кратких записей разных лиц, которые могут быть использованы экспертом-почерковедом для формирования вероятных выводов об уровне сходства кратких буквенных записей разных лиц (естественное (нормальное) или аномальное) и о разновидности аномального сходства (рис. 1).

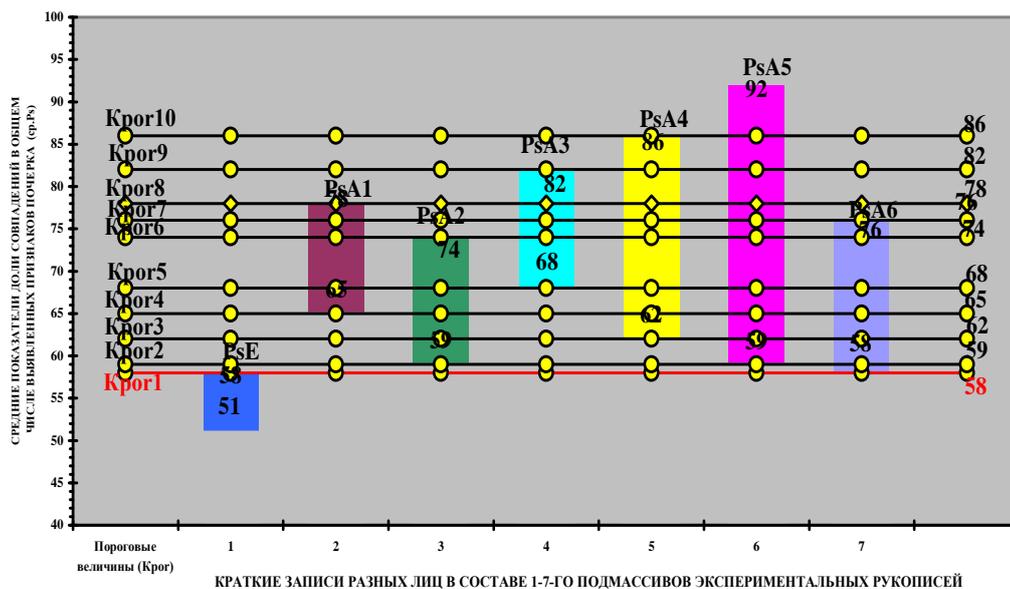

Рис. 1. Пороговые показатели уровней естественного (нормального) (PsE) и аномального (PsA) сходства кратких записей разных лиц

Результаты экспериментального исследования позволили разработать количественный метод установления уровня и вида сходства почерков в кратких буквенных записях разных лиц для решения диагностических экспертных задач по установлению естественного (нормального) или аномального уровня сход-

ства почерков в кратких буквенных записях разных лиц и вида аномального сходства почерков в данной категории рукописей — половое, возрастное, психологическое, профессиональное, генетическое или семейное и т. д.

Полученные в результате исследования большой эмпирической базы опытные данные имеют не только научное, но и практическое значение. Обычно превышение естественного сходства исследуемой краткой записи с образцами почерка предполагаемого исполнителя устанавливаются в ходе идентификационного исследования и отмечаются в заключении на основе экспертной инициативы. Однако на практике встречаются случаи, когда лицо, назначившее экспертизу, изучив обстоятельства дела (показания свидетелей и т. д.), самостоятельно выдвигает версию об отсутствии тождества сравниваемых почерков. К числу таких обстоятельств дела можно, например, отнести полученные следователем (судом) сведения о том, что исследуемая рукопись могла быть выполнена близким родственником предполагаемого исполнителя, имеющим с ним сходный почерк. В данном случае лицо, назначившее экспертизу, будут интересовать в доказательственных, розыскных и других целях уровень и вид их сходства, которые могут быть установлены с использованием определенных автором количественных параметров и пороговых значений уровня аномального сходства кратких буквенных записей разных лиц, характерные для влияния половых, возрастных, психологических, профессиональных, генетических и семейных сходствообразующих факторов.

К числу особенностей составления постановления (определения) о назначении судебно-почерковедческой экспертизы кратких сходных записей следует отнести необходимость отражения соответствующих следственных (судебных) и иных версий о возможной причастности к выполнению исследуемой краткой буквенной записи лиц, имеющих генетическую связь или (и) одинаковые типологические характеристики пола, возраста, профессии, характера или темперамента.

После получения необходимых образцов для сравнительного исследования в отношении лиц, имеющих схожий с предполагаемым исполнителем почерк, в постановлении (определении) о назначении судебно-почерковедческой экспертизы перед экспертом необходимо поставить такой дополнительный вопрос: «Не выполнена ли рукопись (рукописная запись, краткая запись) „Разрешаю“ в рапорте от 29 марта 2011 г. Е. П. Сидоровым? Если нет, то каков уровень и вид сходства почерков, сравниваемых между собой?».

В случае если лицо, назначающее экспертизу, заранее исключает тождество сравниваемых почерков и основной целью исследования является установление уровня и вида их сходства (для решения доказательственных, розыскных и других задач), задание эксперту излагается в следующем виде: «Каков уровень и вид сходства почерков, которыми выполнены рукопись (рукописная запись, краткая запись) „Поздравляю с праздником!“ и сравнительные образцы В. М. Михайлова?».

Таким образом, полученные в результате широкомасштабного экспериментального исследования пороговые значения различных уровней сходства кратких записей разных лиц способны расширить современные возможности судебного

почерковедения в решении сложных классификационно-диагностических экспертных задач, направленных на проверку следственных (судебных) и иных версий о возможной причастности к выполнению исследуемой краткой буквенной записи (исполнителя которой не удалось идентифицировать) лиц, имеющих генетическую связь или (и) одинаковые типологические характеристики с теми, чьи образцы почерка были изъяты для сравнения и представлены на исследование.

Список библиографических ссылок

1. Бобовкин М. В. Криминалистические проблемы психофизиологии и патологии механизма письма. Волгоград: ВА МВД России, 2004.
2. Бобовкин М. В. Теория и практика судебно-диагностической экспертизы письма лиц, находящихся в психопатологическом состоянии: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2005.
3. Бродская А. Б. Криминалистическое исследование сходных почерков // Судебная экспертиза документов. 1961. № 2. С. 41—45.
4. Бродская А. Б. Экспертный анализ факторов, влияющих на образование сходных почерков // Экспертная практика Харьковского НИИСЭ. 1966. № 16.
5. Жакова Т. М., Орлова В. Ф., Смирнов А. В. Методика судебно-почерковедческой экспертизы сходных подписей (количественная). М.: Наука, 2008.
6. Орлова В. Ф. О некоторых возможностях вероятностной оценки различий частных признаков при проведении судебно-почерковедческих экспертиз. М.: ВНИИСЭ, 1970.
7. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: учебник / под ред. В. В. Серегина. Волгоград: ВА МВД России, 2007.
8. Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть. Теоретические и методические основы судебно-почерковедческой экспертизы. 2-е изд., перераб. и доп. / под науч. ред. В. Ф. Орловой. М.: Наука, 2006.
9. Теория и практика математического моделирования в судебно-почерковедческой экспертизе / отв. ред. В. Ф. Орлова. М.: ВНИИСЭ, 1980.
10. Федосеева В. Б. Исследование сходных почерков // Практика криминалистической экспертизы. Вып. 1—2. М.: Госюриздат, 1961. С. 31—40.
11. Купин А. Ф. Особенности методики исследования рукописных текстов, выполненных с подражанием почерку другого лица // Судебная экспертиза. 2015. № 1 (41). С. 46—55.

References

1. Bobovkin M. V. Kriminalisticheskie problemy psihofiziologii i patologii mekhanizma pis'ma. Volgograd: VA MVD Rossii, 2004.
2. Bobovkin M. V. Teoriya i praktika sudebno-diagnosticheskoy ehkspertizy pis'ma lic, nahodyashchihsvya v psihopatologicheskom sostoyanii: dis. ... d-ra yurid. nauk. Volgograd, 2005.
3. Brodskaya A. B. Kriminalisticheskoe issledovanie skhodnyh pocherkov // Sudebnaya ehkspertiza dokumentov. 1961. № 2. S. 41—45.

4. Brodskaya A. B. EHkspertnyj analiz faktorov, vliyayushchih na obrazovanie skhodnyh pocherkov // EHkspertnaya praktika Har'kovskogo NIISEH. 1966. № 16.
5. ZHakova T. M., Orlova V. F., Smirnov A. V. Metodika sudebno-pocherkovedcheskoj ehkspertizy skhodnyh podpisej (kolichestvennaya). M.: Nauka, 2008.
6. Orlova V. F. O nekotoryh vozmozhnostyah veroyatnostnoj ocenki razlichij chastnyh priznakov pri provedenii sudebno-pocherkovedcheskih ehkspertiz. M.: VNIISEH, 1970.
7. Pocherkovedenie i pocherkovedcheskaya ehkspertiza: uchebnik / pod red. V. V. Seregina. Volgograd: VA MVD Rossii, 2007.
8. Sudebno-pocherkovedcheskaya ehkspertiza. Obshchaya chast'. Teoreticheskie i metodicheskie osnovy sudebno-pocherkovedcheskoj ehkspertizy. 2-e izd., pererab. i dop. / pod nauch. red. V. F. Orlovoj. M.: Nauka, 2006.
9. Teoriya i praktika matematicheskogo modelirovaniya v sudebno-pocherkovedcheskoj ehkspertize / otv. red. V. F. Orlova. M.: VNIISEH, 1980.
10. Fedoseeva V. B. Issledovanie skhodnyh pocherkov // Praktika kriminalisticheskoy ehkspertizy. Vyp. 1—2. M.: Gosyurizdat, 1961. S. 31—40.
11. Kupin A. F. Osobennosti metodiki issledovaniya rukopisnyh tekstov, vypolnennyh s podrazhaniem pocherku drugogo lica // Sudebnaya ehkspertiza. 2015. № 1 (41). S. 46—55.

© Данилкина В. М., 2018

* * *

УДК 343.983.22
ББК 67.521.4

DOI 10.25724/VAMVD.AJKL

М. Ю. Гераськин,

старший преподаватель кафедры криминалистической техники
учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России;

Л. В. Дашко,

заместитель начальника отдела научных исследований
по специальным видам экспертиз и экспертно-криминалистического
обеспечения противодействия наркопреступности
Экспертно-криминалистического центра МВД России, кандидат химических наук

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
САМОДЕЛЬНЫХ ЗАЖИГАТЕЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ**

Статья посвящена основным вопросам, возникающим в ходе криминалистического исследования самодельных зажигательных устройств (СЗУ), представляющих собой сложные специально созданные технические устройства, предназначенных для умышленной инициации горения при поджогах. Выявление фрагментов (остатков) СЗУ на месте пожара после их срабатывания представ-

ляет собой достаточно сложную задачу, для решения которой требуется применение разносторонних специальных знаний.

Авторами сформулированы основные признаки, позволяющие отнести исследуемый объект к категории СЗУ, а также сделать вывод о том, что возгорание на осматриваемом месте пожара произошло путем умышленного поджога с использованием СЗУ. Указаны основные критерии, по которым можно определить принадлежность изъятых с места поджога предметов к фрагментам СЗУ.

В статье показано, что совокупность признаков СЗУ (общая схема функционирования, состав зажигательного вещества, конструкция исполнительного механизма, средства замедления и т. п.) несет индивидуальную криминалистически значимую информацию, пригодную для закрепления и последующего использования в целях решения задач оперативно-разыскной деятельности и расследования уголовных дел. В результате ее анализа можно не только установить источник происхождения веществ и материалов, использованных при изготовлении СЗУ, но и определить уровень квалификации лица-изготовителя

в различных областях знаний и ремесла, что позволит значительно ускорить решение главной задачи в раскрытии преступления — установления лица, причастного к его совершению.

Ключевые слова: пожар, поджог, самодельное зажигательное устройство, осмотр места пожара, раскрытие и расследование преступлений, зажигательное вещество, средство воспламенения, пожарно-техническая экспертиза.

M. Y. Geraskin,

Senior Lecturer of the Chair of Forensic Technology
of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities
of the Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russia;

L. V. Dashko,

Deputy Head of the Department of the Scientific Research
on Special Types of Examinations and Forensic Science Support
of the Drug-Related Crimes Counteraction of the Forensic Science Center
of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation,
Candidate of Sciences (Chemical)

**FEATURES OF THE CRIMINALISTIC EXAMINATION
OF SELF-MADE INCENDIARY DEVICES**

The article deals with the main issues arising during the forensic examination of self-made incendiary devices (SMID). The latter are considered to be complex specially developed technical devices used for intended initiation of burning during arson. The identification of self-made incendiary devices fragments at the fire scene after their usage is rather complex task. It requires the use of a variety of specialized knowledge for its solution.

The authors of the article formulate the main features that make it possible to classify the mentioned object into the category of self-made incendiary devices (SMID) as well as to conclude that firing at the fire scene has been a result of intended arson by means of self-made incendiary devices. The authors point out the main criteria according to which it is possible to determine that the objects seized from the arson scene relate to self-made incendiary devices fragments.

The authors also notify that the total of the characteristics of the self-made incendiary devices (general scheme of functioning, composition of the incendiary substance, design of the trigger, device of deceleration, etc.) possesses unique forensically significant information suitable for fixing and following using to solve the detective activity tasks and to investigate criminal cases. In the result of its analysis, it is possible not only to establish the source of the origin of substances and materials used while manufacturing self-made incendiary devices, but also to determine the skill level of the manufacturer in various fields of knowledge and skills. This will permit to accelerate significantly the solution of the main task of solving crime — identifying the person involved in crime commission.

Key words: fire, arson, self-made incendiary device, fire scene search, solving and investigating crimes, incendiary substance, ignition device, fire-engineering examination.

* * *

В настоящее время обстановка с расследованием дел по фактам пожаров в России остается достаточно сложной. Так, согласно официальной статистике МЧС России только в 2017 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 133 077 пожаров, в результате которых погибло 7 824 человека, травмирован — 9 361, а прямой материальный ущерб составил более 14,2 млрд руб.

Особую общественную опасность представляют пожары, устроенные в целях умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, т. е. поджоги. За последние четыре года количество зарегистрированных поджогов остается на достаточно высоком уровне: в 2014 г. — 13 767, в 2015 г. — 13 560, в 2016 г. — 15 862, в 2017 г. — 14 845. Хотя удельный вес поджогов в общем массиве пожаров — около 10 %, причиненный ими прямой материальный ущерб составляет ежегодно более 1/5 от общего материального ущерба, причиненного в результате всех пожаров [1, с. 4—9].

Расследование любых происшествий, связанных с пожарами, всегда представляет значительную сложность, обусловленную тем, что вследствие развития процесса горения возникает реальная опасность уничтожения следовой информации об обстоятельствах его возникновения и развития, что не всегда позволяет осуществить реконструкцию события и выявить все необходимые элементы, которые характеризуют способ совершения преступления [2].

Поджог занимает особое место среди преступлений, связанных с пожарами, так как в его результате, помимо прямого материального ущерба, достаточно

часто наступают иные тяжкие последствия, такие как нарушение нормальной работы систем жизнеобеспечения, травмирование и гибель людей. Повышенная опасность поджога состоит в том, что преступник, создав условия к возникновению пожара, в дальнейшем утрачивает возможность контролировать его развитие и не в состоянии остановить этот процесс [3, с. 6—7]. При расследовании поджогов нередко приходится сталкиваться с применением самодельных зажигательных устройств. В отличие от других объектов пожарно-технической экспертизы, причастность которых к возникновению пожара, как правило, заранее неизвестна, обнаружение СЗУ на месте пожара в большинстве случаев позволяет однозначно установить причину возгорания, однако ввиду отсутствия единой научно обоснованной классификации и систематизации данного вида устройств, а также соответствующего понятийного аппарата проведение экспертиз по фактам таких происшествий вызывает значительные трудности.

Хотя упоминания о СЗУ как о сложных, специально созданных технических устройствах, предназначенных для умышленной инициации горения, появились в отечественной криминалистической литературе достаточно давно, до настоящего времени не сформировалось общепринятое определение такого устройства [3, с. 102—105; 4, с. 88]. Авторы полагают, что наиболее удачной является следующая дефиниция: «самодельное зажигательное устройство (СЗУ) — зажигательное устройство, конструкция которого не соответствует конструкторско-технологической документации на производство или сборку любого из зажигательных устройств промышленного изготовления. Под СЗУ понимаются устройства, в которых хотя бы один из элементов изготовлен самодельным способом или установлена его непромышленная нерегламентированная сборка, т. е. конструкция окончательно подготовленного к зажиганию устройства не оговорена требованиями соответствующих технических условий на его изготовление (монтаж)» [5, с. 4]. Данное определение аналогично тому, которое используется уже более 10 лет в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России экспертно-криминалистического учета самодельных взрывных устройств. Поскольку в иницировании горения в СЗУ могут использоваться средства детонирования, изготовленные промышленным и (или) самодельным способом, которые представляют собой взрывные устройства, данное обстоятельство позволяет выделить в общем массиве СЗУ такую категорию, как самодельное взрывозажигательное устройство. Таким образом, под СЗУ следует понимать СЗУ, конструкция которого включает в себя заряд взрывчатого вещества, обеспечивающего диспергирование зажигательного вещества (ЗВ), его разброс и воспламенение.

Указанные определения предполагают как самодельный способ конструктивных элементов СЗУ и (или) зажигательного вещества, так и использование при их изготовлении различных веществ, материалов и изделий, которые находят применение в различных областях техники и быта. Анализ экспертной практики исследования СЗУ и их фрагментов, изъятых с мест пожаров за период 2006—2014 гг., показывает значительное разнообразие СЗУ как по общей схеме конструкции, так и по используемым элементам. В большинстве случаев СЗУ

представляют собой комбинацию самодельных и промышленно изготовленных изделий [5, с. 27—32].

Таким образом, выявление фрагментов (остатков) СЗУ на месте пожара после их срабатывания представляет собой достаточно сложную задачу, для решения которой требуется применение разносторонних специальных знаний. Анализ экспертной практики показывает, что в отсутствие соответствующих специалистов обнаруживаются не все вещественные доказательства или, наоборот, изымается много объектов, не несущих криминалистически значимой информации. Прежде всего необходимо присутствие и непосредственное участие в осмотре не только специалиста в области пожаротехники, но и специалиста-криминалиста с традиционными методами исследования. Специалист-криминалист привлекается к осмотру места происшествия для работы с традиционными криминалистическими следами, такими как следы пальцев рук, обуви и (или) автотранспортных средств, следы биологического происхождения и т. п. [6].

Для определения принадлежности изъятого или примененного объекта к категории СЗУ или отнесению изъятых на месте пожара объектов к фрагментам (частям) СЗУ, т. е. в целях решения классификационной задачи, следует первоначально определить необходимые и достаточные признаки, для того чтобы однозначно отнести представленный на экспертизу объект (объекты) к категории СЗУ (или определить представленные объекты как части СЗУ).

Необходимым признаком для отнесения объекта к категории СЗУ является наличие зажигательного вещества. Горючие вещества могут использоваться в составе СЗУ в жидком, твердом, газообразном состоянии, а также в виде их различных комбинаций. Необходимым признаком для СЗУ является наличие исполнительного механизма. В качестве исполнительных устройств могут выступать: различные замедлители, начиная от простейших фитилей и заканчивая электронными схемами замедления; средства дистанционного управления; средства воспламенения контактного действия (механические воспламенители с датчиками цели). В любом случае наличие подготовленного средства воспламенения обеспечивает изготовителю относительную безопасность при изготовлении, перевозке и применении СЗУ, а также дает возможность после установки устройства незаметно или заранее покинуть место преступления. Таким образом, для однозначного отнесения представленного объекта к категории СЗУ необходимо наличие двух необходимых признаков: зажигательного вещества и средства приведения устройства в действие.

При осмотрах мест пожаров основными признаками, позволяющими сделать возможный вывод о том, что возгорание произошло путем умышленного поджога с использованием СЗУ, являются: присутствие определенных материалов и изделий в очаговой зоне, где до пожара их, по свидетельским показаниям, не было; характерная динамика развития горения; наличие в очаге остатков зажигательных веществ.

К отдельным деталям устройств и приспособлений для поджога, которые могут быть обнаружены в очаговой зоне, относятся: огнепроводные приспособления (шнуры, веревки, пропитанные легковоспламеняющимися (ЛВЖ) и (или) го-

рючими (ГЖ) жидкостями, детонирующие и запальные шнуры, дорожки из дымного (черного) пороха, хлопковая вата, волокно или опилки; свечи, используемые для поджигания подложенных горючих материалов или остатки воска, парафина от них; бенгальские огни, фрагменты окарины или их металлическая основа; спички, связанные в жгуты, обернутые волокнистыми материалами или прикрепленные к механическим устройствам; таймерные устройства или радиоэлектронные исполнительные механизмы (электронные платы; проволока, изоляция проводов, элементы питания и т. п.); электрические аппараты и оборудование (например, обычный электропаяльник, обернутый тканью); емкости от ЛВЖ и ГЖ; тряпки или предметы одежды, занавески, пропитанные ГЖ (ткани, даже обгоревшие, достаточно хорошо абсорбируют ЛВЖ и ГЖ, и зачастую их запах относительно легко можно уловить на месте пожара) [7]. Необходимо также провести комплекс мероприятий, направленных на обнаружение на месте пожара следов ЗВ и их предварительное исследование в целях установления их химической природы, в частности состава, типа, марки.

Оптимальным путем поиска на месте пожара остатков ЗВ и их исследования считается в настоящее время сочетание полевых и лабораторных методов. Первые позволяют обнаружить место, где необходимо и наиболее целесообразно отобрать пробу, вторые — выявить и подтвердить наличие в пробе таких остатков. Итогом расследования поджога является установление лиц, причастных к его совершению [8].

Если поджог совершен с применением СЗУ, то оно выступает весьма ценным объектом криминалистического исследования. Наибольшую криминалистически значимую информацию несет в себе СЗУ в нативном виде (устройство, которое изымается при тех или иных обстоятельствах в исходном состоянии), однако чаще всего специалисту на месте пожара приходится иметь дело с обгоревшими фрагментами СЗУ. При их исследовании также можно получить определенную информацию, хотя и гораздо меньшую по объему по сравнению с СЗУ в нативном виде [9].

Большое значение имеет реконструкция первоначального вида СЗУ. Она включает основные этапы: реконструкцию корпуса СЗУ или оболочки; установление типа и вида (марки) ЗВ и воспламенительного вещества; определение конструкции и типа средства воспламенения; анализ компоновки элементов, технологии сборки и принципа функционирования СЗУ в целом. По имеющимся конструктивным признакам (форме, размерам и материалу) определяется или делается предположение о принадлежности обнаруженных объектов к тем или иным изделиям промышленного изготовления. Оценка трасологических и конструктивных признаков для реконструкции изделий эффективна при максимальном сборе их фрагментов. При этом остатки могут быть исследованы, например, на принадлежность отдельного фрагмента определенной части к общей конструкции. Как правило, это устанавливается по материалу, красителю, взаимно пересекающимся поверхностям, механическим следам определенного вида технологической обработки. Одним из основных критериев для отнесения

восстановленных изделий к конструкции СЗУ должен служить тот факт, что ранее они не являлись предметами вещной обстановки объекта, на котором произошел пожар, т. е. были доставлены на место происшествия непосредственно перед пожаром. Данный критерий — определяющий при реконструкции оболочки СЗУ или иных конструктивных элементов в тех случаях, когда для изготовления СЗУ использовались изделия бытового назначения, имеющие достаточно широкое распространение.

Ориентирующая информация о типе ЗВ может быть получена при визуальном и органолептическом исследовании его остатков после пожара. Это обусловлено тем, что иногда на предметах, близких к очагу, остается определенное количество ЗВ. Однако более точная и окончательная информация о химическом составе ЗВ добывается только в результате исследования его микроколичеств в процессе проведения экспертного исследования в лабораторных условиях [10].

Определение конструкции средства воспламенения является самостоятельной задачей. Средство воспламенения обеспечивает инициирование основного ЗВ, при этом устройство представляет собой сборку элементов в определенной последовательности, необходимой для передачи к ЗВ начального инициирующего импульса. Реконструкция средства воспламенения заключается в восстановлении электрической, огневой и механической цепей по их отдельным элементам. Основной трудностью выступает установление конечного элемента устройства воспламенения, находящегося либо в массиве ЗВ, либо в непосредственном контакте с ним и подвергающегося термическому разрушению и видоизменению [11].

Для анализа остатков самодельного средства воспламенения необходимы большие временные затраты, и основывается он, в первую очередь, на известных конструктивных схемах с применением узлов и деталей промышленного изготовления. При этом одним из требований к функционированию реконструированного устройства является возможность его безопасного приведения в положение готовности в короткий промежуток времени. Следует отметить, что конструкция средства воспламенения в значительной степени определяет порядок сборки и условия применения устройства в целом.

Завершающий этап — анализ конструкции СЗУ в целом. Сначала проверяется возможность компоновки (размещения) восстановленных элементов устройства в единой конструкции. Затем определяются последовательность и возможность соединения отдельных частей устройства в единую конструкцию по наличию соответствующих элементов крепления разных частей СЗУ (например, средства воспламенения и корпуса) и конструктивных элементов, позволяющих разместить один элемент СЗУ в другом (например, средства воспламенения в емкости с ЗВ).

Совокупность признаков СЗУ (конструкция, состав ЗВ и т. д.) несет индивидуальную криминалистически значимую информацию, пригодную для закрепления и последующего использования в целях решения задач оперативно-разыскной деятельности и расследования уголовных дел. В результате ее анализа можно не только установить источник происхождения веществ и материалов, использованных при изготовлении СЗУ, но и определить уровень

квалификации лица-изготовителя в различных областях знаний и ремесла (электротехнике, радиотехнике, химии, использовании металлообрабатывающего оборудования и т. д.).

Для всестороннего анализа информации о СЗУ целесообразно создать единый учет таких устройств, который позволит формировать, вести и использовать учет СЗУ в органах внутренних дел Российской Федерации. В результате сравнения информации, содержащейся в информационных картах данного учета, можно будет выявить характерные конструкционные особенности, которые встречаются у нескольких разных по местам изъятия объектов, таких как общая конструктивная схема, видовая принадлежность различных конструктивных элементов СЗУ, особенностей их монтажа и т. п. Совокупность указанных данных поможет выявить серийность в совершении поджогов, так как установление факта применения для разных поджогов одинаковых по конструктивному и материальному исполнению СЗУ позволит объединить несколько уголовных дел по поджогам, что значительно оптимизирует процесс расследования серийных преступлений за счет существенного расширения информационной базы поиска [12].

Список библиографических ссылок

1. Пожары и пожарная безопасность в 2016 г.: стат. сб. / под общ. ред. Д. М. Гордиенко. М.: ВНИИПО, 2017. 124 с.
2. Гераськин М. Ю., Довбня А. В. Применение современной передвижной пожарно-технической лаборатории при осмотре места пожара и производстве пожарно-технической экспертизы // Судебная экспертиза. 2016. № 1 (45). С. 119—129.
3. Применение технико-криминалистических средств и методов при раскрытии и расследовании поджогов: учеб. пособие / С. И. Зернов [и др.]. М.: ЭКЦ МВД России, 1998. 112 с.
4. Зернов С. И. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений, сопряженных с пожарами: учеб. пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 1996. 128 с.
5. Самодельные зажигательные устройства как объект криминалистического исследования / С. О. Шульгин [и др.]. М.: ЭКЦ МВД России, 2014. 117 с.
6. Проблемы установления признаков и обстоятельств, свидетельствующих о поджоге / В. Ю. Ключников [и др.] // Профessional. 2015. № 4 (126). С. 21—24.
7. Дашко Л. В., Синюк В. Д., Кабанов В. Н. Обнаружение признаков поджога автотранспортных средств при производстве пожарно-технических экспертиз // Профessional. 2017. № 4 (138). С. 24—27.
8. Дашко Л. В., Клаптюк И. В., Чешко И. Д. Комплексное исследование остатков бутылок с зажигательной смесью // Надзорная деятельность и судебная экспертиза в системе безопасности. 2016. № 2. С. 21—24.
9. Катаров Д. В., Дашко Л. В. Криминалистическое исследование бутылок с зажигательной смесью // Судебная экспертиза Беларуси. 2017. № 2 (5). С. 58—65.

10. Дашко Л. В., Синюк В. Д., Ключников В. Ю. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования пожаров в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России // Судебная экспертиза Беларуси. 2017. № 1 (4). С. 63—69.

11. Дашко Л. В., Ключников В. Ю. Исследование самодельных зажигательных устройств при расследовании поджогов // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы: сб. науч. тр. I Междунар. форума. М.: Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2017. С. 479—485.

12. Гераськин М. Ю., Курин А. А. Организационные и методические основы создания учета самодельных зажигательных устройств // Судебная экспертиза. 2017. № 2 (50). С. 93—101.

References

1. Pozhary i pozharnaya bezopasnost' v 2016 g.: stat. sb. / pod obshch. red. D. M. Gordienko. M.: VNIPO, 2017. 124 s.

2. Geras'kin M. YU., Dovbnaya A. V. Primenenie sovremennoj peredvizhnoj pozharno-tekhnicheskoy laboratorii pri osmotre mesta pozhara i proizvodstve pozharno-tekhnicheskoy ehkspertizy // Sudebnaya ehkspertiza. 2016. № 1 (45). S. 119—129.

3. Primenenie tekhniko-kriminalisticheskikh sredstv i metodov pri raskrytii i rassledovanii podzhogov: ucheb. posobie / S. I. Zernov [i dr.]. M.: EHKC MVD Rossii, 1998. 112 s.

4. Zernov S. I. Tekhniko-kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya prestuplenij, sopryazhennyh s pozharami: ucheb. posobie. M.: EHKC MVD Rossii, 1996. 128 s.

5. Samodel'nye zazhigatel'nye ustrojstva kak ob'ekt kriminalisticheskogo issledovaniya / S. O. SHul'gin [i dr.]. M.: EHKC MVD Rossii, 2014. 117 s.

6. Problemy ustanovleniya priznakov i obstoyatel'stv, svidetel'stvuyushchih o podzhoge / V. YU. Klyuchnikov [i dr.] // Professional. 2015. № 4 (126). S. 21—24.

7. Dashko L. V., Sinyuk V. D., Kabanov V. N. Obnaruzhenie priznakov podzhoga avtotransportnyh sredstv pri proizvodstve pozharno-tekhnicheskikh ehkspertiz // Professional. 2017. № 4 (138). S. 24—27.

8. Dashko L. V., Klapyuk I. V., CHeshko I. D. Kompleksnoe issledovanie ostatkov butylok s zazhigatel'noj smes'yu // Nadzornaya deyatelnost' i sudebnaya ehkspertiza v sisteme bezopasnosti. 2016. № 2. S. 21—24.

9. Katarov D. V., Dashko L. V. Kriminalisticheskoe issledovanie butylok s zazhigatel'noj smes'yu // Sudebnaya ehkspertiza Belarusi. 2017. № 2 (5). S. 58—65.

10. Dashko L. V., Sinyuk V. D., Klyuchnikov V. YU. Tekhniko-kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya pozharov v ehkspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniyah sistemy MVD Rossii // Sudebnaya ehkspertiza Belarusi. 2017. № 1 (4). S. 63—69.

11. Dashko L. V., Klyuchnikov V. YU. Issledovanie samodel'nyh zazhigatel'nyh ustrojstv pri rassledovanii podzhogov // Teoriya i praktika sudebnoj ehkspertizy:

mezhdunarodnyj opyt, problemy, perspektivy: sb. nauch. tr. I Mezhdunar. foruma. M.: Mosk. un-t MVD Rossii im. V. YA. Kikotya, 2017. S. 479—485.

12. Geras'kin M. YU., Kurin A. A. Organizacionnye i metodicheskie osnovy sozdaniya ucheta samodel'nyh zazhigatel'nyh ustrojstv // Sudebnaya ehkspertiza. 2017. № 2 (50). S. 93—101.

© Гераськин М. Ю., Дашко Л. В., 2018

* * *

УДК 343.982.323

ББК 67.521.6

DOI 10.25724/VAMVD.AKLM

Е. В. Давыдов,

доцент кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;

В. Ф. Финогенов,

доцент кафедры правосудия и правоохранительной деятельности
Саратовского социально-экономического института (филиала)
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова,
кандидат юридических наук, доцент

**ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНО-ПОРТРЕТНЫХ ЭКСПЕРТИЗ
ПО ЦИФРОВЫМ ПОРТРЕТАМ И ВИДЕОИЗОБРАЖЕНИЯМ
НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ СТАДИИ ИССЛЕДОВАНИЯ**

В статье рассматриваются актуальные вопросы производства портретной экспертизы по цифровым видеоизображениям на предварительной стадии исследования. Оценивается ее значение для последующих стадий экспертного исследования.

Основное внимание в статье уделяется одному из важнейших вопросов предварительной стадии — подготовке сравнительного материала. Именно от этого действия во многом зависят результаты всего исследования. По мнению авторов, подготовка и получение образцов для дальнейшего идентификационного исследования должна проводиться на стадии предварительного исследования с учетом характеристик поступившего объекта и метаданных, полученных из исследуемых файлов.

На основе личного опыта производства судебно-портретных экспертиз и анализа 320 экспертных исследований по цифровым изображениям авторами приводятся рекомендации по производству и фиксации каждого из этапов предварительной стадии исследования в заключении эксперта.

Ключевые слова: судебно-портретная экспертиза, цифровые портреты и видеоизображения, предварительная стадия исследования.

E. V. Davydov,

Associate Professor of the Chair of Document Examination
of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Law), Associate Professor;

V. F. Finogenov,

Associate Professor of the Chair of Justice and Law Enforcement
of the Saratov Socioeconomic Institute (branch) n. a. G. V. Plekhanova,
Russian University of Economics,
Candidate of Science (Law), Associate Professor

**FEATURES OF THE PRODUCTION OF FORENSIC PORTRAIT EXPERTISE
ON DIGITAL PORTRAITS AND VIDEO IMAGES
AT THE PRELIMINARY STAGE OF THE STUDY**

The article deals with topical issues of portraits expertise on digital video images at its preliminary stage of research. Its value is estimated for the subsequent stages of the expert study.

The main attention in the article is given to one of the most important issues of the preliminary stage — the preparation of a comparative material. It is from this action that the results of the whole study largely depend. According to the authors, the preparation and receipt of samples for further identification research should be carried out at the stage of preliminary research taking into account the characteristics of the received object and the metadata obtained from the files under investigation.

Based on the personal experience of the production of forensic portraits and the analysis of 320 expert studies on digital images from practice, the article gives recommendations on the production and fixation of each stage of the preliminary stage of the study in the expert's conclusion.

Key words: forensic portraits, digital portraits and video images, preliminary stage of research.

* * *

С развитием цифровых технологий и внедрением их в практику борьбы с преступностью в качестве объектов судебно-портретной экспертизы все чаще стали выступать цифровые изображения, полученные с различных цифровых устройств. Визуальная информация о внешнем облике человека, полученная в процессе фиксации с помощью таких устройств, активно используется в качестве доказательства для предотвращения, раскрытия и расследования преступлений.

В последние годы в экспертных подразделениях МВД России значительно увеличилась доля портретных исследований объектов, полученных цифровым способом фиксации внешнего облика человека.

Портретная экспертиза по цифровым фото-, видеоизображениям проводится на основе общеразработанной методики, но имеет определенные особенности при решении идентификационных задач. Это обусловливается тем, что такие носители информации о внешнем облике человека обладают определенными характеристиками, связанными как с техническими возможностями устройств, с помощью которых она была получена, так и со способами ее дальнейшей обработки и хранения.

Поскольку экспертная портретная идентификация проводится на основе анализа комплекса отобразившихся на видеоизображении признаков внешности, это обстоятельство требует от эксперта определенных практических навыков в выявлении, тщательном изучении и визуальном сопоставлении одноименных признаков. Степень же полноты и достоверности отображения признаков внешности на видеозаписи в первую очередь определяется техническими характеристиками видеокамеры, условиями видеосъемки, дистанцией до объекта съемки, положением объекта съемки относительно видеокамеры, графическим форматом видеозаписи.

На портретные исследования, как правило, поступают цифровые фотопортреты и видеоизображения, находящиеся на различных материальных носителях: оптических дисках, картах памяти, флеш-накопителях и др. Поэтому эксперту необходимо такого рода объекты правильно описывать на предварительной стадии исследования с помощью специальной терминологии, например: «оптический диск PHILIPSCD-RW 700 MB 80 MIN 4-12x SPEED матричный номер 017011914243166 с одной записью в формате „AVI“ продолжительностью 00:11:18».

После описания и индивидуализации носителя цифровой информации следует указать используемые технические и программные средства, применяемые для исследования видеозаписи: «ПЭВМ PentiumIII-350; программное обеспечение PrjDouble, Word 2009, графический редактор Adobe Photoshop CS 9/0» и т. п.

Далее необходимо проанализировать и описать содержимое носителя цифровой информации: количество и наименование файлов на носителе, их графические форматы и размеры, длительность записи (например: наименование файла «1 объект 2», графический формат видеозаписи «AVI»; размер 76,9 МБ; размер изображения: ширина — 755 точек, высота — 560 точек; длительность — 00:11:18 (часы : минуты : секунды).

В целях получения материала для проведения портретного исследования эксперт работает с цифровой видеозаписью, оценивает признаки внешности в разных ракурсах и выделяет видеокадры (фреймы), на которых морфологические признаки зафиксированы наиболее полно [1]. Эту процедуру целесообразно проводить с помощью программных средств, работающих с видеоизображениями и позволяющих выделять области видеоизображения, отдельные видеокадры (фреймы) либо их последовательность. Затем выделенная область сохра-

няется в виде серии кадров и преобразуется в отдельные графические файлы (с выбором вида компрессии (сжатия) для выходного файла) для дальнейшего экспертного исследования. Для этих целей могут быть использованы такие программы, как Virtual Dub, PrjDouble, Adobe Premier 6.0, плеер Media Player Classic (MPC) и др.

Чтобы получить исследуемое изображение, необходимо из представленной видеозаписи выделить на отрезках, указанных лицом, назначившим исследование, конкретный видеокادر (это могут быть показания временного маркера видеозаписи, например: «20-07-2016 22:00:19» (число-месяц-год и часы : минуты : секунды); временной интервал от начала видеозаписи: во временном интервале 0:40:13—0:41:20 (часы : минуты : секунды) (или видеозаписи в целом); видеокадры (фреймы), на которых лицо изображено в наиболее подходящем ракурсе.

Для улучшения качества отобразившихся анатомических элементов и признаков следует использовать методы цифровой обработки изображений. Как правило, обработку изображений начинают с тоновой и цветовой коррекции, затем проводят фильтрацию, уменьшение шумов, вызванных условиями съемки или особенностями записывающей аппаратуры. После производятся выделение контуров, коррекция оптических искажений. Для анализа и коррекции изображений в портретной экспертизе наиболее распространен графический редактор Adobe Photoshop, который позволяет улучшить изображения на предварительной стадии исследования.

Успешное решение экспертом идентификационной задачи возможно только при правильно подобранных сравнительных материалах (образцах) — фотоснимках и видеозаписях, на которых изображен предполагаемый преступник.

Под образцами в криминалистике понимаются «материальные объекты, представляемые эксперту для сравнения с идентифицируемыми или диагностируемыми объектами (как правило, вещественными доказательствами)» [2, с. 80]. Образцы для сравнительного исследования применительно к судебно-портретной экспертизе можно классифицировать на свободные, экспериментальные и условно свободные.

Свободные образцы портретной экспертизы — это изображения, выполненные вне связи с необходимостью проведения криминалистической идентификации. Они чаще всего изымаются в ходе производства следственных действий во время следственных осмотров, выемок, обысков. Свободные образцы — это любительские и художественные фотоснимки, бытовые видеозаписи. К свободным образцам следует отнести также фотопортреты на документы, удостоверяющие личность.

Экспериментальные образцы — это изображения, изготовленные специально и в соответствии с условиями, необходимыми для производства данной экспертизы. К ним относятся фотоснимки и видеозаписи, которые получают специально для проведения экспертизы, назначенной следователем по конкретному делу. К экспериментальным образцам предъявляются особые требования, поскольку они должны быть выполнены в условиях, максимально приближенных к тем, в которых было получено изображение исследуемых лиц.

Условно свободные образцы получают после возбуждения уголовного дела, но не в связи с подготовкой сравнительного материала на экспертизу. К образцам данного вида относятся видеозаписи или фотоснимки, выполненные во время проведения следственных действий с помощью цифровых видеокамер и фотоаппаратов.

Подготовка образцов для сравнительного исследования имеет некоторые особенности, связанные, прежде всего, со спецификой получения объектов — способом цифровой видеозаписи. По сути подготовка образцов к исследованию начинается еще в период получения видеопортретов из представленной видеозаписи. Процесс подготовки объектов заключается в том, что следователь совместно со специалистом просматривают представленную на исследование видеозапись с помощью программных средств, работающих с видеоизображениями. Для этих целей могут быть использованы программы Virtual Dub и PrjDouble. С помощью одной из программ специалист может выделять отдельные кадры (фреймы) или их последовательность, сохранять выделенную область в виде серии кадров и преобразовывать их в отдельные графические файлы (с выбором вида компрессии (сжатия) для выходного файла) для последующего исследования. Выбор кадров (фреймов) специалист проводит с учетом наиболее полного отображения морфологических признаков проверяемого лица, в том числе запечатленного в различных ракурсах [3, с. 70].

При подборе свободных образцов специалист, имея видеопортреты подозреваемого лица, рекомендует следователю обратить внимание на фотоснимки и видеозаписи, которые необходимо изъять и направить на экспертизу. Эти действия осуществляются им с учетом ранее полученных объектов (исследуемых видеопортретов): возраста, ракурса, освещения, дистанции и т. п.

При подготовке экспериментальных образцов следователь совместно со специалистом создает условия, соответствующие тем, при которых получены исследуемые видеопортреты: освещение, дистанция съемки, ракурс, выражения лица. Например, на выбранных видеокадрах изображено лицо с поворотом головы влево на 12—15 градусов, значит, изображение подозреваемого необходимо получить в таком же ракурсе. Таким образом, условия получения экспериментальных изображений должны максимально соответствовать тем, при которых получены исследуемые цифровые видеопортреты.

При подготовке экспериментальных образцов целесообразно использовать цифровую видеокамеру, имеющую хорошие технические характеристики, для получения качественных изображений, что позволит максимально приблизить условия выполнения изображения к оригиналу. В дальнейшем предоставленная экспериментальная видеозапись экспертом изучается и он выбирает из нее видеокадры, на которых изображение наиболее совпадает по ракурсу съемки с изображением видеокадров, ранее представленным на исследование.

Полученные образцы должны соответствовать специальным требованиям, разработанным методикой судебно-портретной экспертизы: сопоставимость, доброкачественность, полнота и достоверность [4].

На заключительном этапе обработки, когда получено изображение желаемого качества, оно сохраняется в отдельном файле и затем распечатывается на бумажном носителе. Для доказательства связи полученного после обработки изображения объекта с первоначальным видом необходимо в исследовательской части заключения фиксировать все процедуры его обработки. Обязательно указывается порядок проведения обработки видеоизображения, исходные и конечные параметры каждой из процедур с сохранением промежуточных результатов в виде отдельных графических файлов. Наиболее целесообразно для фиксации начальных и конечных параметров процедуры обработки видеоизображения использовать функцию Print Screen.

Результаты стадии предварительного исследования в зависимости от качества представленных объектов и их особенностей могут быть зафиксированы в заключении эксперта описательно — отдельно и параллельно в виде составления таблицы разработки.

Так, при описательном способе изучения представленных объектов предлагается следующее содержание их описания:

1. Объект № 1 представляет собой цветное подгрудное изображение на светлом фоне. На нем изображен мужчина среднего возраста, одетый в темную одежду. Лицо запечатлено в положении анфас с незначительным поворотом вправо и наклоном головы назад. Изображение достаточно резкое и контрастное. Детали лица просматриваются удовлетворительно.

2. Объект № 2 представляет собой цветной подгрудное изображение на светлом фоне с линейкой измерения роста. На нем изображен мужчина среднего возраста, одетый в светлую одежду. Лицо запечатлено в положении анфас с незначительным наклоном головы вправо. Изображение достаточно резкое и контрастное. Детали лица просматриваются удовлетворительно.

При параллельном способе фиксации стадии предварительного исследования составляется таблица-разработка № 1 (табл. 1). Содержание таблицы-разработки фиксации результатов стадии предварительного исследования, электронных объектов (видеоизображений) имеет некоторые отличия от таблицы при исследовании аналоговых фотоснимков. Различия связаны с особенностью характеристик исследования объектов — электронных файлов.

Таблица 1

**Таблица-разработка фиксации результатов
стадии предварительного исследования**

№	Характер исследуемых объектов	На изображениях	
		Объект № 1	Объект № 2
А. Общая характеристика изображения			
1	Размер файла	412 Кб	452 Кб
2	Время создания файла	25.05.2016 10:56:30	21.04.2016 10:55:28

3	Ширина и высота изображения	1600x1200 точек	37x47 мм
4	Разрешение	180 точек на дюйм	180 точек на дюйм
5	Глубина цвета	24	24

Окончание табл. 1

№	Характер исследуемых объектов	На изображениях	
		Объект № 1	Объект № 2
6	Особенности структуры изображения (снимка)	точечная структура не выражена	точечная структура не выражена
7	Вид изображения	фотоснимок погрудный для документов	фотоснимок погрудный для документов
8	Цвет	цветной	цветной
9	Фон	белый	голубой
10	Особенности	-	-
11	Прямое или зеркальное изображение	прямое	прямое
Б. Условия образования изображения			
1	Время съемки	25.05.2016 10:56:30	21.04.2016 10:55:28
2	Род источника света	естественный	естественный
3	Характер освещения	комбинированное	комбинированное
4	Положение главного источника света	спереди на уровне глаз	спереди на уровне лба
5	Ракурс съемки	анфас	анфас
6	Размер головы относительно фотоизображения	2/3	1/3
В. Качество изображения			
1	Резкость	удовлетворительная	удовлетворительная
2	Контрастность	высокая	удовлетворительная
3	Наличие ретуши	не выявлено	не выявлено
Г. Общефизические, функциональные, сопутствующие элементы и признаки лиц на электронных изображениях			
1	Пол	женский	женский
2	Антропологический тип	европеоид	европеоид
3	Возраст на вид	средний (35—45 лет)	средний (35—45 лет)
4	Выражение лица	спокойное	спокойное
5	Признаки одежды	красная олимпийка	пиджак бежевого цвета

Заканчивается предварительная стадия исследования формулированием вывода о возможности или невозможности проведения дальнейшего идентификационного исследования. Например, удовлетворительное качество представ-

ленных изображений и сопоставимость условий съемки позволяют сделать вывод о возможности идентификационного исследования представленных на исследование фото- или видеоизображений.

Список библиографических ссылок

1. Давыдов Е. В., Финогенов В. Ф. Особенности производства судебно-портретных экспертиз по цифровым видеоизображениям // Судебная экспертиза. 2012. № 2 (30). С. 61—66.
2. Криминалистика: краткая энциклопедия / авт.-сост. Р. С. Белкин. М.: Бол. рос. энцикл., 1993.
3. Давыдов Е. В., Финогенов В. Ф. Особенности подготовки сравнительного материала для проведения судебно-портретных экспертиз по цифровым видеоизображениям // Судебная экспертиза. 2013. № 3. С. 67—72.
4. Зинин А. М., Кирсанова Л. З. Криминалистическая фотопортретная экспертиза: учеб. пособие / под. ред. В. А. Снеткова, З. И. Кирсанова. М.: ВНКЦ МВД СССР, 1991. С. 4—5.

References

1. Davydov E. V., Finogenov V. F. Osobennosti proizvodstva sudebno-portretnykh ehkspertiz po cifrovym videoizobrazheniyam // Sudebnaya ehkspertiza. 2012. № 2 (30). S. 61—66.
2. Kriminalistika: kratkaya ehnciklopediya / avt.-sost. R. S. Belkin. M.: Bol. ros. ehncikl., 1993.
3. Davydov E. V., Finogenov V. F. Osobennosti podgotovki sravnitel'nogo materiala dlya provedeniya sudebno-portretnykh ehkspertiz po cifrovym videoizobrazheniyam // Sudebnaya ehkspertiza. 2013. № 3. S. 67—72.
4. Zinin A. M., Kirsanova L. Z. Kriminalisticheskaya fotoportretnaya ehkspertiza: ucheb. posobie / pod. red. V. A. Snetkova, Z. I. Kirsanova. M.: VNKЦ MVD SSSR, 1991. S. 4—5.

© Давыдов Е. В., Финогенов В. Ф., 2018

УДК 343.982.4

ББК 67.521.5

DOI 10.25724/VAMVD.ALMN

Н. А. Анчабадзе,

профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности

Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

А. С. Мирошников,

старший преподаватель кафедры исследования документов

учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности

Волгоградской академии МВД России

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАКТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЦИФРОВЫХ ФОТОГРАФИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ
С ПРИЗНАКАМИ ЦИФРОВОЙ РЕТУШИ И МОНТАЖА
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНО-ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

Среди часто исследуемых объектов при идентификации лиц по признакам внешности встречаются цифровые фотоизображения с внесенными в них изменениями, исследование которых у экспертов на практике вызывает затруднения в связи с несовершенством методики исследования. Если для внесения изменений в изображения, полученные традиционным (аналоговым) способом, использовались методы ретуширования, основанные на механическом и химическом воздействии на поверхность фотоматериала, то для внесения изменений в фотоизображения, полученные с помощью электронных устройств, применяются цифровые методы внесения изменений непосредственно в изображение, не затрагивая при этом структуру фотоматериала.

Сложность исследования цифровых фотоизображений в отличие от изображений, изготовленных традиционным (аналоговым) способом, заключается в том, что признаки внесения изменений в фотоизображения, изготовленные традиционным (аналоговым) способом, хорошо изучены и описаны в криминалистической литературе. В программе подготовки судебных экспертов в области портретной экспертизы изучаются методы исследования фотоизображений на предмет выявления признаков аналоговой ретуши и монтажа, в то время как изучение методов выявления признаков цифровой ретуши и фотомонтажа не предусмотрены. В связи с этим эксперты, выполняющие портретные экспертизы, не обладают специальными знаниями по установлению признаков цифровой ретуши и, как следствие, цифровые фотоизображения лиц исследуются не в полной мере, т. е. не учитываются индивидуализирующие признаки, которые могут служить основанием для объективного вывода. В статье изложены пути решения данной проблемы. По мнению авторов, необходимо введение в программу подготовки экспертов изучения способов и методов выявления признаков цифровой ретуши и монтажа. Решение данной проблемы позволит более эффективно проводить экспертные исследования цифровых фотоизображений

в рамках портретной экспертизы, а в ряде случаев — без привлечения специалистов из области фототехнической экспертизы.

Ключевые слова: цифровые фотографии, элементы внешности, цифровая ретушь, фотомонтаж, предварительная стадия исследования, графический редактор, художественная ретушь, световые участки, теневые участки, оптическая плотность.

N. A. Anchabadze,

Professor of the Chair of Document Examination
of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Law), Associate Professor;

A. S. Miroshnikov,

Senior lecturer of the Chair of Document Examination
of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia

**MODERN STATE OF THE RESEARCH PRACTICES
OF DIGITAL PHOTOGRAPHIC IMAGES
WITH SIGNS OF DIGITAL RETOUCHING AND INSTALLATION
WHEN CARRYING OUT IT IS JUDICIAL-PORTRAIT EXAMINATION**

Among the provided objects for identification of persons on signs of appearance digital facsimiles meet the changes made to them which research in practice causes difficulties in communication in experts imperfection of a technique of a research. If for modification of the images received in the traditional (analog) way the retouching methods based on mechanical and chemical impact on a photographic material surface were used, then digital methods of modification directly of the image are applied to modification of the facsimiles received by means of digital devices, without affecting at the same time structure of a photographic material.

The complexity of a research of digital facsimiles in difference from the images produced in the traditional (analog) method is that signs of modification of the facsimiles produced in the traditional (analog) method are well studied and described in criminalistic literature. In the program of training of judicial experts in the field of portrait examination methods of a research of facsimiles regarding identification of signs of an analog retouch and installation while, studying of methods of identification of signs of a digital retouch and photomontage aren't provided are studied. In this regard the experts who are carrying out portrait examinations have no special knowledge of establishment of signs of a digital retouch and as a result, digital facsimiles of persons are investigated not fully, that is at the same time the individualizing signs which can form the basis for an objective conclusion aren't considered. In article solutions of this problem are stated. According to authors, introduction to the program of training of experts is necessary, I have undressed on studying of ways and methods of identification of signs of a digital retouch and installation. The solution of this problem will

allow to conduct at higher qualitative level expert researches of digital facsimiles within portrait examination without involvement of experts from area of photo technical expertize.

Key words: digital photos, appearance elements, digital retouch, photomontage, preliminary stage of a research, graphic editor, art retouch, light sites, shadow sites, optical density.

* * *

Анализ экспертных заключений, поступивших на рецензирование из экспертно-криминалистических подразделений МВД России, результатов анкетирования и опросов экспертов, специализирующихся на производстве судебно-портретных экспертиз, за 2016—2017 гг. из 29 регионов России показали, что чаще всего на экспертизу поступают фотоизображения, полученные цифровым способом [1]. При их исследовании эксперты испытывают затруднения, прежде всего связанные с несовершенством используемых методик, отсутствием достаточных знаний по установлению видов, способов и локализации признаков цифровой ретуши и монтажа. Это существенно влияет и на полноту и достоверность отображения признаков внешности при идентификации лиц в рамках проведения портретной экспертизы, и на объективность полученных выводов.

Слово «ретушь» (фр. *retouché*) дословно переводится как «выявлять, оттенять, обновлять», в русском языке этот термин означает «редактирование». Понятие «редактирование» фотоизображения, является общим и включает в себя не только незначительные изменения изображения, такие как изменение яркости или контраста, которые не влияют на содержание самого изображения, но и полную замену отдельных участков изображения или фона (фотомонтаж) [2; 3]. В настоящее время цифровая фотография практически вытеснила аналоговые фотоизображения из повседневной жизни, в связи с чем эксперты, занимающиеся идентификацией лиц по признакам внешности, все реже сталкиваются с необходимостью исследования аналоговых фотоизображений и, соответственно, не требуется установление наличия аналоговой ретуши. Вместе с тем все чаще нужно устанавливать признаки и виды цифровой ретуши, а также ее локализацию на фотоизображении. Однако при проведении портретных экспертиз эксперты сталкиваются с отсутствием методических разработок по установлению цифровой ретуши, монтажа фотоизображений и степени ее влияния на достоверность отобразившихся признаков внешнего облика человека, что влияет на качество проведения экспертного исследования.

При исследовании аналоговых фотоизображений для идентификации лиц по признакам внешности, установления наличия признаков ретуши и монтажа на стадии предварительного исследования эксперты руководствуются рекомендованными экспертными методиками [4; 5; 6]. При этом в методике этап установления наличия (отсутствия) признаков цифровой ретуши или монтажа при производстве портретной экспертизы отсутствует.

Установление наличия признаков цифровой ретуши и монтажа является одной из задач фототехнической экспертизы, однако она не решает задачи идентификации личности по признакам внешности. В связи с этим при проведении судебно-портретной экспертизы и решении задач по идентификации лиц по признакам внешности в ходе исследования цифровых фотоизображений эксперты не могут выявлять признаки наличия или отсутствия ретуши и фотомонтажа.

Проведенный нами анализ объектов судебно-портретной экспертизы, поступающих в экспертно-криминалистические подразделения МВД России, показывает, что нередко для идентификации лиц по признакам внешности в распоряжение эксперта предоставляются фотоизображения, используемые в документах, удостоверяющих личность (паспорт гражданина Российской Федерации, заграничный паспорт, водительское удостоверение и др.), фотоизображения, опубликованные в социальных сетях, на личных web-страницах и других ресурсах сети Интернет. При этом большая часть таких фотоизображений, как правило, подвергается технической или художественной цифровой ретуши, хотя к документам, удостоверяющим личность, есть требования нормативных актов о недопустимости применения ретуши и монтажа к используемым фотографиям.

Цифровая ретушь и монтаж — одни из важнейших инструментов в работе профессиональных фотографов. С их помощью производятся общее или локальное изменение экспозиции (затемнение или осветление), контрастности, цветового баланса, повышение или понижение резкости, изменение контуров элементов внешности (бровей, глаз, верхнего века, носа, линии контуров кайм губ и т. д.), скрытие дефектов и особенностей кожи (удаляются родинки, бородавки и родимые пятна), изменение прически. Также нередко к фотографиям применяются методы фотомонтажа, такие как замена фона, одежды или ее элементов (например, замена футболки на пиджак с галстуком, добавление на изображение орденских планок, изменение знаков различия и др.). Приведенные изменения, внесенные в представленные фотоизображения, существенно влияют на результат проведенного исследования.

В связи с перечисленным закономерно возникает необходимость включить на стадии предварительного исследования этап установления и выявления наличия либо отсутствия признаков внесения изменений в содержание изображения внешнего облика человека (технического или художественного редактирования, как это было предусмотрено при исследовании аналоговых фотографий), так как от этого зависят полнота и достоверность экспертного заключения, а также обоснованность выводов эксперта. Для подтверждения сказанного рассмотрим некоторые из них. Так, цифровые фотоснимки легко поддаются обработке при помощи различных программных средств Adobe Photoshop, GIMP и др., а извлечение статичных кадров из видеоряда осуществляется при помощи приложений Adobe Premier, Virtual Dub, NeroVision Express с последующей обработкой в графических редакторах. Как видим, остро встает вопрос установления признаков наличия цифровой ретуши и фотомонтажа.

На стадии предварительного исследования необходимо решать вопросы о наличии (отсутствии) признаков цифровой ретуши и фотомонтажа. Отсутствие необходимых знаний приводит к типичной ошибке, допускаемой экспертами, — сведению к обычному осмотру фотоизображения как объекта на этапе предварительного исследования. В результате вывод о пригодности объектов для исследования оказывается недостаточно обоснованным [7; 8]. Согласно существующим методикам при проведении судебно-портретной экспертизы по результатам проведенного предварительного исследования экспертом формулируется вывод о пригодности объектов для идентификации лиц по признакам внешности. По нашему мнению, предварительному выводу должен предшествовать вывод о наличии или отсутствии признаков внесения изменений в содержание фотографического изображения внешности человека, при этом по возможности следует указать способ их редактирования, а также установить локализацию внесенных изменений. Например, на предварительной стадии при исследовании представленного изображения (рис. 1—4) устанавливаются различные признаки, свидетельствующие о наличии ретуши и монтажа.

Рис. 1. Сдвоенность контуров губ

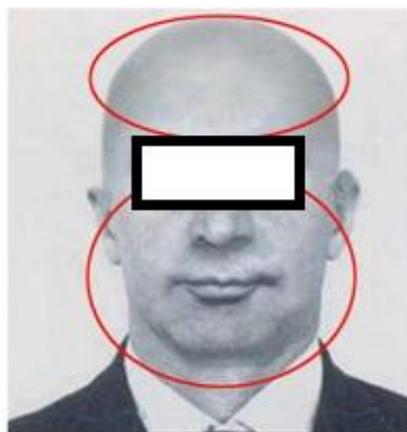

Рис. 2. Различная структура и качество изображения лобной части лица и остальной части лица

Рис. 3. Извилистость линий контуров

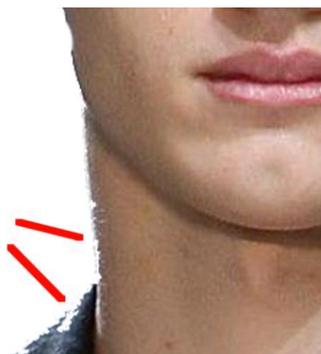

Рис. 4. Неровность контура изображения

На стадии предварительного исследования необходимо включить в заключение эксперта фразу примерного содержания: «Исследованием представленного фотоизображения при помощи технических средств (микроскопа, лупы криминалистической и др.), а также при использовании графического редактора (увеличение ...) выявлены следующие признаки ретуши и фотомонтажа: *(указываются выявленные признаки)*, что свидетельствует о наличии ретуши и/или фотомонтажа в исследуемых объектах». Установление данных фактов повысит объективность полученных выводов.

Вместе с тем И. В. Кисилевич [9] предлагает проводить данное исследование в рамках комплексной судебно-портретной и фототехнической экспертизы, где каждый вид экспертизы решает свои задачи. Так, например, фототехническая экспертиза устанавливает фактические данные фотографического изображения и носителей изображений (негативов и позитивов, цифровых носителей), а также

лабораторных принадлежностей при изготовлении технических средств. Судебно-портретная экспертиза решает задачи идентификации личности, где отождествляемым объектом выступает человек, его личность как определенная материальная субстанция, а идентифицирующими (отождествляющими) объектами могут быть кинокадры, видеозаписи, фотоизображения трупа и т. д. Только в этом случае исследование будет проведено полно и объективно.

Однако в практической деятельности эксперты сталкиваются с такой проблемой, что не во всех территориальных и региональных экспертно-криминалистических подразделениях есть специалисты, выполняющие фототехнические экспертизы. В связи с этим комплексное проведение фототехнической и портретной экспертиз невозможно, а установление признаков и локализации ретуши на фотоизображении, согласно используемым экспертным типовым методикам, не входит в компетенцию эксперта, выполняющего судебно-портретные экспертизы. Данный факт может привести к невозможности идентификации лиц по признакам внешности или снижению доказательственного значения экспертизы.

Одним из путей решения описанной проблемы авторы считают возможность применения экспертами в области портретной экспертизы методов, которые позволяют устанавливать признаки наличия цифровой ретуши, а также их виды, способы и локализацию на исследуемых фотоизображениях. Полученные результаты о наличии признаков цифровой ретуши и монтажа, их локализации на изображении позволяют более объективно оценивать получившиеся отображение признаки внешности на предмет их достоверности. Данная практика применялась и применяется в рамках производства судебно-портретной экспертизы при оценке качества изображения и его пригодности для идентификации лиц по признакам внешности при поступлении на исследование фотоизображений, выполненных аналоговым (традиционным) способом.

В заключение необходимо отметить, что в статье авторы сделали попытку предложить один из путей решения проблемы исследования цифровых фотоизображений в рамках портретной экспертизы.

Список библиографических ссылок

1. Дякин Р. А. Практика производства судебно-портретных экспертиз в ЭКЦ УМВД России по Рязанской области на современном этапе // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград: ВА МВД России, 2012. С. 98—100.
2. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
3. Лопатин, В. В., Лопатина, Л. Е. Русский толковый словарь. 5-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1998. 832 с.
4. Зинин А. М., Зотов А. Б., Снетков В. А. Особенности портретной криминалистической идентификации с использованием видеоизображений // Портретная экспертиза: учеб.-практ. пособие / под ред. А. М. Зинина. М.: Экзамен; Право и закон, 2004. С. 111—129.

5. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1 / под ред. Ю. М. Дильдина; общ. ред. В. В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. 390 с.

6. Зинин А. М., Подволоцкий И. Н. Криминалистическая портретная экспертиза: методика // Бюллетень (п. 2) Федерального межведомственного консультативно-методического совета от 31 октября 2000 г. № 9. URL: arbitr.ru/articles/a-5089htm (дата обращения: 02.03.2018).

7. Отдельные рекомендации по определению качества воспроизведения цифрового изображения реквизита документа при проведении технико-криминалистической экспертизы документов / Н. А. Анчабадзе [и др.] // Успехи современной науки. 2017. Т. 6. № 1. С. 33—35.

8. Давыдов Е. В., Финогенов В. Ф. Криминалистическая оценка признаков внешности лиц, запечатленных на фотоизображениях, подвергшихся цифровой ретуши // Судебная экспертиза. 2015. № 2 (42). С. 54—55.

9. Кисилевич И. В. Фототехническая экспертиза и перспективы ее использования в портретных исследованиях // Энциклопедия судебной экспертизы. 2016. № 6. С. 20—21.

References

1. Dyakin R. A. Praktika proizvodstva sudebno-portretnyh ehkspertiz v EHKC UMVD Rossii po Ryazanskoj oblasti na sovremennom ehhtape // Sudebnaya ehkspertiza: rossijskij i mezhdunarodnyj opyt: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Volgograd: VA MVD Rossii, 2012. S. 98—100.

2. Kuznecov S. A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. SPb.: Norint, 1998. 1534 s.

3. Lopatin, V. V., Lopatina, L. E. Russkij tolkovyj slovar'. 5-e izd., stereotip. M.: Rus. yaz., 1998. 832 s.

4. Zinin A. M., Zotov A. B., Snetkov V. A. Osobennosti portretnoj kriminalisticheskoy identifikacii s ispol'zovaniem videoizobrazhenij // Portretnaya ehkspertiza: ucheb.-prakt. posobie / pod red. A. M. Zinina. M.: EHkzamen; Pra-vo i zakon, 2004. S. 111—129.

5. Tipovye ehkspertnye metodiki issledovniya veshchestvennyh dokazatel'stv. CH. 1 / pod red. YU. M. Dil'dina; obshch. red. V. V. Martynova. M.: EHKC MVD Ros-sii, 2010. 390 s.

6. Zinin A. M., Podvolockij I. N. Kriminalisticheskaya portretnaya ehkspertiza: metodika // Byulleten' (p. 2) Federal'nogo mezhdvedomstvennogo konsul'tativno-metodicheskogo soveta ot 31 oktyabrya 2000 g. № 9. URL: arbitr.ru/articles/a-5089htm (data obrashcheniya: 02.03.2018).

7. Otdel'nye rekomendacii po opredeleniyu kachestva vosproizvedeniya cifrovogo izobrazheniya rekvizita dokumenta pri provedenii tekhniko-kriminalisticheskoy ehkspertizy dokumentov / N. A. Anchabadze [i dr.] // Uspekhi sovremennoj nauki. 2017. T. 6. № 1. S. 33—35.

8. Davydov E. V., Finogenov V. F. Kriminalisticheskaya ocenka priznakov vneshnosti lic, zapечатlennyh na fotoizobrazheniyah, podvergshihsyа cifrovoj retushi // Sudebnaya ehkspertiza. 2015. № 2 (42). S. 54—55.

9. Kisilevich I. V. Fototekhnicheskaya ehkspertiza i perspektivy ee ispol'zovaniya v portretnyh issledovaniyah // Ehnciklopediya sudebnoj ehkspertizy. 2016. № 6. S. 20—21.

© Анчабадзе Н. А., Мирошников А. С., 2018

* * *

УДК 343.148

ББК 67.539

DOI 10.25724/VAMVD.AMNO

И. П. Родивилин,

старший оперуполномоченный отдела «К» (по борьбе с правонарушениями в сфере информационных технологий

Главного управления МВД России по Иркутской области;

В. А. Родивилина,

старший преподаватель кафедры криминалистики

Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук

О ПРАКТИКЕ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПОРНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ

В статье обозначены основные проблемы, связанные с проведением экспертизы порнографической продукции: сложность разграничения порнографической продукции и произведений эротического искусства, а также трудности определения критериев, по которым возможно установить, относятся ли материалы и предметы к порнографическим. Рассматривается криминализация этого явления в законодательстве разных стран.

При анализе определения «информация порнографического характера», содержащегося в Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 463-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», отмечено отсутствие в нем указания на основной признак порнографической продукции — ориентированность только лишь на стимуляцию сексуального возбуждения. Осуществлена попытка решения вопроса отнесения порнографической продукции, созданной в виде мультимедиа и компьютерной графики («рисованную» порнографию) к порнографии или к эротике. Сделан вывод о том, что сам факт использования изображения ребенка в качестве сексуально-эротического объекта желательно квалифицировать как порнографию. Кроме того, авто-

ры формулируют конкретные рекомендации по улучшению действующего законодательства в этой сфере и практике его применения.

Ключевые слова: порнографическая продукция, порнографические материалы и предметы, порнографические материалы и предметы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, сеть Интернет.

I. P. Rodivilin,

Senior operative department «К» (on fight against offenses in the sphere of information technologies) the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Irkutsk region;

V. A. Rodivilina,

Senior teacher of department of criminalistics of the East Siberian institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Sciences (Law)

**TO THE QUESTION OF JUDICIAL EXAMINATIONS
PORNOGRAPHIC PRODUCTION**

In article the main problems connected with conducting examinations of pornographic production are designated: complexity of differentiation of pornographic production from works of erotic art and also difficulty of determination of criteria according to which it is possible to establish whether materials and objects belong to pornographic.

Criminalization of this phenomenon in the legislation of different countries is considered. In the analysis of definition of „information of the pornographic character“ which is contained in the Federal law of December 29, 2010 No. 463-FZ „About protection of children from information doing harm to their health and development“ the lack of the instruction in him on the main sign of pornographic production — focus only on stimulation of sexual excitement is noted. The attempt of the solution of a question of reference of the pornographic production created in the form of animation and computer graphics (the „drawn“ pornography) to a pornography or to a sensuality is made. The conclusion is drawn that it is desirable to qualify the fact of use of the image of the child as a sexual and erotic object as a pornography. Besides authors formulate concrete recommendations about improvement of the current legislation in this sphere and practice of its application.

Key words: pornographic production, pornographic materials and objects, pornographic materials and objects with pornographic images of minors, the Internet.

* * *

В настоящее время вопросу производства судебных экспертиз порнографической продукции посвящено множество научных работ [1—8], что подтверждает его актуальность. На пресс-конференции в мае 2017 г. начальник Бюро специальных технических мероприятий МВД России А. Н. Мошков обратил внимание

на профилактику киберпреступлений в отношении несовершеннолетних, затронув тему противодействия распространению детской порнографии.

Так, в 2013 г. было зарегистрировано 1 136 преступлений, квалифицированных по ст. 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), а к 2017 г. их количество сократилось до 408. Применение передовых методов сбора и анализа доказательств позволило намного эффективнее выявлять лиц, занимающихся сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних и использующих их в целях изготовления порнографических материалов, что сказалось на количестве выявленных преступлений [9].

Между тем остаются нерешенными проблемы, связанные с проведением экспертиз порнографической продукции: сложность отграничения порнографической продукции от произведений эротического искусства; трудности определения критериев, по которым возможно установить, относятся ли материалы и предметы к порнографическим; определение возраста лиц, запечатленных в порнографической продукции. Нерешенной остается проблема признания в качестве порнографической продукции, в которой взрослое лицо изображает ребенка, совершающего половой акт.

Пресечение незаконного обращения порнографических изданий и их распространение предусмотрено Международной конвенцией, принятой 2 сентября 1923 г. в г. Женеве [10], к которой 8 июля 1935 г. присоединился СССР.

Уголовное законодательство большинства стран предусматривает ответственность за создание и распространение порнографии, однако признание допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных, т. е. уголовно наказуемых, неоднозначно в связи с национально-культурными особенностями, различием в общих ориентирах и методах уголовной политики.

В уголовном законодательстве зарубежных стран рассматриваемые общественно опасные деяния прописаны в главах, квалифицирующих преступления против половой свободы (сексуального характера) либо против нравственности (сексуальной морали).

Так, анализируя законодательство США, А. Ю. Чупрова указывает на то, что уголовная ответственность за распространение порнографии (похотливых и непристойных публикаций) в указанной стране появилось в 1873 г. после принятия закона Комстока (Comstock law of 1873). В статье Титула 18 Свода законов США (Title 18 USC) предусмотрена уголовная ответственность за получение, распространение любого визуального изображения (рисунка, мультфильма, графики, скульптуры или живописи), где несовершеннолетний в откровенно сексуальных, непристойных сценах, если данные изображения не имеют художественной ценности, не представляют интереса с точки зрения науки или политики. Реальное участие несовершеннолетнего в подобных изображениях или его замена взрослыми статистами на квалификацию не влияют. Подобные деяния в США принято относить к ненасильственным сексуальным преступлениям [11].

При анализе категории «порнография» в уголовных кодексах Китая и Швейцарии А. И. Газизова совместно с И. А. Кондрашиной отмечают, что «порногра-

фией не являются материалы, которые имеют охраняемую культурную или научную ценность» [12, с. 39].

УК РФ предусмотрено уголовное наказание по ст. 242 за незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов, по ст. 242.1 — за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, по ст. 242.2 — за использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов. Деяния, предусмотренные перечисленными статьями, отнесены законодателем к преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка, так как они обладают очень высокой степенью общественной опасности. Следует упомянуть, что в связи с увеличением количества преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, государство предпринимает различные меры, направленные на защиту детей, в том числе от преступлений сексуального характера. Например, в 2012 г. в ст. 131 «Изнасилование» и 132 «Насильственные действия сексуального характера» УК РФ добавлен такой квалифицирующий признак, как совершение указанных преступлений лицом, уже имеющим судимость за аналогичное преступление в отношении несовершеннолетних.

Грань между порнографией и произведениями эротического искусства довольно тонкая и зыбкая. К признакам эротики Е. Н. Савельева предлагает отнести акцентуацию психологии, личностных особенностей людей, вступающих в сексуальные отношения; изображение сексуальности как продолжения взаимоотношений, их важную, но не единственную составляющую [6, с. 114]. Д. В. Шмыков предлагает под порнографией понимать «противоречащее принципам общественной нравственности, вульгарно-натуралистическое, циничное изображение половых органов, специальное детализированное изображение гениталий, сцен полового акта, сексуальных извращений, оскорбляющих честь и достоинство человека» [13, с. 272]. Исходя из данных определений предлагаем характеризовать порнографическое изображение отсутствием художественной составляющей, раскрывающей человеческие взаимоотношения, смакованием непристойных сцен разврата, акцентированием изображений половых органов, отсутствием эстетико-нравственной, художественной или исторической ценности, самоцельным натуралистическим показом сцен сексуального характера, который преследует единственную цель — возбуждение и удовлетворение половых эмоций.

Для квалификации деяния по ст. 242.1 УК РФ необходимым является проведение ряда экспертиз, для того чтобы подтвердить, является ли материал или предметы порнографическими, а также определить возраст лица, изображенно-го на них.

Экспертиза порнографии считается одним из видов культурологической экспертизы. В зависимости от типа порнографической продукции дознавателем, следователем или судом определяется соответствующий специалист. Как следует из Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 463-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее — ФЗ № 463) [14],

порнографическая продукция может выглядеть в виде изображения (фотоизображения, видеоизображения, картины и т. п.) и в форме описания (рассказа, аудиозаписи). Чтобы признать материал порнографическим, необходимо произвести искусствоведческую экспертизу с привлечением специалистов в области художественного искусства, сексологии, киноиндустрии, медицины, а также, если имеется необходимость, то и других специалистов, имеющих соответствующее образование и опыт работы (например, специалистов в области педагогики).

Однако, как верно отмечают Д. В. Бердников и А. В. Родионов, зачастую к исследованиям привлекаются специалисты, область профессиональных знаний которых находится за пределами искусствоведческого анализа видеопродукции: антропологи, гинекологи, врачи-педиатры, культурологи, преподаватели школ, фотографы и т. п. [2, с. 20; 15, с. 15]. Выводы этих экспертов не могут быть положены в основу заключения, так как являются не результатом использования специальных познаний в соответствующей области, а лишь субъективной оценкой, основанной на личных предположениях. Согласно статье 41 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» «судебная экспертиза может производиться вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями» в соответствующей области, «но не являющимися государственными судебными экспертами» [16].

Для проведения экспертизы порнографической продукции, где не возникает сомнения в совершеннолетнем возрасте запечатленных лиц, достаточно участия одного специалиста. Как правило, в зависимости от типа порнографической продукции такие экспертизы проводят специалисты-искусствоведы либо филологи. А. В. Макаров и М. В. Жукова считают целесообразным создание обособленного органа со специалистами, обладающими особыми знаниями в рассматриваемой сфере общественных отношений [17, с. 47].

Следует отметить, что порнографическую продукцию можно условно разделить на 2 вида: порнографические материалы и предметы с участием несовершеннолетних и без их участия. Возраст лиц, запечатленных в порнографической продукции, влияет на квалификацию: если изображен несовершеннолетний, то это уже относится к категории тяжких преступлений.

Для исследования порнографической продукции с участием несовершеннолетних лиц необходимо проведение комплексной экспертизы с привлечением специалиста-искусствоведа (или филолога) и врача-педиатра, который может установить возраст запечатленных лиц с помощью шкалы Таннера (разработана и предложена британским врачом Джеймсом Таннером в 1969 г.). Данный метод учитывает как первичные, так и вторичные половые признаки. Шкала разделена на 5 этапов и описывает стадии полового созревания отдельно для мужчин и женщин.

Судебная практика при отграничении порнографии от эротики руководствуется материалами соответствующей экспертизы. Одним из доказательств, подтверждающих виновность гр-на Х. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ, явилось заключение эксперта,

согласно которому в представленных на исследование файлах имелись «графические изображения обнаженных молодых девушек в различных позах, предположительно не достигших совершеннолетия. Поскольку на этих изображениях не было полового акта, решение вопроса, являются ли эти изображения порнографией, будет зависеть от того, будет ли определен дополнительным исследованием возраст девушек как несовершеннолетний. Таким образом, к изображению был применен признак порнографии — демонстрация обнаженными несовершеннолетними своих половых органов. Поскольку детская эротика недопустима, данные изображения будут являться порнографическими» [18]. Судебная коллегия по гражданским делам устанавливает, что «порнографию следует отличать от эротики, которая также сопряжена с изображением сексуальных сторон жизни человека, но не направлена на порождение нездорового полового чувства. Однако грань между ними очень условна, во многом зависит от традиций национальных, религиозных, исторических. Для решения вопроса о том, носят ли материалы или предметы порнографический или эротический характер, необходимо проведение комплексной экспертизы — искусствоведческой, литературоведческой, сексологической и др.» [19].

С принятием ФЗ № 463 у специалистов, проводящих экспертизу порнографической продукции, появилось легальное определение «информации порнографического характера», закрепленное в п. 8 ст. 2: это «информация, представляемая в виде натуралистических изображения или описания половых органов человека и (или) полового сношения либо сопоставимого с половым сношением действия сексуального характера, в том числе такого действия, совершаемого в отношении животного». Таким образом, можно выделить следующие обязательные признаки порнографической продукции:

- изображение или описание половых органов человека;
- изображение или описание полового сношения;
- изображение или описание действий сексуального характера, сопоставимого с половым сношением.

Указанное определение не лишено недостатков и ставит в тупик правоприменителей. Во-первых, не отражен основной признак порнографической продукции — ориентированность только лишь на стимуляцию сексуального возбуждения. Этот признак выделяется рядом ученых [20, с. 132; 21, с. 136; 22, с. 209] и, по нашему мнению, является основополагающим, так как даже при отсутствии остальных признаков указывает на наличие порнографической продукции. Например, нередко лица, больные педофилией, осуществляют съемку обнаженных детей в момент посещения ими ванной, отдыха на пляже, а затем распространяют эти материалы в сети Интернет. На таких фотографиях или видеозаписях отсутствуют признаки информации порнографического характера, указанные в ФЗ № 463: нет полового акта, внимание на половых органах может не акцентироваться, действия сексуального характера отсутствуют. Но для лиц, страдающих педофилией, эти материалы, несомненно, способствуют стимуляции сексуального возбуждения. Таким образом, сам факт использования изоб-

ражения ребенка в качестве сексуально-эротического объекта желательно квалифицировать как порнографию.

Хочется отметить положительную практику назначения экспертиз, в результате производства которых в заключениях часто устанавливается тот факт, что лица, совершившие преступления, предусмотренные ст. 242.1 и 242.2 УК РФ, страдают расстройством сексуального предпочтения в виде гетеросексуальной педофилии и нуждаются в применении к ним принудительных мер медицинского характера в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра, к которым суд приговаривает после отбывания наказания [23].

Остается нерешенным вопрос исследования порнографической продукции, созданной в виде мультипликации и компьютерной графики («рисованная» порнография). Относить ли данную продукцию к порнографии или к эротике? На наш взгляд, «рисованная» порнографическая продукция причиняет вред, соизмеримый с «обычной» порнографией. Если в ней присутствуют перечисленные выше признаки, то, по нашему мнению, ее можно отнести к порнографическим материалам. При этом нет необходимости устанавливать возраст лиц, изображенных в мультипликационной порнографии, так как в данном случае возраст не имеет значения по той причине, что в съемках порнографической продукции не принимали участия дети, тем самым психическое здоровье и нравственность конкретных несовершеннолетних не пострадала. Таким образом, отсутствует необходимость подразделять такую порнографию на «обычную» и с участием несовершеннолетних.

У правоприменителя возникают трудности при назначении экспертизы порнографической продукции, в которой совершеннолетнее лицо изображает ребенка, совершающего либо имитирующего половой акт или действия сексуального характера. Во-первых, отсутствуют критерии, по которым можно определить подобные действия. На наш взгляд, единственным определяющим фактором является наличие в порнографическом контенте специфического предмета одежды, по которому можно определить, что там изображается несовершеннолетнее лицо (например, школьная форма). Название порнографической продукции также может указывать на то обстоятельство, что в ней присутствует изображение несовершеннолетних лиц.

Подводя итоги, обратим внимание на спорные моменты. Фактор ошибочного результата при проведении экспертизы порнографических материалов обусловлен самим характером исследуемого объекта, эстетическим и ценностно-нормативным релятивизмом современной отечественной культуры, а также недостаточной проработанностью ряда дефиниций порнографии, закрепленных в законодательстве. Эта ситуация порождает феномен «закамуфлированной» («закамуфлированная» порнографическая продукция — порнография, не содержащая обозначенный в ст. 242 УК РФ набор характеристик, «элементы, не обнаруживающие внешние явные признаки порнографии», наличие которых тем не менее дает право квалифицировать порнографическое содержание.) детской порнографии, маскирующей сексуальные смыслы нормативными репрезентативными приемами. Отсутствие методических рекомендаций по исследованиям

продукции порнографического характера, включая «рисованную» порнографию, неопределенность по поводу «закамуфлированной» порнографической продукции, в том числе с участием несовершеннолетних лиц, мешает выявлению «скрытых» педофилов и тормозит работу правоохранительных органов по борьбе с преступлениями, причиняющими вред здоровью граждан и общественной нравственности.

Список библиографических ссылок

1. Антонов О. Ю. Выявление дополнительных эпизодов и новых видов порносексуальной преступной деятельности, совершаемой с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 3 (17). С. 169—177.

2. Бердников Д. В. Юридические и методологические основы комплексной судебной экспертизы порнографических материалов // Психология и право. 2016. Т. 6. № 1. С. 18—24.

3. Бычков В. В. Назначение экспертиз по уголовным делам о незаконном обороте порнографических материалов и предметов // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф. Орел, 2016. С. 64—69.

4. Климов А. С. Ответственность по международному законодательству за распространение порнографических материалов и предметов // Международное право и современный мир: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Липецк, 2016. С. 73—76.

5. Миллерова Е. А. Особенности квалификации преступлений по статье 242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Публичное и частное право. 2013. № 3. С. 84—88.

6. Савельева Е. Н. Актуальные проблемы культурологической экспертизы детской порнографии: на пути к «профилактике» этического и эстетического релятивизма // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 112—117.

7. Семенцова И. А., Фоменко А. И. Уголовно-правовые проблемы противодействия распространению порнографии в сети интернет: современные аспекты // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 11 (90). С. 108—110.

8. Семикина М. С. Киберпреступления совершаемые в отношении несовершеннолетних // Актуальные проблемы реформирования современного законодательства: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2018. С. 176—181.

9. Алексей Мошков рассказал журналистам о профилактике киберпреступлений в отношении несовершеннолетних 31.05.2017 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/news/item/10377300> (дата обращения: 12.02.2018).

10. Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1054 (дата обращения: 12.02.2018).

11. Чупрова А. Ю. Ответственность за распространение порнографии с использованием информационных технологий в праве США // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4. С. 190—194.
12. Газизова А. И., Кондрашина И. А. Категория «порнография» в зарубежном и российском уголовном праве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4-4. С. 38—40.
13. Шмыков Д. В. К юридическому определению порнографии // Вестник Пермского университета. 2013. № 2 (20). С. 268—272.
14. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федер. закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (в ред. от 01.05.2017 г.) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.
15. Родионов А. В. Борьба с незаконным распространением порнографических материалов // Профессионал. 2000. № 2. С. 15—20.
16. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (в ред. от 08.03.2015) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
17. Макаров А. В., Жукова М. В. Актуальные проблемы уголовной ответственности за изготовление с целью распространения порнографических материалов с изображением несовершеннолетних // Российский следователь. 2017. № 15. С. 43—47.
18. Приговор Уголовного Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга (Свердловской области) от 26 февраля 2013 г. по делу № 1-14/2013.
19. Апелляционное определение Гражданского Ставропольского краевого суда (Ставропольского края) от 19 сентября 2014 г. по делу № 33-5342/2014.
20. Гусарова М. В. Уголовно-правовые меры противодействия незаконному обороту порнографических материалов или предметов // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 130—133.
21. Осокин Р. Б. Порнография: опыт легального, доктринального и судебного толкования // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 134—140.
22. Шалагин А. Е. Предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов и предметов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2. 1. С. 208—210.
23. Апелляционное постановление Тульского областного суда (Тульской области) от 25 окт. 2017 г. № 22К-2155/2017.

References

1. Antonov O. YU. Vyyavlenie dopolnitel'nyh ehvizodov i novyh vidov porno-seksual'noj prestupnoj deyatel'nosti, sovershaemoj s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej // Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya. 2017. № 3 (17). S. 169—177.

2. Berdnikov D. V. YUridicheskie i metodologicheskie osnovy kompleksnoj sudebnoj ehkspertizy pornograficheskikh materialov // *Psihologiya i pravo*. 2016. T. 6. № 1. S. 18—24.
3. Bychkov V. V. Naznachenie ehkspertiz po ugolovnym delam o nezakonnom oborote pornograficheskikh materialov i predmetov // *Ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie problemy bor'by s prestupnost'yu: sb. tr. Vseros. nauch.-prakt. konf. Orel, 2016. S. 64—69.*
4. Klimov A. S. Otvetstvennost' po mezhdunarodnomu zakonodatel'stvu za rasprostranenie pornograficheskikh materialov i predmetov // *Mezhdunarodnoe pravo i sovremennyy mir: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Lipeck, 2016. S. 73—76.*
5. Millerova E. A. Osobennosti kvalifikacii prestuplenij po stat'e 242.2 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // *Publichnoe i chastnoe pravo*. 2013. № 3. S. 84—88.
6. Savel'eva E. N. Aktual'nye problemy kul'turologicheskoy ehkspertizy detskoj pornografii: na puti k «profilaktike» ehticheskogo i ehsteticheskogo relyativizma // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 389. S. 112—117.
7. Semencova I. A., Fomenko A. I. Ugolovno-pravovye problemy protivodejstviya rasprostraneniyu pornografii v seti internet: sovremennyye aspekty // *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ehkonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 2017. № 11 (90). S. 108—110.
8. Semikina M. S. Kiberprestupleniya sovershaemye v otnoshenii nesovershennoletnih // *Aktual'nye problemy reformirovaniya sovremennogo zakonodatel'stva: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ufa, 2018. S. 176—181.*
9. Aleksej Moshkov rasskazal zhurnalistam o profilaktike kiberprestuplenij v otnoshenii nesovershennoletnih 31.05.2017 g. // *Oficial'nyj sayt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii*. URL: <https://mvd.rf/news/item/10377300> (data obrashcheniya: 12.02.2018).
10. Mezhdunarodnaya konvenciya o presechenii obrashcheniya pornograficheskikh izdanij i tovgovli imi. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1054 (data obrashcheniya: 12.02.2018).
11. CHuprova A. YU. Otvetstvennost' za rasprostranenie pornografii s ispol'zovaniem informacionnyh tekhnologij v prave SSHA // *Yuridicheskaya nauka i praktika: vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*. 2014. № 4. S. 190—194.
12. Gazizova A. I., Kondrashina I. A. Kategoriya «pornografiya» v zarubezhnom i rossijskom ugolovnom prave // *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2016. № 4-4. S. 38—40.
13. SHmykov D. V. K yuridicheskomu opredeleniyu pornografii // *Vestnik Permskogo universiteta*. 2013. № 2 (20). S. 268—272.
14. O zashchite detej ot informacii, prichinyayushchej vred ih zdorov'yu i razvitiyu: feder. zakon ot 29 dekabrya 2010 g. № 436-FZ (v red. ot 01.05.2017 g.) // *SZ RF*. 2011. № 1. St. 48.
15. Rodionov A. V. Bor'ba s nezakonnym rasprostraneniem pornograficheskikh materialov // *Professional*. 2000. № 2. S. 15—20.
16. O gosudarstvennoj sudebno-ehkspertnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 31 maya 2001 g. № 73-FZ (v red. ot 08.03.2015) // *SZ RF*. 2001. № 23. St. 2291.

17. Makarov A. V., Zhukova M. V. Aktual'nye problemy ugolovnoj otvetstvennosti za izgotovlenie s cel'yu rasprostraneniya pornograficheskikh materialov s izobrazheniem nesovershennoletnih // Rossijskij sledovatel'. 2017. № 15. S. 43—47.
18. Prigovor Ugolovnogo Oktyabr'skogo rajonnogo suda g. Ekaterinburga (Sverdlovskoj oblasti) ot 26 fevralya 2013 g. po delu № 1-14/2013.
19. Apellyacionnoe opredelenie Grazhdanskogo Stavropol'skogo kraevogo suda (Stavropol'skogo kraja) ot 19 sentyabrya 2014 g. po delu № 33-5342/2014.
20. Gusarova M. V. Ugolovno-pravovye mery protivodejstviya nezakonnomu oborotu pornograficheskikh materialov ili predmetov // Vestnik ehkonomiki, prava i sociologii. 2015. № 3. S. 130—133.
21. Osokin R. B. Pornografiya: opyt legal'nogo, doktrinal'nogo i sudebnogo tolkovaniya // YUridicheskaya nauka i praktika: vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2014. № 1 (25). S. 134—140.
22. SHalagin A. E. Preduprezhdenie prestuplenij, svyazannyh s nezakonnym oborotom pornograficheskikh materialov i predmetov // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 2. 1. S. 208—210.
23. Apellyacionnoe postanovlenie Tul'skogo oblastnogo suda (Tul'skoj oblasti) ot 25 okt. 2017 g. № 22K-2155/2017.

© Родивилин И. П., Родивилина В. А., 2018

* * *

УДК 343.983.22

ББК 67.521.4

DOI 10.25724/VAMVD.ANOP

А. И. Букур,

адъюнкт кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

**ОБ ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ ПЕРЕДЕЛКИ
ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ ОГРАНИЧЕННОГО ПОРАЖЕНИЯ
И ПАТРОНОВ К НЕМУ В ЦЕЛЯХ НАНЕСЕНИЯ
ЛЕТАЛЬНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ**

Статья посвящена способам переделки огнестрельного оружия ограниченного поражения в целях нанесения летальных повреждений потерпевшему при стрельбе. Приводится краткий очерк развития травматического оружия в России. Дана классификация следов переделки огнестрельного оружия ограниченного поражения в зависимости от вносимых в конструкцию изменений, а также их локализация на оружии. Рассматриваются особенности строения стволов огне-

стрельного оружия ограниченного поражения и их конструктивные элементы, подвергающиеся изменению для возможности стрельбы металлическим снарядом.

Описываются следы необратимых изменений канала ствола огнестрельного оружия ограниченного поражения, образующиеся в результате его переделки. Приводится пример из практики экспертного исследования переделанного огнестрельного оружия ограниченного поражения и патронов к нему, в результате чего изменено их целевое назначение и увеличены поражающие характеристики снаряда. Указаны места на данном оружии и патронах травматического действия, на которые следует обращать внимание, чтобы установить факт внесения конструктивных изменений.

Ключевые слова: огнестрельное оружие ограниченного поражения, травматический пистолет, канал ствола, выступы канала ствола, следы переделки оружия, патрон травматического действия, металлический снаряд, летальные повреждения.

A. I. Bukur,

Adjunct of the Chair of Technical and Forensic provision expert research
of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination
of the Moscow University of the Ministry of Interior of Russia n. a. V. Y. Kikot

ONE OF REMAKE METHODS OF LIMITED DESTRUCTION FIREARMS AND IT'S CARTRIDGES TO INFLICT LETHAL INJURES

The article is dedicated to a limited destruction firearms ways of remake to inflict lethal injures during shots. A short development discuss of traumatic weapons in Russia is given. Also there is the limited destruction firearms remake methods trace classification depending on a trace's changes and locations. The structure of limited destruction firearms barrels is featured and their structural elements which are rework to be possible metal shell shots.

The irreversible changes traces of limited destruction firearms barrels are described, formed during the remake. The practice of forensic scientist examination remake of limited destruction firearm and ammunition example is given, as a result their purposes and striking characteristics were changed. The places on a weapon and traumatic action cartridges are showed, which it is necessary to pay attention to establish constructive changes.

Key words: limited destruction firearms, traumatic gun, barrel channel, barrel bores, the weapon remake traces, a traumatic action cartridge, metallic shell, lethal injures.

* * *

Оружие, стреляющее резиновыми пулями, в России стало популярным в 1990-х гг. В обиходе для его обозначения чаще всего используется неформальный термин «травматическое оружие».

Первыми образцами «травматического оружия» были газовые револьверы и пистолеты, где могли использоваться патроны с резиновыми пулями. Очевидные преимущества такого оружия по сравнению с газовым обусловили дальнейшее совершенствование его эффективности и боевых характеристик.

В 2011 г. законодатель нормативно закрепил новый вид оружия нелетального действия, назвав его огнестрельным оружием ограниченного поражения (далее — ОООП) [1]. Либерализация и эффективность ОООП обеспечили ему признание у любителей оружия самообороны и обусловили скорое его распространение среди населения страны. Так, в 2013 г. число граждан, владеющих «травматическим оружием», составило 730 тысяч [2], а в 2016 г. — уже 918 тысяч [3].

Принципиальным отличием ОООП от огнестрельного оружия является исключение возможности нанесения летальных повреждений при стрельбе. Достигается это благодаря конструкции стволов ОООП, которые изготавливаются с двумя и более перегородками в канале ствола либо с нарушенной соосностью патронника и канала ствола. Указанные конструктивные особенности стволов ОООП являются принципиальными и служат препятствием прохождению металлического снаряда.

Свободное обращение ОООП дало возможность вооружиться им не только добросовестным гражданам, но и преступникам, которые научились самостоятельно переделывать ОООП, приспособив его для стрельбы металлическим снарядом.

В зависимости от навыков лица и оборудования, с помощью которого вносятся изменения в конструкцию ОООП, можно выделить переделку, сопровождающуюся образованием ярко выраженных следов. В данном случае речь идет о следах, заметных лицу, не обладающему специальными познаниями в области криминалистического оружейведения. В большинстве случаев данная переделка заключается в замене штатного ствола ОООП на самодельный [4]. В указанных случаях переделка оружия, как правило, носит необратимый характер и всегда сопровождается присутствием ярко выраженных следов, таких как динамические следы воздействия на стойку ствола, наплывы металла от сварки, различие материала ствола и материала остальных частей оружия по цвету, свойствам и т. д. Конечной целью замены штатного ствола на самодельный является возможность стрельбы боеприпасами к огнестрельному оружию, например патронами калибра 9 мм пистолета Макарова.

Внесение данных изменений в конструкцию оружия выводит его из разряда ОООП, а в случаях, когда переделанный образец носит признаки огнестрельного оружия [5], то и преследуется по уголовному закону [6].

Особый интерес представляет переделка ОООП, сопровождаемая образованием слабо выраженных следов, заметных только специалистам в области криминалистического оружейведения. В результате этого оружие также утрачи-

вает признаки ограниченности поражения в ходе его применения. Данные следы можно установить лишь при детальном исследовании оружия, что подтверждается судебно-экспертной практикой [7]. Так, в ходе визуального исследования травматического пистолета МР-79-9ТМ внешне никаких признаков изменения конструкции не было установлено. Травматический пистолет МР-79-9ТМ в свое время заменил пистолет модели ИЖ-79-9ТМ, который являлся самой продаваемой моделью травматического оружия в России [8]. Последний выпускался вместо легендарного «Макарыча» (газового пистолета модели ИЖ-79-9Т с возможностью стрельбы резиновыми пулями), снятого с производства в 2004 г.

Возможность стрельбы металлическим снарядом в травматическом пистолете модели МР-79-9ТМ конструктивно исключается за счет наличия трех давленных выступов, которые мешают прохождению пули из твердого материала по каналу ствола (рис. 1).

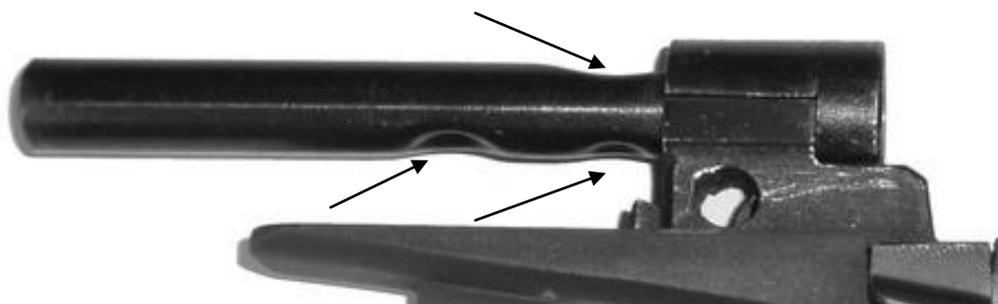

Рис. 1. Фрагмент рамки со стволом травматического пистолета модели МР-79-9ТМ (стрелками указаны давленные выступы)

Такие же давленные или вваренные выступы имелись на более ранних моделях «травматического оружия» и газовых пистолетах и револьверах с возможностью стрельбы резиновой пулей. Одной из подобных модификаций был ствол газового пистолета модели ИЖ-79-9Т «Макарыч» с двумя давленными выступами (рис. 2).

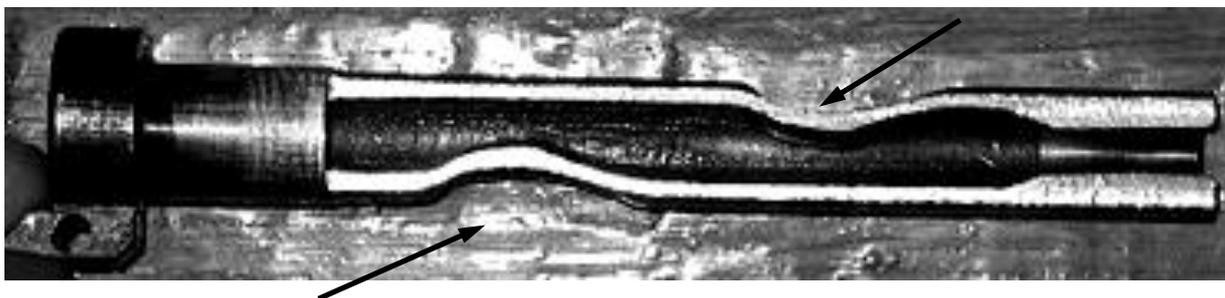

Рис. 2. Ствол (в разрезе) газового пистолета модели ИЖ-79-9Т «Макарыч» (стрелками указаны давленные выступы)

Как видно, выступы полусферической формы полностью перекрывают собой канал ствола оружия, а их размер и расположение обуславливают использование для стрельбы пуль, изготавливаемых только из пластичных материалов, которые, сжимаясь, преодолевают выступы и вылетают из канала ствола.

В ходе детального исследования травматического пистолета модели МР-79-9ТМ было обращено внимание на присутствие увеличенного просвета между выступами в канале ствола (рис. 3).

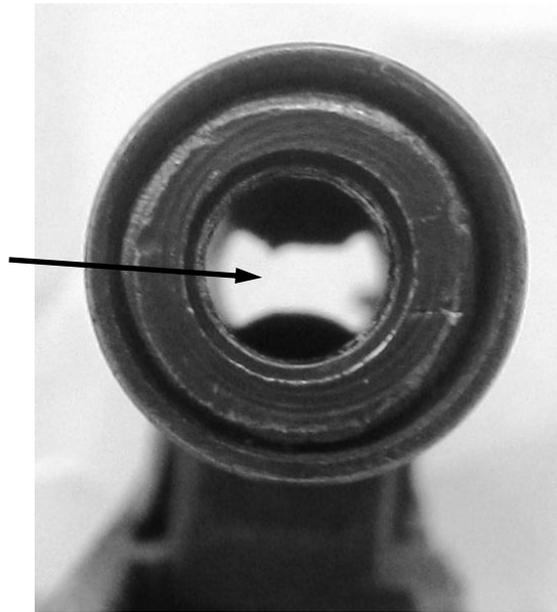

Рис. 3. Дульный срез ствола травматического пистолета (стрелкой указан выступ в канале ствола)

Далее установлено наличие динамических следов на поверхности выступов в канале ствола пистолета, что свидетельствует о применении специальных обрабатывающих инструментов. В результате указанной переделки вершины выступов в канале ствола были удалены (на рис. 3 отмечено стрелкой), в связи с чем величина просвета между ними увеличилась до 5 мм. Но так как выступы удалены лишь частично, произвести выстрел из данного оружия штатными боеприпасами к огнестрельному оружию все еще не представляется возможным. Очевидно, что для стрельбы из указанного пистолета необходимо применить патроны с соответствующим снарядом, который по своим размерным характеристикам не будет превышать величину образовавшегося просвета между выступами в канале ствола. В данном случае это могут быть 2—3 дробины от 0 номера и выше либо небольшой фрагмент мягкого металла (чаще всего свинца), которыми самодельно снаряжаются патроны травматического действия.

Переделка патронов травматического действия — явление, знакомое практике проведения судебно-баллистических экспертиз и исследований [7]. Так,

заводские травматические патроны переснаряжаются следующим образом: штатный снаряд извлекается, навеска пороха существенно увеличивается или заменяется порохом иной марки. Затем вместо резиновой пули помещается один из описанных выше вариантов снаряда. Содержимое патрона заливается свечным воском, затыкается куском поролона или резины (рис. 4—6).

Рис. 4. Заводская маркировка патрона травматического действия

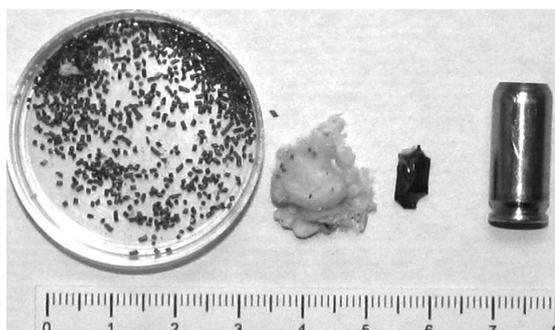

Рис. 5. Содержимое патрона после демонтажа

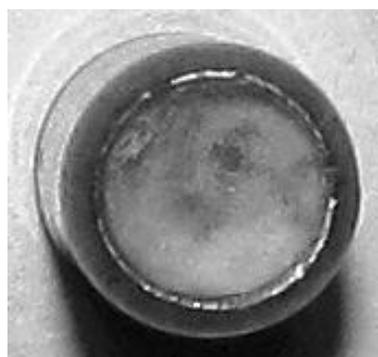

Рис. 6. Самодельная закатка патрона

В описанном случае в качестве снаряда использовался фрагмент свинца по форме, близкой к прямоугольной, шириной 5 мм (рис. 5). Расположение снаряда в гильзе должно быть параллельным, чтобы он при выстреле не столкнулся с выступами, а мог пройти мимо них по образовавшемуся просвету в канале ствола переделанного пистолета.

После переделки патроны становятся заметно «сильнее» даже сверхмощных травматических патронов (энергией до 150 Дж), применяющихся в служебном ООП.

Как показало исследование, совокупное использование при стрельбе переделанного ООП и патрона травматического действия привело к показателям, которые значительно превышают критерии ограниченности поражения. Снаряд

(пуля), которым снаряжался патрон, при выстреле обладает удельной энергией $0,75 \text{ Дж/мм}^2$, что значительно больше минимального значения удельной энергии ($0,5 \text{ Дж/мм}^2$) [9], при котором человеку наносятся повреждения, не совместимые с жизнью. По своим характеристикам переснаряженные патроны соответствуют боеприпасам к огнестрельному оружию, что свидетельствует о возможном летальном исходе в результате их применения.

Вследствие переделки неизбежно образуются слабо выраженные следы, на которые необходимо обращать внимание при исследовании ООП и патронов к нему. Так, наличие увеличенного просвета в канале ствола ООП, динамических трасс у дульного среза и на выступах, а также уменьшение в размере выступов в канале ствола либо измененная их поперечная форма — явные признаки «доработки» оружия для нанесения летальных повреждений.

В случаях, когда переснаряжаются патроны травматического действия, следует обратить внимание на дульце гильзы и ее содержимое. При извлечении штатного снаряжения образуются следы давления по периметру дульца гильзы, а наличие посторонних предметов (поролон, бумаги, свечного воска и т. д.) также будет свидетельствовать о самодельном переснаряжении патронов. Необходимо отметить, что способ переделки оружия является своеобразным «преступным почерком» и свидетельствует о наличии определенных преступных и профессиональных навыков у лица, осуществляющего переделку [10].

Применение при совершении преступлений ООП и патронов к нему, переделанных рассмотренным способом, неизбежно повлечет причинение тяжкого или особо тяжкого вреда здоровью, а в некоторых случаях — смерть. В ходе использования переделанного ООП и патронов к нему степень опасности деяния значительно повышается, а следовая картина на месте происшествия, на первый взгляд, может свидетельствовать об использовании огнестрельного гладкоствольного оружия или самодельного огнестрельного оружия.

Список библиографических ссылок

1. Об оружии: федер. закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Данные информационного агентства «Регнум». URL: <http://regnum/news/1695455.html> (дата обращения: 12.03.2018).
3. Интервью директора Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации Виктора Золотова агентству «Интерфакс-АВН» от 01.08.2016. URL: <http://www.interfax.ru/interview/566808> (дата обращения: 15.12.2017).
4. Становой М. С. Различные способы переделки списанного оружия, огнестрельного оружия ограниченного поражения и их отличительные признаки // Судебная экспертиза. 2017. № 1 (49). С. 67—73.
5. Методика установления принадлежности объекта к огнестрельному оружию: утв. Федеральным межведомственным координационно-методическим советом по проблемам экспертных исследований и рекомендована для исполь-

зования в экспертных учреждениях Российской Федерации (протокол № 8 от 29 февраля 2000 г.).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Заключение эксперта ЭКЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю № 8646 от 15 ноября 2013 г.

8. Данные сайта военной техники Militaryarms.ru. URL: <https://militaryarms.ru/oruzhie/travmaticheskoe/izh-79-9t/> (дата обращения: 25.02.2018).

9. Саврань С. Ф. Методика определения минимальной убойной силы стандартного и атипичного оружия и боеприпасов. М., 1979.

10. Чулахов В. Н. Криминалистическое значение и особенности исследования навыков изготовителя самодельного огнестрельного оружия // Вестник криминалистики. 2000. С. 68—71.

References

1. Ob oruzhii: feder. zakon ot 13 dekabrya 1996 g. № 150-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

2. Dannye informacionnogo agentstva «Regnum». URL: <http://regnum/news/1695455.html> (data obrashcheniya: 12.03.2018).

3. Interv'yu direktora Federal'noj sluzhby vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii Viktora Zolotova agentstvu «Interfaks-AVN» ot 01.08.2016. URL: <http://www.interfax.ru/interview/566808> (data obrashcheniya: 15.12.2017).

4. Stanovoj M. S. Razlichnye sposoby peredelki spisannogo oruzhiya, ognestrel'nogo oruzhiya ogranichenogo porazheniya i ih otlichitel'nye priznaki // Sudebnaya ehkspertiza. 2017. № 1 (49). S. 67—73.

5. Metodika ustanovleniya prinadlezhnosti ob"ekta k ognestrel'nomu oruzhiyu: utv. Federal'nym mezhhvedomstvennym koordinacionno-metodicheskim sovetom po problemam ehkspertnyh issledovanij i rekomendovana dlya ispol'zovaniya v ehkspertnyh uchrezhdeniyah Rossijskoj Federacii (protokol № 8 ot 29 fevralya 2000 g.).

6. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

7. Zaklyuchenie ehksperta EHKC GU MVD Rossii po Altajskomu krayu № 8646 ot 15 noyabrya 2013 g.

8. Dannye sajta voennoj tekhniki Militaryarms.ru. URL: <https://militaryarms.ru/oruzhie/travmaticheskoe/izh-79-9t/> (data obrashcheniya: 25.02.2018).

9. Savran' S. F. Metodika opredeleniya minimal'noj ubojnoj sily standartnogo i atipichnogo oruzhiya i boepripasov. M., 1979.

10. CHulahov V. N. Kriminalisticheskoe znachenie i osobennosti issledovaniya navykov izgotovatelya samodel'nogo ognestrel'nogo oruzhiya // Vestnik kriminalistiki. 2000. S. 68—71.

© Букур А. И., 2018

УДК 343.98
ББК 67.53

DOI 10.25724/VAMVD.AOPQ

П. М. Кошманов,

начальник учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

**ПРЕСС-РЕЛИЗ IV-й МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ»**

P. M. Koshmanov,

Head of the Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activities
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Law), Associate Professor

**IV INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE
«FORENSIC EXAMINATION: RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE»**

На базе Волгоградской академии МВД России 26—27 апреля 2018 г. была проведена IV Международная научно-практическая конференция «Судебная экспертиза: российский и международный опыт», в работе которой приняли участие ведущие ученые образовательных организаций и практических органов России и стран ближнего зарубежья.

С приветственным словом к участникам конференции обратился начальник Волгоградской академии МВД России доктор юридических наук, профессор заслуженный юрист Российской Федерации генерал-майор полиции Владимир Иванович Третьяков. Руководитель вуза рассказал гостям об истории его становления, достижениях сегодняшних дней и перспективах развития, пожелал участникам конференции успешной работы, выразив убежденность в том, что данная международная встреча должна стать площадкой для реального диалога и взаимодействия всех, кто заинтересован в совершенствовании теории и практики судебно-экспертной деятельности в России и за рубежом.

На пленарном заседании с докладами выступили:

заместитель начальника Могилевского юридического института МВД Республики Беларусь по научной работе кандидат юридических наук, доцент полковник милиции Юрий Анатольевич Матвейчев («Допрос и получение объяснения от эксперта на досудебных стадиях уголовного процесса в Республике Беларусь»);

профессор кафедры криминалистических экспертиз и исследований Санкт-Петербургского университета МВД России доктор юридических наук, доцент полковник полиции Игорь Владимирович Латышов («Современные возможности экспертного диагностирования оружия, патронов и следов их действия»);

заведующий кафедрой криминалистики и уголовного процесса государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет» доктор юридических наук, профессор Елена Вячеславовна Иванова («Подготовка экспертов судебных экспертиз веществ и материалов в Российской Федерации»);

начальник организационно-методического отдела Экспертно-криминалистического центра МВД по Республике Татарстан полковник полиции Николай Васильевич Жук («Опыт создания модульной взрывотехнической лаборатории в ЭКЦ МВД по Республике Татарстан»);

начальник 7-го отдела Экспертно-криминалистического центра Главного управления МВД России по г. Москве полковник полиции Иван Анатольевич Чубарь («Организация назначения и производства комплексных судебных экспертиз в ЭКЦ ГУ МВД России по г. Москве. Проблемные вопросы и пути их решения»);

заместитель начальника кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя кандидат юридических наук полковник полиции Татьяна Владимировна Демидова («Проблемные вопросы подготовки экспертов на факультете переподготовки и повышения квалификации Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя»);

доцент кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России кандидат юридических наук, доцент Наталья Николаевна Шведова («Фальсификация письменных доказательств: опыт судебных экспертиз документов»).

Приветственное слово начальника ВА МВД России
генерал-майора полиции В. И. Третьякова

27 апреля работа конференции продолжилась на заседаниях тематических секций «Теоретические и методические вопросы криминалистических экспертиз и исследований. Проблемы информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности»; «Теоретические и методические вопросы специальных видов судебных экспертиз и исследований».

Выступление заместителя начальника Могилевского юридического института МВД Республики Беларусь по научной работе кандидата юридических наук, доцента полковника милиции Ю. А. Матвейчева

Участники пленарного заседания IV-й Международной научно-практической конференции «Судебная экспертиза: российский и международный опыт»

В рамках работы секции «Теоретические и методические вопросы специальных видов судебных экспертиз и исследований» с 12.00 до 13.00 состоялась видеоконференция с Актюбинским юридическим институтом МВД Республики Казахстан имени Малкеджара Букенбаева, в ходе которой были заслушаны доклады:

Кубенова Серика Ивановича, руководителя Общего экспертного акта Межрегионального центра судебных экспертиз по Актюбинской области, судебно-медицинского эксперта высшей категории, по теме «Особенности осмотра трупа при различных причинах смерти»;

Елдежина Талгата Аскарловича, судебно-медицинского эксперта высшей категории медико-криминалистического отдела Межрегионального центра судебных экспертиз по Актюбинской области, по теме «Существенные проблемы при медико-криминалистическом исследовании»;

Корнева Владимира Михайловича, судебно-медицинского эксперта высшей категории медико-криминалистического отдела Межрегионального центра судебных экспертиз по Актюбинской области, по теме «Особенности осмотра трупа при взрывных травмах».

Все обсуждаемые в рамках конференции вопросы вызвали интерес среди ее участников, а оживленная научная дискуссия проходила в атмосфере заинтересованности и доброжелательности.

Участники IV Международной научно-практической конференции
«Судебная экспертиза: российский и международный опыт»

Подводя итоги конференции, все участники единодушно признали, что подобные встречи способствуют не только сближению науки и практики в области судебной экспертизы, но и укрепляют взаимопонимание между представителями различных государств в условиях сложной геополитической обстановки в мире.

© Кошманов П. М., 2018

* * *

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
CONTACT INFORMATION

Аминев Фарит Гизарович
Aminev Farit Gizarovich
faminev@mail.ru

Анчабадзе Нугзари Акакиевич
Anchabadze Nugzari Akakievich
lenaosada@rambler.ru

Бардаченко Алексей Николаевич
Bardachenko Aleksey Nikolaevich
bardachenko-alex@rambler.ru

Бобовкин Михаил Викторович
Bobovkin Mikhail Victorovich
mbobovkin@yandex.ru

Букур Анатолий Иванович
Bukur Anatoly Ivanovich
bukurai@mail.ru

Васильев Василий Алексеевич
Vasiliev Vasily Alexeevich
v-vasiliev@inbox.ru

Гераськин Михаил Юрьевич
Geraskin Mikhail Yurievich
a258a216@mail.ru

Давыдов Евгений Васильевич
Davydov Eugeny Vasilievich
davydov@yandex.ru

Данилкина Виталия Михайловна

Danilkina Vitalia Mikhaelovna

v-danilkina@mail.ru

Дашко Леонид Васильевич

Dashko Leonid Vasilyevich

ldashko@mvd.ru

Дьяконова Оксана Геннадьевна

Dyakonova Oksana Gennadievna

oxana_diakonova@mail.ru

Кошманов Петр Михайлович

Koshmanov Peter Mikhailovich

koshm77@mail.ru

Латышов Игорь Владимирович

Latyshov Igor Vladimirovich

latishov@gmail.com

Мирошников Алексей Сергеевич

Miroshnikov Alexey Sergeevich

admiras@mail.ru

Родивилин Иван Петрович

Rodivilin Ivan Petrovich

377a@bk.ru

Родивилина Виктория Александровна

Rodivilina Victoria Alexandrovna

377a@bk.ru

Смольяков Петр Павлович

Smoliakov Petr Pavlovich

pr.p.smolyakov@mail.ru

Становая Ольга Владимировна

Stanovaya Olga Vladimirovna

stanovoy.70@mail.ru

Ручкин Виталий Анатольевич

Ruchkin Vitaly Anatolievich

v.ruchkin@yandex.ru

Финогенов Владимир Федорович

Finogenov Vladimir Fedorovich

finogenovv@yandex.ru

Чулахов Владислав Николаевич

Chulakhov Vladislav Nikolaevich

chulahov@mail.ru

Шведова Наталья Николаевна

Shvedova Natalia Nikolaevna

nshvedova@yandex.ru

**ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА»,
ТРЕБОВАНИЯ К ТЕХНИЧЕСКОМУ ОФОРМЛЕНИЮ**

Журнал «Судебная экспертиза» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров.
Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-47195.
Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — 46462.

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию: педагогических работников, адъюнктов, аспирантов, курсантов и слушателей ВА МВД России и других образовательных организаций, сотрудников государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, работников суда, прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатов.

Приоритетными задачами издания являются:

- ознакомление научной общественности, практических работников, адъюнктов, аспирантов с новыми научными разработками в области судебно-экспертной деятельности;
- анализ актуальных проблем теории и практики судебных экспертиз и исследований;
- представление результатов научной деятельности образовательных учреждений, осуществляющих подготовку кадров по специальности «Судебная экспертиза»;
- организация открытой научной дискуссии и обмена передовым опытом судебно-экспертной деятельности, осуществление профессиональной подготовки судебных экспертов.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- соответствовать по своему содержанию приоритетному направлению журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для судебно-экспертной деятельности, профессиональной подготовки судебных экспертов, экспертно-криминалистической деятельности органов внутренних дел.

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку (рецензирование) по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

По запросу экспертного совета рецензия может быть направлена в Высшую аттестационную комиссию при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

К каждой рукописи автором прилагается рецензия из источника, внешнего по отношению к ВА МВД России. Рецензентами в данном случае могут выступать лица, имеющие ученую степень кандидата или доктора наук и научное звание доцента или профессора, либо руководители подразделений государственных органов или общественных организаций, чья деятельность непосредственно соответствует тематике статьи. В отдельных случаях при возникновении необходимости экспертной оценки статьи специалистом-практиком к рецензированию могут привлекаться сотрудники органов внутренних дел, прокуратуры, судов, организаций и учреждений, чья профессиональная деятельность соответствует тематике статьи, направляемой на рецензирование.

С каждым автором заключается договор о передаче неисключительных прав на использование редакцией предоставляемых им материалов. Этим же договором автор гарантирует, что является обладателем исключительных прав на предоставляемое произведение (бланк на сайте).

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

Объем рукописи не должен превышать десяти машинописных страниц для аспирантов и соискателей; до пятнадцати страниц для имеющих степень кандидата или доктора наук. Рукопись, подготовленная автором иностранного государства, представляется и издается на английском языке.

Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисуночных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008.

Каждая статья должна содержать:

1. Заголовок на русском и английском языке.
2. Аннотацию¹ на русском и английском языке (от 120 до 250 слов). Аннотация должна содержать следующие аспекты содержания статьи:
 - 2.1. Предмет, цель работы.
 - 2.2. Метод или методологию проведения работы.
 - 2.3. Результаты работы.
 - 2.4. Область применения результатов.
 - 2.5. Выводы.
3. Ключевые слова² на русском и английском языке.
4. Сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы).
5. Пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5—2008.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- заявка (бланк на сайте журнала: www.va-mvd.ru/sudek);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте (c-expertisa@yandex.ru);
- рецензия из источника, внешнего по отношению к ВА МВД России, с оригинальной подписью и печатью (рецензент должен обладать ученой степенью кандидата или доктора наук и научным званием доцента или профессора соответствующего научного профиля);
- подписанный авторский договор в двух экземплярах (договоры на одного и на нескольких авторов размещены на сайте журнала. Договор подписывают все авторы статьи).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Все документы можно представить лично, либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) по адресу:

**400089, Волгоград, ул. Историческая, 130,
Волгоградская академия МВД России,
редакция журнала «Судебная экспертиза»**

e-mail: c-expertisa@yandex.ru

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный варианты. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Редакция рекомендует авторам проверять рукописи на оригинальность на сайте www.antiplagiat.ru

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

В случае возникновения вопросов обращаться по телефонам:
(8442) 31-41-22, (8442) 24-83-62.

Редактор *Е. Ю. Провоторова*
Компьютерная верстка *А. А. Сеницыной*
Дизайн обложки *Н. Н. Грибановой*

Адрес издателя: 400089, Волгоград, ул. Историческая, 130,
Волгоградская академия МВД России

Адрес редакции журнала: 400089, Волгоград, ул. Историческая, 130,

Подписано в печать 15.06.2018. Дата выхода в свет: 27.06.2018.

Формат 60X84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Физ. печ. л. 17,0. Усл. печ. л. 15,8.

Тираж 500. Заказ 24. Цена по подписке по каталогу «Роспечать» 413 руб. 44 коп. (2 номера).

Отпечатано в ОПиОП РИО ВА МВД России. 400131, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.